

РУССКОЕ ОСВОЕНИЕ ЯМАЛА ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

Российская Академия наук
Уральское отделение
Институт истории и археологии
Ямальский филиал
Администрация Ямало-Ненецкого автономного округа
Департамент информации и связи с общественностью

РУССКОЕ ОСВОЕНИЕ ЯМАЛА ДО НАЧАЛА XX ВЕКА (ДОКУМЕНТЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ)

К 75-летию Ямало-Ненецкого автономного округа

Салехард-Екатеринбург
2005

Ямальская документальная коллекция

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН

Ответственный редактор к.и.н. И.В.Побережников

Рецензенты д.и.н., проф. С.П.Постников,
к.и.н. И.В.Починская

Р89 Русское освоение Ямала до начала XX века (документы и исследования). — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005 г. — 240 с.

ISBN 5-7851-0572-1

В сборнике опубликованы комплексы архивных документов, а также исследовательские статьи, освещающие основные этапы интеграции Ямала в состав России. Представлен материал по истории присоединения, административно-политического, хозяйственного, культурного освоения крайнего севера Западной Сибири. Существенное внимание уделено проблеме христианизации края.

Материалы сборника представляют интерес для исследователей истории Ямала и Сибири, преподавателей, студентов.

© Департамент информации и общественных
связей администрации ЯНАО, 2005 г.

© Институт истории и археологии УрО РАН,
Ямальский филиал, 2005 г.

ISBN 5-7851-0572-1

ЯМАЛ В XII — НАЧАЛЕ XX ВВ.: ПЕРИОДИЗАЦИЯ РУССКОГО ОСВОЕНИЯ

История освоения региона Ямал, представляющего крайний север Западной Сибири (данный регион ныне включает в свой состав восточный склон Полярного Урала, Нижнее Приобье, полуостров Ямал, часть Гыданского полуострова, районы Обской и Тазовской губы с бассейнами рек Надым, Пур и Таз), является неотъемлемой составляющей грандиозного процесса русского освоения Сибири в целом. Крайний север Западной Сибири был первым зауральским регионом, с которым познакомились славяне. Именно здесь были проложены первые пути в Сибирь. Здесь же впервые вырабатывались модели хозяйственного освоения новых территорий и организации взаимоотношений с коренным населением, которые затем применялись по мере продвижения русских землепроходцев к Тихому океану. Северо-Западная Сибирь длительное время служила каналом проникновения русских вглубь сибирских просторов, на Енисей и Лену.

При этом освоение северных территорий Западной Сибири имело свою существенную специфику, которая обуславливалась огромной площадью, крайне суровыми природно-климатическими условиями, малонаселенностью, малочисленностью населения по сравнению с более южными районами. В частности, освоение данных территорий осуществлялось крайне медленными темпами. Если в более южных районах стадия промыслового освоения уже с начала XVII в. была дополнена аграрно-земледельческой колонизацией, а в XVIII в. — промышленной, то на севере Западной Сибири торгово-промысловая колонизация затянулась до первых десятилетий XX в. Поэтому схемы периодизации сибирской истории, которые были разработаны с учетом преимущественно особенностей земледельческого и промышленного освоения, вряд ли могут быть без оговорок и с успехом применены для объяснения динамики исторического развития крайнего севера Западной Сибири.

В связи с этим мы поставили целью исследования выявить основные этапы русского освоения крайнего севера Западной Сибири с зарождения данного процесса до начала XX в.

При выделении этапов освоения мы стремились учитывать целый ряд параметров: каковы в данный период основные политичес-

кие участники процесса освоения; какие коммуникации используются для проникновения в регион, какая коммуникационная инфраструктура обеспечивает миграции внутри региона; кто выступает в роли социальных агентов освоения; какова степень укоренения и размещения агентов освоения на осваиваемой территории; каковы наиболее значимые полюса притяжения для региона освоения; какие способы освоения используются; какова степень воздействия осваивающего социума на социум осваиваемой территории; как складываются между ними взаимоотношения.

Использование подобной достаточно детальной системы критериев, как мы надеемся, позволило очертить хронологические рамки периодов, которые действительно содержательно и сущностно отличаются друг от друга.

В качестве первого этапа русского освоения крайнего севера Западной Сибири следует выделить условно XII — середину XV в. (этап раннего новгородского освоения). В течение данного продолжительного периода доминирующей силой в освоении указанных территорий выступали новгородцы. Именно они долго до политического присоединения Северного Зауралья к Русскому государству установили контакты с населявшими его народами. Включение Новгорода, видимо, с XI в., в систему европейской торговли, складывавшейся на Балтике, стимулировало поиски новгородцами новых территорий, богатых пушными ресурсами. Позиционирование Новгорода в данной системе обмена осуществлялось именно благодаря его, по выражению М.Н. Покровского, «почти монопольному господству на меховом рынке». «У новгородской Руси, — писал М.Н. Покровский, — была обширная колониальная область, захватывавшая все южное побережье Ледовитого океана, до Оби приблизительно. Здесь был практически почти неисчерпаемый запас наиболее ценных предметов тогдашнего обмена, на первом месте мехов. Недаром меховая торговля первая приобрела в Новгороде оптовый характер» [1]. При этом специализация на торговле и включение в качестве младшего партнера немецкой «Ганзы», ее восточного периферийного форпоста, в балтийскую систему товарооборота в конце концов, по мнению современного историка Б. Кагарлицкого, обусловило по мере упадка традиционных торговых маршрутов экономическую и социально-политическую деградацию Новгорода, пережившего эволюцию, напоминающую развитие «лицом к морю» и «спиной к стране» некоторых итальянских торговых городов-государств в XVI—XVII вв. [2].

Расположение Великого Новгорода, крупного торгового и культурного центра, на севере русских земель благоприятствовало установлению им связей с жителями северо-восточных пределов Европы и Северо-Западной Сибири. Распространение новгородской территории шло как бы кружным путем, по дуге, протянувшейся от Новгорода на северо-восток по землям, примыкавшим к Студеному морю, т.е. через Заонежье, поскольку непосредственно к востоку от Новгорода и Ладоги далеко на север вклинивалась территория Ростовской земли. Видимо, уже к IX–XI вв. следует отнести появление славянского населения на Нижнем Подвинье, ставшем базой дальнейшего продвижения на восток [3].

На своего рода геополитическую запрограммированность новгородского продвижения на северо-восток, в частности, указывал Н.И. Костомаров: «Новгород стоял вдаль, так сказать, в углу; за ним кончался русский мир. Новгород в землях к северу, востоку и западу от него естественно был господин: ни в какой другой русской земле не могло образоваться побуждения посягать на эти отдаленные страны. Тогда как другие земли, соприкасаясь между собой в неясности границ, имели поводы ко взаимному столкновению, Новгород со своими владениями самой природой поставлен был в такое положение, которого законность выказывалась для всех сама собой, более чем в других краях русского мира. Новгород расширял свои владения на три стороны: к северу, востоку и западу, и не встречал соперничества с другими русскими землями; в то же время увеличение владений приносило ему богатства; сами эти богатства доставать и пользоваться ими первоначально могли только новгородцы: эти богатства состояли в мехах и добывались в таких краях, куда проникать, по месту жительства, удобнее было новгородцам, чем другим» [4].

Новгородские молодцы налаживали торговые и другие отношения с финно-угорским населением; а последнее помогало ориентироваться в постепенном продвижении по еще неизвестным рекам и волокам, ведущим на восток, к горам Северного Урала и Зауралья. Вслед за «разведчиками» в «полунощные страны» (так называли в те времена Северный Урал с прилегающими территориями) направлялись ватаги предприимчивых торговцев и звероловов, за которыми продвигались военные экспедиции, снаряжаемые Новгородской республикой и, видимо, отдельными крупнейшими новгородскими боярами («без слова новгородского»), преимущественно, имевшими собственные базы в Подвинье (Заволочье), для сбора дани с туземного населения [5].

Возможно, уже во второй половине XI в. новгородцам удалось пробраться в местности, непосредственно граничившие с горами Северного Урала (летописец, писавший в 1114 г., утверждал, со слов очевидцев-предприимчивых ладожан [6], что «ходиша люди старины за Югру и за Самоедь», где им пришлось наблюдать, как из туч на землю падают и расходятся «веверицы млады», т.е. белки, и «оленци мали»).

Вероятно, первой формой контактов новгородцев с аборигенами была бартерная торговля, красочно описанная летописцем со слов Гюряты Роговича (конец XI в.). Он рассказывал, как жители крайнего Севера «показывают на железо и делают знаки руками, прося железа; и если кто даст им нож ли, или секиру, они в обмен дают меха». Со временем торговые отношения новгородцев с югричами должны были расширяться, в определенной степени стимулируя развитие новгородского ремесла.

Однако широкое распространение получила и другая форма приобретения новгородцами пушных ресурсов — в виде дани. Чтобы заставить аборигенов давать дань, необходимо было употребить силу. С этой целью новгородцы стали совершать военные походы [7] в пушное Эльдорадо. Согласно летописным свидетельствам, во второй половине XII в. югричи уже были вынуждены давать новгородцам дань ценными мехами.

Новгородские экспедиции нередко встречали яростное сопротивление туземных князьков и даже терпели неудачи. В целом эти походы носили эпизодический характер и преследовали в качестве цели — получение дани, зачастую разовое. Успех воинских экспедиций Новгорода в значительной степени зависел от степени согласованности интересов государства и частных новгородских купцов и промышленников, нередко в стремлении получить больше для себя приносивших в жертву государственные интересы (известны случаи, когда новгородцы объединялись с туземным населением против воевод, возглавлявших воинские экспедиции Новгорода для сбора дани).

Тем не менее, в результате новгородских походов в XIII в. Югра (предки позднейших хантов и манси) [8], обитавшая первоначально преимущественно к западу, а не к востоку от Уральских гор, была номинально подчинена Новгороду Великому (в договорных грамотах Новгорода с 60-х гг. XIII в. вплоть до Яжелбицкой грамоты 1456 г. Югра неизменно упоминалась в числе его волостей); правда, зависимость югорских «князей» ограничивалась довольно нерегу-

лярной выплатой дани соболиными мехами и другими местными продуктами. По мнению исследователей, сбор югорской дани при отсутствии в Югории новгородских «мужей» представлял собой нечто вроде реквизиции или контрибуции в неприятельской стране. В.Н. Бернадский называет ее «колониальным грабежом» старого типа [9].

Вполне вероятно, что именно новгородские воинские экспедиции стали поводом к началу постепенного перемещения югров на восток, в районы Нижнего Приобья, где уже ко второй половине XIV в. дислоцировались основные группы югричей. (Со временем разноэтничные потоки мигрантов с запада и с юга, основу которых составляли все же угорские группы, разрезали клином, идущим вдоль течения Оби к ее устью, территорию прежнего расселения самодийцев) [10].

Вслед за уходившими на восток юграми продвигались и новгородцы, совершавшие по крайней мере с середины XIV в. походы уже и в Зауралье, «по Оби реке до моря». Именно так рисуется маршрут движения военной экспедиции под руководством Александра Абакумовича и Степана Ляпы в 1364 г. Летописец сообщает по этому поводу: «Зимою с Югры новгородцы приехаша, дети боярские и молодые люди, и воеводы Александр Абакумович, Степан Ляпа, воеваша по Оби реки до моря, а другая половина рати на верх Оби воевоша» [11].

Югра, наряду с Пермью, Печерой, Терским берегом, относилась к тем окраинным зависимым землям Новгорода, где — в силу их огромной удаленности — невозможно было устроить постоянные становища-погосты. Туда поэтому отправлялись отряды сборщиков дани, «даньников», возможно, назначавшихся на достаточно продолжительный срок. «Даньникам» приходилось опираться на местную аборигенную элиту — старейшин, князьков. А.Н. Насонов попытался представить деятельность новгородских сборщиков дани в Югре на основе рассказа Новгородской 1-й летописи о неудачном походе 1445 г. под предводительством двоих воевод, Василия Шенкурского и Михаила Яковлева: «Новгородцы укрепились “острогом”; так как летопись называет его “Васильев острог”, ясно, что “острог” этот был сооружен самим воеводой Василием, возглавлявшим новгородскую рать. Начались переговоры с югорцами. Югорцы говорили: “мы хотим вам дани даяти, а хотим счестися, и указати вам станы и острова, уречища”. Таким образом, сбор дани был сопряжен с учетом населения, сведения о поселениях и угодьях

давало само местное население. Оно давало сведения о “станах”, как на северном языке назывались места рыболовных ватаг; об “островах”, т.е. чистых от леса, возвышенных, сухих местах, пригодных для обитания, обитаемых; об “уречищах”, т.е. об уреченных, условленных местах, заимках» [12].

Необходимо учитывать, что в данном случае целью югричей было обмануть новгородских «данныков», усыпить их бдительность. В реальности поставки дани, их объем, вероятно, должны были зависеть в значительной степени от настроений самих аборигенов, сообщавших новгородцам информацию об объектах обложения. Вероятно, даже в случае лояльного отношения югричей к сборщикам дани, объемы последней должны были быть достаточно произвольными. Тем не менее, информация, которую содержит летопись, позволяет предположить, что новгородцы пытались внести порядок в сбор дани с югричей, определить объекты и нормы обложения.

Даже несовершенные формы господства Новгорода над северными землями открывали новгородским верхам немалые возможности для обогащения. Отправка промысловых ватаг, сбор дани, меновая торговля с туземным населением северного Приуралья обеспечивали широкий поток в Новгород пушнины и других богатств севера. На югорских мехах выросло богатство и могущество влиятельнейшей боярской фамилии Гюритиничей. Какие богатства давали походы в «полунощные страны», можно судить по летописному свидетельству 1365 г., сделанному после успешного похода на Югру, о закладке «югорцами» каменной церкви святой Троицы (т.е. югорская добыча была настолько велика, что позволила победителям построить каменную церковь) [13].

Преувеличивать политическое значение этих военных предприятий Новгорода на восток от Уральского хребта не стоит. Как справедливо отмечал С.В. Бахрушин, «не могло быть и речи о правильном завоевании страны: походы носили характер более или менее случайных набегов, производившихся под начальством “воевод новгородских” шайками добровольцев, “путников”, как их называет летопись, набравшихся из “детей боярских и удалых людей”» [14].

В целом значимость первого этапа состояла в большей степени не в политических последствиях, которые действительно были номинальными и преимущественно ограничивались приуральским ареалом, а в разведке новых территорий, в сборе географических сведений о них, в прокладке маршрутов продвижения через Урал в Северо-Западную Сибирь, которые были широко использованы впо-

ледствии в организации обменных операций с населением северного Приуралья и Зауралья. Именно новгородцы проложили первые пути на Урал и далее в Сибирь. Наиболее ранним трансуральским маршрутом стал печорский путь, получивший позднее наименование «чрезкаменного». Превосходно проанализированный С.В. Бахрушиным, данный путь пролегал в месте географического сближения бассейнов европейской реки Печоры и сибирской — Оби. Восточным притоком Печоры — рекой Усой — «чрезкаменный» путь подходил к Уральским горам. Из Усы попадали в ее приток Сось, а из Соби в Елец (Ель). Верховья Ельца близко подходили к верховьям другой Соби, принадлежавшей уже обскому бассейну. Новгородские купцы и промышленники пересекали Уральские горы «каменным волоком», который прерывался семью озерами, в промежутках между которыми лодки и поклажу приходилось перетаскивать на руках. От устья Соби, недалеко от места расположения будущего Обдорска (Салехарда), двигались либо вверх по течению Оби, в глубь Сибири, либо вниз к Обскому устью.

Позднее, видимо, в XIV—XV вв., новгородские торговые люди проложили еще один путь, более южный, для перехода через Урал — другим притоком Печоры, Щугором. Данный путь был описан в так называемом Югорском дорожнике, одном из наиболее ранних хорографических описаний северо-востока Европейской России, послужившим источником для характеристики С. Герберштейном «Пути к Печоре, Югре и до самой реки Оби» [15]. Торговцы и промышленники поднимались до верховьев Щугора, переваливали через горы, спускались в р. Сыгву (Ляпин), затем — в р. Киртас, из которого попадали в Северную Сосьву, впадающую в Обь. Известно еще об одной новгородской дороге в Сибирь, которая шла по третьему притоку Печоры — Илычу [16].

Новгородские маршруты в Сибирь через северный Урал не были легкими; пользоваться ими можно было лишь в летнее время, «водяным путем», так как зимой перевал через Уральские горы был сопряжен с очень большими трудностями (в виде исключения перебирались через горы зимою на оленях или на собаках). Тем не менее, эти старинные пути имели некоторые преимущества. Во-первых, печорский путь первоначально был единственно возможным, поскольку южные подступы к Уралу, в частности, камский, длительное время были отрезаны от русских сильными соседями, волжскими булгарами, а затем казанскими татарами. Во-вторых, печорский путь посредством Северной Двины и ее притоков — Юга и Сухоны,

вытекавших с Алаунской возвышенности, был связан с центром Русской равнины, что потенциально позволяло со временем воспользоваться данным маршрутом и населению «низовских» княжеств, в рамках которых размещалось ядро сформировавшегося впоследствии Русского централизованного государства. Наконец, северные пути в Зауралье были достаточно обжиты, по крайней мере в своей европейской части, новгородцами, что обусловило длительность их использования (и в XVI, и XVII вв.).

Что касается народов крайнего севера Западной Сибири, то «дору́сский» период в их истории был эпохой непрерывных войн различных угорских и самодийских групп между собой. Именно таким он предстает в фольклоре обских угров. Этнолог Е.П. Мартынова указывает на традиционное деление обско-угорской истории на «военное время» (*ляль / тять пура* (хант.)) и «русское время», которого информаторы придерживаются до сих пор [17]. Исследователь отмечает определенную интенсификацию консолидационных процессов в Северо-Западной Сибири под влиянием внешнеполитического фактора — тюркской экспансии в южных районах (к VIII—IX вв. относят появление тюрков у южной границы таежной зоны Прииртышья, а к XIII в. — их проникновение вглубь таежной зоны; возможно, в XIV—XV вв. татарами было покорено остяцкое население в долине Иртыша; высказываются предположения о принятии под свое покровительство Сибирским ханством и нижнеобских хантов, князь которых (обдорский) получил звание тайши) и русского проникновения в северо-западных, стимулировавшего возникновение территориальных потестарных объединений («княжеств») угров на Нижнем Иртыше и в близлежащем Приобье. Под влиянием военных экспедиций новгородцев активизировались интеграционные процессы среди аборигенного населения Северного Зауралья (образование Обдорского, Ляпинского и Кодского «княжеств» в бассейне Нижней Оби). При этом интеграционные процессы среди обско-угорского населения нашли выражение не только в военно-политической, но и в религиозно-культовой сфере (возникновение крупных религиозных центров).

«Княжества» являлись полиэтническими образованиями, объединявшими различные этнические группировки самих угров и подчинявшими иноэтнические компоненты. Так, Обдорское княжество контролировало тундровых самоедов, Казымское — лесных. Таким образом, — делает вывод Е.П. Мартынова, — «в пределах обско-угорских “княжеств” можно говорить об интеграции различных пле-

менных и даже этнических образований. Они представляли собой крупные военно-политические союзы на территориально-соседской основе» [18]. Собственно объединительными процессами среди аборигенного населения Северного Зауралья Е.П. Мартынова объясняет определенные успехи угров в их столкновениях с новгородцами [19].

В качестве второго этапа выделяется период примерно с последней трети XV в. по начало 1590-х гг. На данном этапе происходит смена основного политического участника освоения крайнего севера Западной Сибири. Место Новгорода, окончательно потерявшего политическую независимость в 1478 г. и включенного в состав Русского государства, занимает Москва (великое княжество, а затем царство). Второй этап можно определить как **этап раннего московского освоения.**

Переход от первого ко второму этапу был предreshен ликвидацией Новгородской республики как независимого государства. Московское княжество, в состав которого вошел Новгород со всеми зависимыми от него землями, унаследовало и колонизационный порыв Новгорода на северо-восток и ту коммуникационную инфраструктуру, которая была создана новгородцами ко второй половине XV в. и обеспечивала продвижение славян за Урал и мобилизацию пушных ресурсов «полуночных стран». Однако, во-первых, прежняя зависимость Югры от Новгорода не была, как уже было сказано, прочной. Во-вторых, проникновение новгородцев в пределы Северо-Западной Сибири не было глубоким. Вследствие этого Москве необходимо было заново утверждать свое господство в землях северо-восточных соседей. Предпосылки перехода ко второму этапу были подготовлены приблизительно полуторостолетней по своей временной протяженности конкуренцией «низовских» князей (ростово-суздальских, а затем и московских) с Новгородом за господство над европейским севером (Подвинье) и за контроль над путями в «полуночные страны» [20].

Эта борьба особенно обострилась в XIV в. Серьезную угрозу для новгородских молодцев представлял Устюг, находившийся в зависимости от ростово-суздальских князей. Устюжане громили и грабили новгородцев, «кто ходил на Югру», в 1323. В следующем, 1324 г., новгородцы одержали верх над устюжанами и заставили устюжских князей заключить мирный договор, который, однако, соблюдался Великим Устюгом недолго (известно о нападении устюжан на новгородскую рать, возвращавшуюся из Югры, в 1329 г.). В

самом конце XIV в. в борьбу «низа» и русского северо-запада активно включилось Московское княжество, начавшее серьезное наступление на север. Недовольство Москвы успехами Новгорода на северо-востоке усиливали рост пушной торговли через Смоленск со странами Западной Европы и развитие дипломатии, требовавшей щедрых подарков пушниной [21]. Вошедший в состав Московского княжества Устюг стал играть роль форпоста в противостоянии Москвы с Новгородом. С этого времени начинается планомерное наступление Москвы на Двину и Печору.

Серьезный удар монополии новгородцев на торговлю с «полуночными странами» был нанесен в последней четверти XIV в. В 1379 г. миссионер Стефан Пермский начал просветительскую деятельность в Перми Вычегодской (Перми Малой или Старой) среди коми-зырян, которые к концу XIV в. были христианизированы. В 1383 г. с благословения московских духовных властей на р. Выме учреждается Пермская епархия (первым епископом ее стал Стефан Пермский) с центром в Усть-Выме, которая становится проводником московского влияния среди коми-зырян, в бассейнах рек Вычегды и Выме, а также исходным пунктом для утверждения власти Москвы на Печоре и в Верхнем Прикамье. Создание новой епископии было делом государственной важности, поскольку обеспечивало распространение далеко на север Московской Руси «в ее духовном измерении, очень тесно связанном с княжеско-государственным».

В дальнейшем коми-зыряне принимали самое активное участие в восточных походах русских, выполняли функции проводников, переводчиков, способных быстро и безопасно вступать в контакт с угро-самодийским населением. Приспособленные к тяжелым походам в сложных условиях приарктических областей коми передавали свой опыт русским колонистам [22].

В 1397 г. Москве удалось на короткое время отнять у Новгорода Двинскую землю, потерянную, правда, уже на следующий год [23]. В XIV — начале XV вв. появляется оседлое русское население в Верхнем Прикамье (Пермь Великая), начинается стихийная колонизация края преимущественно выходцами с севера, из бывших ростово-суздальских земель, перешедших к Москве, а в 1451 г. Пермь Великая формально присоединилась в качестве удела к Москве. После успешного похода московской рати под началом воевод князя Федора Пестрого и Гаврилы Нелидова в 1472 г. Пермь Великая прочно вошла в состав Московского государства, а для Ивана III

открылись камские, более южные в сравнении с новгородскими, пути в Зауралье, в Югру [24].

Закрепившись в Перми Вычегодской, а затем и в Перми Великой, Москва создала собственную базу для проникновения за Урал, имевшую свой путь в Сибирь — т.н. Вишерско-Лозьвинский, который будет широко использоваться русскими в XVI столетии («Московская», «Государева» дорога): «от Соли Камской мимо Чердынь водяным путем Вишерою [притоком Камы, на котором стоит Чердынь] вверх, да через Камень в Лозьву реку, да Лозьею вниз в Тавду реку, да Тавдою рекою вниз до Тобола реки», а далее по Иртышу и по Оби. Преимуществом Вишерско-Лозьвинского пути была его тесная связь с Вычегодою и с Печорою [25].

К середине XV в. позиции Новгорода Великого на Севере были уже значительно подорваны. Неудачным был последний поход 3-тысячного новгородского войска на Югру в 1446 г. [26]. В этот период натиск Москвы на Новгород чрезвычайно усиливается. Москва, потеряв после завоевания турками Константинополя и итальянских колоний в Крыму возможность торговать с итальянскими городами-республиками, активизирует наступление на торговый форпост России того времени — на Новгород [27].

После Яжелбицкого (1456) и Коростынского (1471) договоров Москвы с Новгородом прекращаются походы новгородских дружин в Югорскую землю за пушниной. В 1478 г. полуавтономное к тому времени Новгородское государство окончательно ликвидируется, в связи с чем происходит окончательная и полная передача Москве восточных волостей Новгорода, переход основных торговых путей на восток в руки московских князей.

Еще в 1465 г., т.е. до окончательной потери Новгородом политической независимости, московские войска под руководством воеводы устюжанина Василия Скрыбы совершили первый поход за Урал. Перейдя с верховьев Камы Вишерско-Лозьвинским путем на восточные склоны Уральских гор московские ратники «Югорскую землю воевали, и полону много вывели, и землю за великого князя привели». Взятые в плен югорские князья (видимо, вогульские) Калба и Течик были доставлены в Москву. Иван III «пожаловал» их «югорским княжением и отпустил их в Югру, а на них дань возложил и на всю землю Югорскую». Таким образом, установилась некоторая номинальная зависимость части югорских земель от Москвы [28].

В 1483 г. в ответ на набег пелымского князя Асыки на Пермь Великую (1481 г.) московская рать во главе с воеводами князем

Федором Курбским Черным и Иваном Салтыком-Травиным совершила второй зауральский поход против Асыки и его сына Юмшана. Войска Ивана III перешли уральский хребет, разбили вогулов (манси) на Пелыме, по Оби и Иртышу, Тавде и Тоболу вошли в «Сибирскую землю», «повоевав» которую, по Иртышу спустились в Обь, захватили в Югорской земле «большого» кодско-казымского князя Молдана и двух сыновей правившего в низовьях Оби обдорского князя Екмычея — Чалмака и Сонту. Пленные югорские князья были доставлены князем Ф. Курбским в Москву. 14 марта 1484 г. Иван III впервые включил в свой титул название Югорского, зафиксировав, таким образом, факт официального включения Югры в состав Московского государства. В конце декабря 1484 г. недалеко от центра Пермской епархии городка Усть-Вымь при посредничестве пермского епископа Филофея был заключен мир с кодскими и югорскими князьями. Князья Молдан, Питкей, Пынзей, неизвестный по имени сын Молдана и один из сыновей Якмычея — Сонта клялись соблюдать мир. Участники переговоров закрепили мирный договор полужыческим-полухристианским обрядом: трижды ходили вокруг елки по медвежьей шкуре с острыми саблями в руках; при этом кланялись: христиане — кресту на елке, вогулы — на юг; пили воду с золота и произносили: «Кто изменит, а ты, золото, чуй». По свидетельствам позднейших летописей, югорские князья присягнули Ивану III и обязались давать ему дань [29].

В 1499 г. в Зауралье была вновь отправлена рать (более 4 тыс.) во главе с воеводами князем С.Ф. Курбским, князем П.Ф. Ушатым и В.И. Гавриловым-Бражником. Это был третий поход московского экспедиционного корпуса за Урал, целью которого была ликвидация независимости Ляпинского княжества и наказание пелымских манси, не плативших дань. Показательно, что участники данного похода использовали как вишерско-лозьвинский, так и новгородские печорские дороги в Зауралье. В ходе данной экспедиции ее участники (отряд князя П. Ушатого) построили в низовьях Печоры Пустозерский острог, ставший опорным пунктом Москвы в деле освоения северного Зауралья на теперь уже бывших новгородских путях. Основные силы экспедиции совершали переход через уральские горы по хорошо известному новгородцам маршруту: Щугор-Сыгва-Северная Сосьва-Обь. После ряда столкновений с югричами и самоедами московские воеводы заняли около четырех десятков укрепленных городка, взяли в плен более 1000 «лучших людей» и 58 князцов. Делегация югорской знати, прибывшая на оленях от

устья Оби, заявила о своем желании принять русское подданство и выплачивать дань Москве. Жители «Югорской земли» были приведены «к роте по их вере» за великого князя. Иван III включил в свой титул звание князя Югорского, Обдорского и Кондийского. Хотя, вероятно, зависимость обдорян, самого отдаленного и северного протогосударственного территориального объединения в Нижнем Приобье в данный период имела весьма абстрактный характер [30].

Таким образом, к концу XV в. угорские княжества Нижнего Приобья признали вассальную зависимость от Москвы, которая, однако, носила номинальный характер, ограничиваясь преимущественно нерегулярной выплатой дани «со всякого человека по соболю». В результате зауральских походов 1465, 1483 и 1499 гг. были созданы лишь основы для политической интеграции Северного Зауралья, Югорской земли, в состав Московского государства.

Благодаря недавним архивным находкам екатеринбургских историков (Е.В. Вершинин, А.Т. Шашков) удалось установить, что уже в первой четверти XVI в., а не с конца данного столетия, как считалось ранее, началось приведение зауральских самодийцев в российское подданство. В 1525 г. несколько самоедских князцов выразили готовность «служити и дани давати» московскому государю — Василию III, а последний обязался за них «стояти и от сторон беречи». Отношения подданства были подтверждены выданной самоедам от имени великого князя жалованной грамотой — «в самоедь югорскую, что живут по реке по Оби, князю Карачею Седу, да князю Лехею, да князю Томышу, да князю Белоголову, да князю Яркоме, и всем земским людям самоеди югорской, которые живут по Оби реке». Интересно, что данная грамота адресовалась как сибирским самоедам (род Карачеи или Харючи), так и ненцам рода Лохей, которые кочевали к западу от Урала. Согласно предположению Е.В. Вершинина, к началу XVI в. процесс перемещения самоедов на запад, в тундры европейского Севера, еще не был завершен, и род Лохей проживал еще в основном в Нижнем Приобье. В дальнейшем европейские самоеды более менее регулярно сдавали дань в Пустозерск; вероятно, иногда, «по доброй воле», давали дань и зауральские самодийцы, заинтересованные в приобретении русских товаров [31].

Уже в 1480-е гг. автор «Сказания о челоовецах незнаемых в Восточной стране» сообщал полуфантастические сведения о жителях восточных районов Северо-Западной Сибири: «На восточной

стороне за Югорскою землею над морем живут люди самоедь, зовомы малгонзеи. А едят мясо оленье, да рыбу, да между собою друг друга едят. А гость к ним предет, и они детей своих закалывают для гостей, да тем кормят. А которой у них умрет, и они снедают. А в землю не хоронят» [32]. В данном случае речь, видимо, шла об энцах рода *monkasi* (*monkandi*), известном позднее, в XVII в., под именем мангазея (муггади) по ясачным книгам Мангазейского уезда [33].

В XVI в., задолго до политического присоединения края, организации в нем местного воеводского управления, основания города Мангазеи и создания сети ясачных зимовий, сказочная земля Мангазея становится знакомой русским землепроходцам не понаслышке и приобретает вполне реалистичные черты благодаря поморам, которые осваивают морской прибрежный путь в устье Оби и далее на восток — в районы рек Пура, Таза, Турухана и в низовья Енисея (возможно, даже в первой половине XVI столетия). Факт проникновения водами Северного Ледовитого океана поморских промышленников в район Мангазеи подтверждается и основанными на русских источниках и показаниях свидетельствами западноевропейских мореплавателей и путешественников, настойчиво собиравших информацию о Сибири и пытавшихся с середины XVI в. проникнуть на восток (англичане и голландцы — С. Бэрроу, А. Дженкисон, Р. Джонсон, Х. Холмс, А. Марш, И. Масса и др.). Данные свидетельства не оставляют сомнений в том, что для поморов плавание туда стало уже привычным и относительно массовым делом в тот период. Известно, что во второй половине 1570-х гг. морские полярные экспедиции в устье Оби осуществляли Строгановы. По свидетельству И. Массы, именно с пушной торговли в низовьях Оби началось их обогащение. К 1580—1590-м гг. относятся уже более конкретные сведения о систематических связях поморских промышленников с районом, где позднее возник город Мангазея. Так, в 1616/1617 г. торговые и промышленные люди с Двины, Пинеги и Мезени свидетельствовали, что они ходят в Обскую губу и в землю Мангазею морем, «которого лета льды пропустят», «для промыслов своих лет по двадцати и по тридцати, и больше». В 1603 г. власти Мангазеи признавали, что «преж сего приходили в Мангазею и в Енисею с Руси многие торговые люди, пермичи, и вятчане, и вымичи, и пустозерцы, и устюжане, и усольцы, и важеня, и каргопольцы, и двиняне, и вологжане, и всех московских городов торговые люди со всякими товарами и торговали во всей Мангазее и Енисее,

езда по городкам и по волостям, и по юртам и по зимовьям...». Районы пушных промыслов русских промышленников в тот период на востоке простирались вдоль Енисея до устья Подкаменной Тунгуски, а также охватывали течение Нижней и Подкаменной Тунгусок и даже далекой Пясины. Еще до похода Ермака в низовьях р. Таз появилось первое русское поселение-фактория Тазовской городок, наиболее ранние постройки которого датируются археологами 1572 г. Вполне уверенно о существовании русских населенных пунктов до основания Мангазеи говорит В.А. Александров: «Нет никаких сомнений в том, что промысловые зимовья, опорно-перевалочные пункты, а возможно, и какие-то “городки” русских промышленников существовали по Тазу и Турухану до основания города Мангазеи, Туруханского зимовья и сети других ясачных зимовий». Успехи русских мореходов стимулировали попытки английских мореплавателей достичь Северным Ледовитым океаном Китая. В 1582 г. англичане, опираясь на конкретные сведения русских мореходов о состоянии северного морского пути, просили русское правительство о предоставлении им монопольного права на торговлю в устьях северных рек Европейской России и Сибири — Северной Двины, Мезени, Печоры, Оби, Енисея [34].

Русские промышленники устанавливают деловые отношения с остяками и самодийцами в Нижнем Приобье и в восточных районах Северо-Западной Сибири, обменивая русские товары на пушнину. По-прежнему большую роль в обеспечении торговых контактов между русскими купцами и северными народами играют печорские пути в Сибирь, по которым свои товары за Урал везли жители Поморья — русские и зыряне. Одним из центров оживленной меновой торговли с жителями Северного Зауралья становится Роговой городок (остяцкий Сускар), находившийся в среднем течении р. Усы [35].

К середине XVI в. относятся сдвиги в экономической жизни страны, вызвавшие существенный рост спроса на пушнину и, как результат этого, активизацию русского продвижения на восток. Следует отметить дальнейшее развитие торговых связей с Западной Европой, чему благоприятствовали взятие Москвой в 1514 г. Смоленска, как бы приоткрывавшее дверь для торговли с Польшей и Литвой, и открытие англичанами морского пути в Россию в 1553 г. и создание русского торгового порта первоначально в Ругодиве на Балтике (в 1550—1570-е гг.), а затем в Архангельске на Белом море (1585 г.). Падение в 1552 г. Казанского ханства, покорение в 1556 г. Астрахани, давшие Московскому государству волжский путь,

открыли доступ к рынкам Средней Азии. Одновременно взятие Казани способствовало упрочению позиций Москвы в Северном Зауралье: «русские стали твердой ногой на Каме и на ее притоках» [36], им открылся широкий путь «встреч солнца».

Царские пожалования и земельные захваты в Прикамье послужили основой возникновению вотчин сольвычегодских промышленников Строгановых, на землях которых в 1550—1560-х гг. были возведены укрепленные городки Пыскор, Орел-городок, Нижний Чусовской. В 1574 г. правительство Ивана IV дало Строгановым жалованную грамоту на зауральские земли, еще не входившие в состав Русского государства. В результате воинской экспедиции Ермака, снаряженной Строгановыми, в 1582 г. пала столица Сибирского ханства — Искер (Сибирь, Кашлык), что придало существенное ускорение процессам освоения Сибири, приобретшим непрерывный характер. Значительно увеличился поток переселенцев на Урал и в Сибирь, первоначально, в конце XVI—XVII вв., шедший преимущественно из районов Европейского Севера. В 1580—1590-е гг., еще в разгар военных действий, возникают древнейшие зауральские города — Тюмень, Тобольск, Пелым, Березов, Сургут, Нарым и др. Необходимо при этом отметить, что военные акции со стороны России против ханств были предприняты после многочисленных попыток урегулировать с ними отношения мирными средствами. В результате ликвидации ханств были созданы предпосылки мирного освоения русскими людьми Зауралья и Сибири.

Итак, на втором этапе русского освоения крайнего севера Западной Сибири инициатива переходит от Новгорода Великого к Московскому государству. Последнее, включив в свой состав новгородчину, в определенной степени унаследовало и традиции новгородской колонизации: репертуар способов (воинские экспедиции, меновая торговля, пушной промысел) и созданную к тому времени инфраструктуру, в первую очередь, коммуникации. Наступление этапа раннего московского освоения, видимо, не привело к сокращению участия частного элемента в колонизационном процессе (торговцы, промышленники). Напротив, как раз в данный период активизируется деятельность поморских мореходов, освоивших северный морской путь до Оби и даже до Енисея. Из числа участников освоения исчезает фигура крупного магната-боярина, снаряжавшего ранее собственные ватаги молодцев (весьма близких ушкуйникам, одно время — в XIV в. — пытавшихся установить свой разбойничий контроль на Волге и Каме [37]), вероятно, предпочитавших обеспечивать

мобилизацию пушных ресурсов не мирной торговлей, но использованием военной силы или угрозы ее применения. В этом плане, вероятно, нет серьезных оснований для противопоставления так называемых новгородской и московской моделей освоения (торгово-промысловой и военно-административной) Северо-Западной Сибири [38].

Чем все же действительно отличается новый этап от предшествующего, так это укрупнившимися масштабами освоения, совершенствованием его инфраструктуры, включением в орбиту внимания участников процесса большей части территории крайнего севера Западной Сибири, в том числе ее восточных районов, ранее бывших недоступными, расширением периметра охвата осваиваемых земель (с севера, запада, юга против прежнего единственного вектора колонизационного движения, направленного с запада на восток), определенным реализмом по сравнению с прежним номинализмом новгородского периода политического присоединения ряда территорий (обско-угорских княжеств) к Русскому государству [39].

Как в течение первого периода вызревали предпосылки перехода ко второму этапу, также и второй этап подготовил основы для следующего этапа освоения. Наиболее значимыми предпосылками перехода к третьему этапу явились ликвидация Казанского и Сибирского царств, освоение более удобных южных, камских, маршрутов движения за Урал, начало массовой колонизации Сибири. Символично, что на самый процесс перехода к третьему этапу приходится в 1597 г. открытие новой, так называемой «бабиновской», более короткой и комфортной дороги в Сибирь, объявленной в следующем году правительственным трактом. Эта дорога, шедшая от Соли Камской на Верхотурье, основанное в 1598 г., открыла ворота для массовой миграции русских колонистов за Урал, проникновения туда крестьянства и начала земледельческого освоения Сибири.

В качестве третьего этапа русского освоения крайнего севера Западной Сибири можно выделить эпоху примерно с середины 1590-х гг. до 1660-х гг. Данный период условно можно определить как **мангазейский**, поскольку он отмечен заметным сдвигом хозяйственной активности русского населения в восточные районы крайнего севера Западной Сибири, в так называемую Мангазею, хотя это не должно маскировать важных процессов, значимых для всего региона в целом.

Начало данного периода ознаменовалось созданием укрепленных опорных центров русского присутствия в регионе — Березова

(1593), Обдорска (1595 или 1596 г.) [40] и Мангазеи (1601). С их возникновением были созданы условия для укрепления русских позиций на территории крайнего севера Западной Сибири, для фактического включения ее в состав Русского государства. Данное обстоятельство нельзя недооценивать. Как справедливо отмечает А.А. Люцидарская применительно к Южной Сибири, «именно постройка острогов, крепостных стен с проезжими башнями, внутренними жилыми и хозяйственными помещениями для хранения припасов и оружия символизировали власть Москвы. Возведенная крепость в необжитом, чуждом пространстве имела колоссальное значение для колонистов, обеспечивая им не только реальную защиту, но ощущение организованности территории, создание подобия привычного бытия с сопутствующим привычным вещным миром» [41].

Вновь основанные Обдорск и Мангазея первоначально не имели постоянного населения. Их гарнизоны состояли из регулярно сменяемых (каждый год) служилых людей-годовальщиков, прибывавших из Тобольска и Березова для удержания в повиновении окрестных аборигенов и сбора с них ясака, обеспечения контроля за торговлей. В Мангазею в 1625 г. было переселено «на вечное житье» из Тобольска 50 «новоприборных» стрельцов с семьями; общая численность постоянного гарнизона достигла 65 человек, а через четыре года мангазейский воевода Г.И. Кокорев в дополнение к ним набрал на службу еще 40 человек из приезжих промышленников [42].

Создается таможенная система. Таможенные заставы учреждаются в 1597 г. в Обдорске и на р. Сось, а несколько позднее южнее — на р. Киртас. Таким образом, был установлен надежный контроль над потоками товаров в Сибирь и из Сибири, а также над торговыми и промышленными людьми, двигавшимися в обоих направлениях по «чрезкаменному» пути и жугорской дороге с выходами в Зауралье на Обдорск и Березов.

На рубеже XVI/XVII в. пространство Северо-Западной Сибири включается в состав формирующихся уездов — Березовского в западной части и Мангазейского в восточной. На эти земли распространяется система русского государственного управления в лице воевод, ясачных сборщиков. Система опорных пунктов облегчала увеличение числа плательщиков налога — обьясачивание (означавшее реальное подчинение автохтонов власти Москвы), которое заметно активизировалось в данный период по сравнению с прошлым и в Обдории, и, особенно, в районе Мангазеи (при этом процесс дан-

ный не отличался стремительными темпами; мангазейские власти сумели окончательно установить свое политическое господство и обложить коренное население ясаком лишь к 1640-м гг. [43]).

Начинается медленный процесс интеграции автохтонов в российскую административную систему, создаваемую на востоке страны. Процесс этот был трудным и извилистым. Тем не менее, в некоторой степени он был облегчен на крайнем севере Западной Сибири относительно невысоким уровнем этнической консолидации аборигенного населения Северного Приобья к моменту прихода туда русских. «В то время вся остяцкая страна (*мыг, пелек* — хант.), — указывает Е.П. Мартынова, — делилась на области или “княжества”, во главе которых стояли богатыри *урт*, или “князья” (“князцы”, “княжики”). “Князцы” жили в укрепленных “городках” (*вог, ваш, вач* — хант.; *ус* — манс.), располагавшихся по берегам рек. Сейчас остатки таких средневековых “городков” ханты называют *вош пай*, манси — *ус сыр урам* (“города холм”), что соотносимо с археологическим понятием “городище”. Рядом с “городками” располагались неукрепленные поселения (*курт, пугот* — хант.). Согласно С.К. Патканову, “княжества” насчитывали от 60—100 человек (3—10 воинов) до 500—1000 (100—300 воинов), большинство из них были мелкими. “Князцов” было больше, чем “городков”: в одном “городке” нередко проживало два-три “князца”» [44].

При этом, угорские «княжества» оставались политически достаточно разобщенными. Продолжалась вражда между осятками и вогулами, «князцы» нередко совершали военные походы на соседей с целью наживы. Таким образом, аборигенное население Северного Приобья «... представляло собой конгломерат различных племен и межплеменных объединений, не сложившихся в единый социально-политический организм. Устойчивой союзнической межплеменной федерации угорских племен так и не образовалось. ... интеграции обско-угорского населения препятствовал такой фактор, как обширность занимаемой ими территории при малой плотности населения» [45].

Включение крайнего севера Западной Сибири в состав России способствовало трансформации направлений и механизмов интеграции. Аборигенное население было поставлено в новые социально-политические и экономические условия. Правительственная политика, направленная на укрепление ясачного обложения народов Сибири, привела к разрушению прежней системы взаимосвязей между людьми; управление коренными жителями стало осуществляться по

созданным российской администрацией ясачным волостям. В связи с установлением государственного правопорядка изменилась роль «князцов», утративших функции военных вождей и облеченных ответственностью за сбор ясака с населения волости. Прекратились внутренние междоусобицы и межэтнические столкновения, в связи с чем «городки» обских угров утратили военно-оборонительное значение. Установление политической стабильности, прекращение постоянных военных конфликтов способствовало переориентации интегративных процессов в русло территориально-соседских объединений (общин и волостей) [46].

В процессе устройства в Нижнем Приобье российской административно-территориальной системы коренное население было включено в две инородные угорско-самодийские по своему составу волости — Обдорскую и Куноватскую, в которых верховенствовали остяки. При этом правительство сделало ставку на родоплеменную угорскую знать, которой поручались внутреннее управление и суд среди аборигенов, сбор и сдача в казну ясака. Такой порядок привел к сохранению на севере Западной Сибири фактически до конца XIX в. наследственных княжеских династий (Тайшиных в Обдорской и Лугуевых-Артанзеевых — в Куноватской волости), сумевших сбереечь определенную долю самостоятельности и длительное время, по крайней мере в XVII и даже в XVIII в., возглавлявших то открытое, то скрытое сопротивление своих соплеменников русским властям [47].

Что касается самодийцев, то натиск на них со стороны угров, интенсификация русского освоения Северного Зауралья, создававшие угрозу свободе, вызвали в качестве ответной реакции, как считают этнологи, становление у них специфической формы хозяйственно-культурной адаптации, а именно крупнотабунного оленеводства («Мне представляется, — пишет А.В. Головнев, — что переход к крупнотабунному оленеводству был изначально не столько экономическим событием, сколько средством сохранения независимости — бегством в оленеводы», «... едва ли не главным фактором становления кочевничества в тундре явилось стремление туземцев к независимости от новой власти»), что обеспечило им транспортную независимость, мобильность и хозяйственную самодостаточность, придало их кочевому обществу [48] такие черты, как воинственность, агрессивность («Стремительно сложившаяся культура оленеводов-кочевников была плодом напряжения и борьбы. Поэтому с первых дней своего существования она несла в себе заряд агрес-

сии», — утверждает А.В. Головнев), склонность к экспансии (потребностью оленеводства являлось расширение оленьих стад и зоны обитания, прежде всего пастбищных угодий), в конечном счете способствовало относительно быстрому численному росту ненцев на протяжении XVII—XIX вв. «Героической эпохой» именуется современный исследователь Е.В. Вершинин период в истории обдорских самоедов, начавшийся с 1630-х гг. «Стремительные набеги самоедов, — продолжает он, — веером простирались во всех доступных направлениях — западном, южном, восточном, а эпицентром, консолидировавшим самодийских воинов для походов, являлись надымско-тазовские районы, прилегавшие к Обской губе. Жертвами тундровых самоедов стали и русские, и остяки, и самодийцы лесных родов». Необходимо при этом заметить, что в данном случае речь идет о тундровых самоедах; подобная воинственность не была присуща лесным самоедам. С середины XVII в. в целях прекращения набегов и обеспечения исправного платежа ясака власти стали практиковать в отношениях с обдорскими самоедами институт заложников (аманатов), правда, не слишком эффективно [49].

Проникновение русских за Урал диктовалось торговыми и промышленными интересами. Одним из важнейших стимулов движения землепроходцев являлась погоня за ценной пушминой, которой изобиловала в тот период Сибирь. В частности, предметом устремлений был соболь, встречавшийся в большом количестве. Яркая промысловая колонизация на первых порах оставляла далеко позади себя скромную земледельческую колонизацию. Сибирские меха составляли заметную долю в государственном бюджете (от 1/10 до 1/3 всех доходов казны, по подсчетам различных авторов). Стоимость всей пушмины, ежегодно поступающей из Сибири в казну в XVII в., по мнению С.В. Бахрушина, составляла 100—150 тыс. руб. по тогдашней цене [50]. Меха принадлежали не последнее место и в накоплении купеческих капиталов.

Создание опорных баз русской колонизации благоприятствовало русскому промысловому освоению земель за Уралом. Недаром именно на XVII в. (20—80-е гг.; к концу столетия пушные промыслы и торговля в Сибири потеряли существенное значение) приходится пик русской промысловой деятельности. При этом примерно до 1670—1680-х гг. основная масса сибирской пушмины добывалась частными лицами (учтенная доля в первой половине столетия составляла почти $\frac{3}{4}$ всей добычи) и не доставалась государству. Правительством было в высшей степени заинтересовано в русских пушных

промыслах, поскольку в 20—50-х гг. казна получала от них около 1/3 всей пушнины без всяких материальных затрат в виде десятинной таможенной пошлины [51].

В свое время С.В. Бахрушин, считавший добычу самостоятельных мелких промышленников незначительной, высказал предположение о ведущей роли крупных торговых людей Устюга и Соли Вычегодской в организации пушного промысла за Уралом [52]. Однако, П.Н. Павлов, проведя специальное исследование на основе использования таможенных десятинных книг, пришел к выводу, что, несмотря на то, что в сибирском пушном промысле и торговле пушниной принимали участие представители самых различных социальных групп (промышленные и торговые люди, служилые, крестьяне, посадские, «гулящие» люди, церковнослужители и др.) из разных районов России, все-таки основная масса пушнины добывалась в Сибири и в значительной степени вывозилась в Европейскую Россию не местным и не постоянным русским населением, а приходившими из-за Урала русскими промышленниками, преимущественно выходцами из поморских уездов. [53].

Естественно, промышленники были весьма мобильным элементом. В свое время эта черта, присущая данной категории населения, преувеличивалась историками, в особенности представителями областнического направления, в связи с чем предлагались не совсем корректные характеристики исторической эпохи в целом. Так, А.П. Щапов определял XVII в. в истории Сибири как время «бродячей звероловческой колонизации»; Н.М. Ядринцев заявлял, что «народ в Сибири под влиянием поисков за богатствами преобразился в бродячих и кочующих авантюристов». По мнению Н.Н. Козьмина, промысловое движение было поверхностным, промышленные и торговые люди лишь скользнули по тайге и тундре [54].

Между тем, категория промышленников была весьма неоднородной; со временем в ее среде формировались группы, связанные с определенными районами Сибири, шел медленный процесс трансформации их в постоянное промысловое население. «У русских промышленников в Сибири в период развитого соболиного промысла (в 20—80-е годы XVII в.), — писал П.Н. Павлов, — можно было найти все степени связи с первоначальной родиной и новым краем от единовременного посещения Сибири до постоянного поселения там. Часто промышленник представлял собой переходный тип между своеобразным отходником и постоянным жителем Сибири. Наличие в Сибири значительной группы более или менее постоян-

ного, хотя и не осевшего в определенном пункте местного промыслового населения дает основание рассматривать промысловое освоение и на этом этапе как составную часть русской колонизации Сибири. Этот вывод будет более уверенным, если учесть, что процесс формирования постоянного русского промыслового населения Сибири начался с первых шагов промыслового движения» [55].

В скупке пушнины у русских промышленников П.Н. Павлов отвел главное место торговым людям Москвы, Ярославля, Соли Вычегодской, Устюга и других центральных и поморских городов и уездов, отметив, что им не удалось взять в свои руки организацию пушного промысла. Добыча пушнины, по аргументированному мнению П.Н. Павлова, производилась преимущественно личным промыслом промышленников, а также личным промыслом с использованием труда 1—2 покручеников. Автор отмечает, что многие промышленные люди ходили в Сибирь на промыслы по несколько раз или промыслили соболя несколько сезонов подряд [56].

В XVII в. русский пушной промысел в относительно бедных ценным пушным зверем западных уездах Сибири был незначительным [57]. Подавляющую часть пушнины давали восточные Мангазейский, Енисейский и Якутский уезды. При этом в данной тройке лидеров длительное время всех опережала «златокипящая» Мангазея. Так, по данным П.Н. Павлова, из общего количества пушнины, вывезенной в 1627 г. частными лицами из Сибири на сумму 78,1 тыс. руб. на Мангазейский уезд приходилась доля, оцененная в 63,7 тыс. руб. По официальным подсчетам, в течение 1630—1637 гг. из Мангазеи было вывезено около полумиллиона соболиных шкурок. А.Н. Копылов определил долю Мангазейского уезда в добыче сибирской пушнины для 1627/28 и 1631/32 гг. в 85,5% и 76,2% соответственно. Вывоз торговцами и промышленниками пушнины из Мангазеи начал сокращаться лишь с 1650-х гг. В этом плане к началу 1660-х гг. Мангазейский уезд уже значительно уступал Енисейскому (количество вывозимых соболиных шкурок для данных уездов теперь составляло 5,5—13 тыс. штук и 25—30 тыс. штук, соответственно) [58].

В данном контексте становится понятным перенос хозяйственной активности русских промышленников в рамках Северо-Западной Сибири в районы Мангазеи, «дальней заоблачной государевой вотчины», которая славилась исключительным богатством пушных промыслов, своими «черны велми и великы» соболями, «шерсть жива соболи по земли ся волочить». Концентрация промышленников в

восточных районах, так сказать, на острие фронта, вообще составляла суть русского промыслового освоения Сибири.

Мангазея, будучи административным и торговым центром, базой пушных промыслов, единственным на протяжении почти полувека морским портом Сибири, а также промежуточным пунктом между Обью, Енисеем и Леной, просуществовала около 70 лет — с 1601 по 1672 г. Эпоха расцвета Мангазеи, связанная с развитием пушного промысла, пришлось на первую половину XVII в. [59]. Освоение территории русским населением началось с ее северной части, охватывающей бассейны рек Таза, Турухана, низовий Енисея и его крупнейших притоков — Нижней и Подкаменной Тунгусок, а также бассейнов Пясины, Хатанги и Анабары и Таймырский полуостров.

Полюсом притяжения в европейской части страны для восточных районов Северо-Западной Сибири в данный период остается Поморье — район динамично развивавшейся торгово-промышленной деятельности, где располагался единственный тогда русский порт для внешнеторговых сношений — Архангельск, регулировавший весь оборот пушной торговли. Центрами торговли сибирской пушшиной становятся и Соль Вычегодская, и Устюг, через который осуществлялась связь Печоры с рынками Поволжья. В данный период крайний север Западной Сибири превращается в своего рода продолжение Поморья. Поморье поставляет временную трудовую силу и продовольствие; Северо-Западная Сибирь возвращает ценный пушной продукт. Пустозерск и Архангельск выступают в качестве одного полюса протяженной трассы, Мангазея — в качестве ее конечного (для значительной части мигрантов) пункта. Кратчайшими (по сравнению с дорогой через Тобольск, например) дорогами, связывавшими Поморье и Северное Зауралье, были традиционные проторенные новгородско-поморские пути. Именно по ним и двигались промышленники в Мангазею (северную часть Енисейского края): морским путем, шедшим через Югорский шар, Карское море и полуостров Ямал (или в обход его), и «чрезкаменным» путем (по Печоре и ее притокам, через Уральский хребет, вниз по Оби и полуморским путем по Обской губе, а затем в р. Таз) [60].

И тот, и другой играли существенную роль в освоении междуречья Оби и Енисея. Именно выходцы из Поморья составляли большую часть промышленников, добывавших драгоценную пушнину за Уралом. Морским путем, по данным начала XVII в., в Мангазею приплывали целые караваны судов промышленников. «Чрезкаменный» путь в данный период также являлся преимущественно доро-

гой торговых и промышленных людей, шедших на восток в поисках мехов. По тем же дорогам в Северо-Западную Сибирь, в частности, в «беспашенную» Мангазею, доставлялся хлеб из Поморья. Активно использовался сибирский фрагмент «чрезкаменного» пути в Мангазею и в административных целях (из Тобольска вниз по Иртышу и Оби, через Березов и Обдорск, в Обскую губу, затем в Тазовскую губу, к устью р. Таз и вверх по Тазу до Мангазейского города; а также в обратном направлении). Необходимо иметь в виду, что дорога из Поморья и из Тобольска до Мангазеи имела и транзитное значение; по ней промышленники продвигались и дальше на восток, на Енисей, Лену. По словам С.В. Бахрушина, «закинутый в глубь “студеной тундры”, почти под самый полярный круг, затерявшийся в беспредельных пространствах северных болот, среди воинственных племен — “кровавой самоеды” и других “немирных иноземцев”, — отрезанный от Руси и даже от прочей Сибири бурями Мангазейского моря, Мангазейский город силою своего положения на одном из важнейших пунктов промышленного движения Сибири был в течение первых десятилетий XVII в. значительной станцией на пути торговых и промышленных людей на енисейские и ленские промыслы» [61].

В целом если для пути в Сибирь нередко предпочитали официальную дорогу через Верхотурье, то для обратного путешествия из Сибири в Россию преимущественно использовался именно «чрезкаменный» путь. «Все движение из Мангазеи к Руси, — писал С.В. Бахрушин, — шло исключительно через Камень. Через Камень же везли государеву соболиную казну из Березова, Сургута, Нарыма, Кетска, Енисейска, Красноярска и Ленского острога», «... самая пушнина легко умещалась в небольших облаках, совершавших путь через Камень. Этим и объясняется то обстоятельство, что движение с востока на запад по “чрезкаменному” пути было оживленнее, чем с запада на восток» [62].

Таким образом, для крайнего севера Западной Сибири жизненно важное значение приобретает своего рода широтная магистраль в двух своих вариантах — морском и сухопутно-речном-полуморском (в последнем случае можно говорить о дуге, выгнутой в направлении на север и имеющей в своей северной части широтную направленность), связывавшая северное Зауралье с Поморьем. Данная магистраль в определенной степени консолидировала и сам крайний север Западной Сибири (Березов-Обдорск-Мангазея), придавая ему подобие региональной целостности. Решающую роль в данной

регионально-коммуникационной системе играл Мангазейский город, выступавший в качестве перевалочного пункта, связывавшего Поморье, Западную и Восточную Сибирь (енисейские и ленские соболиные промыслы). Сразу же необходимо обратить внимание на хрупкость, непрочность подобной системы, жестко завязанной на истощаемые природные ресурсы, внешнюю в основной своей массе рабочую силу и внешнюю же торговлю.

В Мангазее располагался гарнизон численностью 100—150 человек, но фактически не было постоянного гражданского населения. «Мангазейский город был в сущности большой укрепленной факторией, служившей средоточием главной массы русского промышленного люда, шедшего на промыслы, и одной из главных задач небольшого государева города, с его деревянными башнями и мало пригодной к делу артиллерией, являлась защита торговых и промышленных людей, и сбор с них десятой пошлыны» [63].

В городе находили приют сотни промышленников и торговцев. Так, численность зимовавших здесь в 1630-е гг. превышала тысячу человек. При этом, уже проведенные конкретные исследования В.А. Александрова, П.Н. Павлова убеждают в том, что многие промышленники были далеко не случайными гостями в Сибири. В.А. Александров, проследив процесс оседания русского промыслового населения в Мангазейском уезде, выявил начало формирования в прямом смысле слова постоянного русского населения «в массе своей» и складывание семей с середины XVII в. [64]. Превращение большей части мангазейских промышленников в постоянное население, перевод части промышленников на положение посадских, начало перемещения русского населения на север исследователь отнес к 1670-м годам, т.е. к периоду, наступившему после уничтожения Старой Мангазеи и ее переноса на место Туруханского зимовья [65].

Используя метод поименного сличения промышленников по разновременным документам Мангазейского уезда, В.А. Александров установил, что уже с первой половины XVII в. прослеживается прочность промысловых связей с Мангазеей в поколениях промышленников из России, что значительная часть промышленников представляла уже «более или менее постоянное, хотя и не осевшее в определенном пункте местное население» [66]. Таким образом, достаточно убедительно было обосновано наличие промежуточной группы между временными и постоянными промысловыми жителями Мангазеи.

Показателем роста связей промыслового населения с осваиваемой ими территорией, в определенной степени их укоренения, явилось становление мангазейской мирской общины, блестяще проанализированной С.В. Бахрушиным, а также начало формирование культа местного святого — Василия Мангазейского, которого сибирские промышленники почитали в качестве своего патрона [67].

Целый ряд обстоятельств обусловил постепенное угасание Мангазеи, завершившееся переносом ее на новое место. В 1616—1619 гг. правительство, обеспокоенное угрозой проникновения западно-европейских торговых компаний морским путем в Обскую губу, запретило его использование. Но более существенное влияние на судьбы Мангазеи оказало постепенное истощение пушных ресурсов. Уже в 1640-е гг. обнаружилось их перенапряжение. По мере удаления мест добычи ценного зверя на восток Мангазея теряла прежнее значение базы пушных промыслов. Свою роль сыграло и развитие местного сибирского земледелия: промышленникам становилось выгоднее закупать хлеб в Сибири — первоначально в Верхотурско-Тобольском земледельческом районе, сформировавшимся первым по времени — в конце XVI — начале XVII вв. — и наиболее мощном в силу относительной близости к европейской части страны и достаточно благоприятных в сравнении с остальной таежной Сибирью почвенно-климатических условий (так, в 1640 г. торговые люди, направлявшиеся на «соболиные промыслы» в мангазею, закупали в слободах Тюменского, Туринского, Тобольского и Верхотурского уездов 1814 четв. муки и ржи [68]), а затем, с распространением пашни в Енисейском уезде (с 1640-х гг. енисейский хлеб стал в значительных количествах поступать на рынок), в Енисейске, — а не перевозить хлебные запасы из Поморья, на что также указал историк. В связи с этим теряла значение прежняя хлебная коммуникация, которую стали заменять меридианальные хлебные маршруты по великим сибирским рекам — Оби и Енисею: Тобольск-Березов-Обдорск и Енисейск-Туруханское зимовье. Вероятно, в 1668 г. город был заброшен, его воевода и гарнизон переехали из Мангазеи в Туруханское зимовье, где к 1672—1673 гг. был отстроен новый город. После оставления Мангазеи русское население покинуло р. Таз (тем не менее, в Старой Мангазее, видимо, регулярно бывали ясачные сборщики; имеется свидетельство о их пребывании там в 1679 г., когда они были вынуждены ретироваться под натиском самодейцев), прекратил существование и обратный путь Тазом и Обской губой на Русь. Гораздо раньше Мангазея потеряла свое

значение перевалочного пункта на пути в Восточную Сибирь, что также было связано с развитием земледелия в южных районах Сибири. Как образно выразился О.Н. Вилков, «прочная продовольственная база, созданная руками русского крестьянства в узловых пунктах исполинского транспортного пути из Тобольска в Восточную Сибирь через Енисейск и Илимск, и явилась той решающей силой, которая перетянула торгово-промышленное движение в Восточную Сибирь с Тобольско-Мангазейско-Туруханско-Вилуйского пути на Тобольско-Енисейско-Илимский» [69]. Оставление Мангазеи, нарушение кратчайших связей с Нижним Приобьем и Европейской Россией имели отрицательные последствия для хозяйственного состояния Мангазейского уезда и Северо-Западной Сибири в целом [70].

Итак, третий этап был создан пушным бумом, небывалым ростом русского соболиного промысла преимущественно в пределах Мангазейского уезда. Данный этап был подготовлен всей предшествующей историей русского освоения Северо-Западной Сибири. Он унаследовал традиции как непосредственно ему предшествующего этапа раннего московского освоения, так и хронологически отдаленного новгородского. Упрочение русских позиций в крае к рубежу XVI/XVII вв. и доступность богатых драгоценным пушным зверем районов обеспечили высокий динамизм развития на третьем этапе. В то же время имевшая ярко выраженный товарный характер экономика русских промышленников была узко профилирована, почти не имела связей с преимущественно натуральной экономикой аборигенного населения и не оказывала на последнюю заметного влияния. Будучи ориентированной вовне, эта экономика не создала прочной хозяйственной базы в крае. В результате период завершился упадком русской промысловой деятельности, которая исчерпала возможности ресурсной базы. Прежние хозяйственные связи потеряли значение; крайний север Западной Сибири был как бы расколот на две части, ориентированные теперь уже в южном направлении (по течению Оби и Енисея, соответственно). Исчезло имевшее место прежде призрачное единство всей территории; слабели постепенно связи с Поморьем, торговая жизнь которого со временем также стала падать, уступая место усиливавшейся торгово-промышленной деятельности центра, в частности Москвы. При этом если в западных районах крайнего севера Западной Сибири русское присутствие сохранилось, то в восточных, превратившихся в далекую северную периферию енисейского края, русские стали забрасывать

когда-то освоенные зимовья. Правда, активизировалось промысловое освоение правобережья Нижнего Енисея и внутренних районов полуострова Таймыр. По Енисейской губе, в устьях рек Пясины, Таймуры и Хатанги промышленники приступили к освоению океанского побережья. В XVIII в. Туруханско-Таймырский край сохранил свою охотничье-промысловую специализацию. Новая Мангазея или Туруханск, наследник Старой Мангазеи, окончательно сформировался в первой четверти XVIII в., а затем как бы застыл в своем развитии. Общая численность населения оставалась на одном уровне — 300 душ м.п. Енисейские купцы взяли под свой контроль всю экономическую жизнь в Мангазее-Туруханске, многие жители которой оказались в неоплатной кабале у более успешных южных соседей. Показателем экономической слабости Мангазеи-Туруханска является тот факт, что ее жители добились у правительства разрешения не принимать участия в составлении наказа в Уложенную комиссию Екатерины II и не посылать туда выборного депутата [71]. Упадок пушных промыслов, оставление Старой Мангазеи, ликвидация широтной магистрали, связывавшей западные и восточные районы крайнего севера Западной Сибири подготовили переход к следующему этапу русского освоения региона.

Четвертый этап русского освоения крайнего севера Западной Сибири охватывает период с последней трети XVII по начало XIX в. Данный период можно определить как **обдорский**. Для него характерно замедление темпов хозяйственного освоения, перенос акцента преимущественно в сферу обеспечения работы фискальных механизмов. На данном этапе история русского освоения ограничивается преимущественно районами Нижнего Приобья. Русское присутствие в крае по-прежнему обеспечивает Обдорск, в который присылаются для сбора ясака служилые люди-годовальщики из Березова. Расселение русских по уезду шло настолько слабыми темпами, что его трудно заметить. Обдорск сохранял некоторое военное значение (в 1730—1731 гг. в Обдорске даже были обновлены деревянные укрепления, он получил статус крепости, в которой была учреждена «городовая обережь»). Однако во второй половине XVIII в. угроза нападений со стороны автохтонов, в особенности «немирной» самоеды, уменьшается, чему в немалой степени способствовали реформы 1763—1769 гг. (упразднение института аманатов и ясачных сборщиков; институционализация посреднической роли князцов и старшин в сборе и сдаче ясака, который теперь разрешалось собирать не только пушшиной, но и деньгами). В итоге

Обдорск в значительной степени теряет свои военные функции. В 1799 г. отменяется «городовая обречь» и упраздняется «арсенал» (2 чугунные пушки, заряды к ним, порох, ручное холодное и огнестрельное оружие). Обдорские казаки были переведены в другие сибирские города, а оставшиеся в Обдорске — подчинены гражданским властям. В 1807 г. ветхие крепостные стены Обдорска были разобраны, а остававшееся еще военное снаряжение отправлено в Тобольск.

Управление Березовым и прилегавшей округой в XVII — начале XVIII вв. осуществляли воеводы, которые подчинялись тобольским воеводам (а последние — Сибирскому приказу). В 1708 г. была учреждена Сибирская губерния, разделенная в 1719 г. на три провинции — Тобольскую, Иркутскую и Енисейскую. После 1736 г. провинции в свою очередь делились на воеводства и дистрикты. Одним из воеводств Тобольской провинции являлось Березовское. В 1782 г. вместо единой Сибирской губернии с центром в г. Тобольске было создано наместничество, по-прежнему располагавшееся в Тобольске и состоявшее из двух областей — Тобольской и Томской. Первая из них включала 9 округов, в том числе Березовский (самостоятельный округ в Сургуте был ликвидирован, а его территория в 1804 г. вошла в состав Березовского округа).

Необходимо отметить, что в целом в данный период в Нижнем Приобье, как считает Н.А. Миненко, идет процесс складывания специфической локальной этнографической группы русских старожилов, обладающих существенным культурным и языковым своеобразием. Русские устанавливают более тесные деловые контакты с коренными жителями низовий Оби. Обдорск, как и другие русские селения Северо-Западной Сибири, являлся пристанищем для приезжавших в край торговцев и предпринимателей, служил проводником передовой русской культуры в регионе.

Получает развитие торговля с коренными жителями крайнего севера Западной Сибири, в которую все активнее включаются жители Березова, Сургута, Обдорска. К 1780-м годам торговая деятельность становится для них главным источником приобретения жизненных средств. В Березове устанавливается проведение ярмарки два раза в год: с 10 января по 10 февраля и с 1 июля по 1 августа. Проводились ярмарки и в Сургуте. Рыночные связи Березова, Сургута, Обдорска с автохтонами Обского Севера явились отражением общих для сибирской торговли процессов — упрочения торговых

отношений с европейским центром и формирования внутрисибирского рынка.

На данный этап приходится начало (с 1707 г.) христианского миссионерства и массового распространения православия среди коренных народов Северо-Западной Сибири, однако северных волостей данный процесс коснулся поверхностно. К 1770-м годам удалось крестить менее 500 остяков Обдорской и Куноватской волостей, но большая их часть, как и практически все самоеды, оставались язычниками [72].

В целом четвертый этап не богат яркими историческими событиями. Тем не менее, его значимость не следует преуменьшать. На протяжении данного периода продолжался исподволь процесс хозяйственно-культурных взаимодействий между русскими и местными народами, который сопровождался продуктивными этнокультурными заимствованиями, полезными для всех сторон. В данном процессе роли доноров и реципиентов не были жестко закреплены. Очень многое, особенно в сфере промысловой деятельности, в культуре жизнеобеспечения, было заимствовано русскими у коренных жителей Обского Севера.

И это неудивительно. Многовековое проживание аборигенных народов в специфической природно-ландшафтной среде Севера способствовало образованию общего историко-культурного пространства, которое сегодня выделяют в особый тип региональной цивилизации — арктической или циркумполярной. Особенность последней — максимальная реализация потенциальных возможностей человека в агрессивных условиях холода, которые оставляют ему минимальные возможности для поддержания жизненно важных источников: тепла, пищи и света. Народы крайнего Севера выработали уникальные способы сохранения здоровья, механизмы адаптации к экстремальной природной среде. Заимствование пришлым, в том числе русским, населением уникальных культурных достижений автохтонов существенно облегчило первому существование в новых природно-климатических условиях [73]. В итоге материальная культура русского населения крайнего севера Западной Сибири по существу стала переплетением элементов двух культур: русской и аборигенной (материальная культура и быт русских переселенцев обогатились опытом и рациональными знаниями местного населения; элементами одежды, охотничьего и рыболовецкого инвентаря, производственными технологиями, способами приготовления пищи аборигенов) [74].

Укоренение русских старожилов в Северо-Западной Сибири, упорочение их связей с местным населением незаметно готовили предпосылки для перехода к следующему этапу.

Пятый этап русского освоения крайнего севера Западной Сибири охватывает период времени с начала XIX по начало XX в. Условно его можно определить как этап ранней модернизации.

Пятый этап характеризуется заметным ускорением темпов освоения, его нарастающей интенсификацией. Важная тенденция данного этапа — это необратимый теперь уже процесс формирования постоянного русского населения на крайнем севере Западной Сибири. Крупнейшим центром концентрация оседлого русского населения с начала столетия становится Обдорск, в котором в 1857 г. проживало уже 271 человек русских; в с. Мужевском числилось 15 душ обоего пола, в с. Кушеватском — 72 души, в с. Полноватском — 18 и т.д. К концу XIX в. численность русского населения в крае заметно выросла. Так, по данным всероссийской переписи 1897 г. в с. Обдорском проживало 1249 чел., в с. Кушеват — 70 чел., в с. Мужы — 60 чел. Немногочисленные русские семьи жили в юртах Шурышкарских, Вандиязских и Шуга [75].

В 1822 г. Тобольская губерния стала частью новоучрежденного Западно-Сибирского генерал-губернаторства. Административная структура Березовского округа в конце XVIII-XIX в. принципиально не отличалась от других округов Тобольской губернии. Исключение составлял период с 1854 до конца 1860 годов, когда березовская администрация по решению правительства стала называться военно-окружным управлением, а ее глава — военно-окружным начальником. При этом начальниками назначались офицеры военного ведомства с двойным подчинением (тобольскому гражданскому губернатору и генерал-губернатору Западной Сибири) и большим объемом полномочий.

В 1803 г. в связи с большими пространствами и малонаселенностью сибирские округа были разделены на комиссарства во главе с частными земскими комиссарами. Березовский округ был поделен на три таких комиссарства, каждое из которых занимало не менее сотни тыс. квадратных верст — Обдорское, Кондинское и Сургутское. К 1840-м годам комиссарства переименовали в участки с теми же названиями, сохранившимися до конца XIX в. Соответственно, комиссаров сменили земские участковые заседатели. Подобная схема управления по-прежнему не позволяла оперативно контролиро-

вать ситуацию в районах, удаленных от Березова на многие сотни верст.

В конце 1890-х годов в Сибири была проведена очередная административная реформа. Вместо округов были учреждены уезды. Кроме того, изменения коснулись и административных границ. Березовский уезд значительно уменьшился в размерах, поскольку из округа выделился самостоятельный Сургутский уезд.

Внутри уезд делился на 11 волостей, сформированных по сословно-этническому признаку. Три волости именовались русскими, восемь — инородческими. Среди инородческих выделялись две вогульскими (мансийскими) — Ляпинская и Сосьвинская, 5 — остяцких (хантыйских) — Обдорская, Куноватская, Подгородная, Кодская и Казымская, одна самоедская (ненецкая) — Обдорская. Впоследствии в состав Ямало-Ненецкого национального округа вошли две Обдорские и Куноватская волости, а также часть Туруханского края Енисейской губернии [76].

Административно-политический фактор играл значимую, порой опережающую, роль в процессе освоения и интеграции восточных регионов России, что в целом подтверждает тезис о ведущей роли государства в процессе собирания и устройства земель, создания основных отраслей отечественной экономики. Направления, темпы и результаты развития восточных регионов России в XVII — начале XX вв. определялись как действием объективных факторов, характеризующих собственный потенциал той или иной территории, так и — в весьма значительной степени — политикой, проводимой самим государством по отношению к данной территории. Политика государственной власти по отношению к регионам характеризовалась сложной и динамичной структурой, постоянными трансформациями иерархии составляющих ее элементов в зависимости от роли и места, которые отводились той или иной территории в решении текущих и перспективных задач общегосударственного масштаба на разных этапах развития страны. При этом постоянной величиной оставалось пристальное внимание, которое центральные органы государственной власти уделяли вопросам административного управления регионами. С начала XVIII в. административно-территориальное устройство осуществлялось в контексте проведения политики модернизации, предусматривавшей в перспективе рационализацию и унификацию системы управления, в том числе местного. Однако недостаточно глубокая интегрированность большинства территорий на востоке России вносила существенные коррективы в

общий курс административного благоустройства. Управленческие структуры Сибири практически до рубежа XIX—XX вв. несли черты особенности, отличности от соответствующих структур центральных регионов России. Административное устройство способствовало ускорению процессов регионообразования в рамках восточных территорий России. Конечно, впоследствии очертания административных единиц и границ между ними менялись, но влияние рубежей, сложившихся между административными единицами Сибири к началу XX в., сказывается до сих пор. При этом необходимо признать, что формально-бюрократические, фискальные мотивы в целом преобладали над прочими в процессе административно-территориального устройства восточных регионов в имперский период.

Показательно, что с начала XIX в. заметно активизировались географические исследования на севере Евразии, в частности на Обском Севере, которые носили четко выраженный практический характер. Лейтмотивом этих исследований являлся поиск водного пути между Белым морем и реками Сибири. В 1804 г. на имя иркутского губернатора Селифонтова поступила записка от частных лиц — коллежского советника Куткина и именитых граждан Зеленцовых о исключительных на 25 лет правах для их промыслов по берегам Ледовитого моря. Куткин и Зеленцовы предлагали «открыть путь давно правительством желаемый через Обскую губу для соединения северной торговли с европейскою». Авторы проекта планировали создать промысловые опорные пункты на берегах Обской губы, организовать полярные плавания из Оби на запад и на восток. Для этого они просили передать им на 25 лет монопольное право на ведение промыслов на Обском, Енисейском и Таймырском Севере от Вайгачского пролива (Карские Ворота) до мыса Северо-Восточного, у губы Таймырской, со всеми прилегающими к побережью островами. Министерство коммерции данное предложение не поддержало, опасаясь, что монополия на столь длительный срок поставит в невыгодное положение местных предпринимателей и создаст проблемы в продовольственном обеспечении жителей Тобольской губернии, для которых рыболовство в устье Оби и других сибирских рек имело большое значение.

Тем не менее, министр коммерции Румянцев активное участие в обсуждении вопроса о возможности устройства водного пути между реками Сибири и Европейским Севером. С подобной инициативой выступил капитан-лейтенант Ф.В. Веселаго. В 1806 г. департамент водных коммуникаций подготовил доклад «О соединении устья реки

Оби с Карской губою», в котором делался акцент на недоиспользование природных богатств Сибири, вследствие чего ее жители, «не имея средств доставлять их к местам, где сии произведения нужны, не радеют об их сохранении и еще менее стараются об их умножении». Для решения проблемы авторы проекта предлагали организовать судоходство между реками Западной Сибири и Европейской России, текущими в Северный Ледовитый океан и в Каспийское море. При этом предлагалось в первую очередь испытать тот ход, который использовался промышленниками в XVII в. и который пролегал по рекам Мутной и Зеленой и связывал Карскую (Байдарацкую) губу с Обской. Одновременно планировалось провести исследование на предмет устройства каналов, которые связали бы уральские железоделательные заводы с реками Европейской России и облегчили бы перевозку их продукции к Петербургскому порту.

Изыскательские работы было поручено провести экспедиции под руководством инженер-подполковника И. Попову. В конце лета 1806 г. Попов прибыл в Обдорск, откуда он выехал на север параллельно западному побережью Обской губы. Экспедиция провела обследования р. Юрибей на всем протяжении до ее впадения в Байдарацкую губу, водораздела между этой рекой и р. Иой, впадающей в Обскую губу.

Проведя исследования, Попов высказал сомнение в целесообразности устройства водного пути между Обью и Карской губою вследствие тяжелых ледовых условий Карского моря. Уже глубокой зимой участники экспедиции приступили к осмотру р. Соби, истоки которой близко подходят к рекам, впадающим в Печору. Река была исследована до ее истоков, лежащих в Уральских горах, откуда уже начинались истоки одного из притоков р. Усы, впадавшей в Печору. Попов убедился, что обе реки «начальное свое течение имеют малое, но далее вниз глубже и пространнее», и в итоге пришел к заключению о возможности соединения речных систем Оби и Печоры путем устройства канала с плотинами и шлюзами. Путешественник отметил преимущества устройства водного сообщения между Сибирью и Архангельским портом посредством соединения рек Соби и Усы по сравнению с районом между Обской и Карской губами: 1) он находится на 560 верст южнее; 2) суда не будут подвергаться опасностям от волнения во время плавания по Обской губе и от мелей в устье Оби; 3) отпадает потребность в огромном количестве строительных материалов, которые пришлось бы доставлять в безлесную тундру; 4) суда, которые будут направляться Обско-Печорс-

кой водной дорогой, не будут в пути в Архангельск блокированы льдами Карского моря.

Однако из-за значительного спада во внешнеторговом обороте России вследствие участия страны в континентальной блокаде вопрос о вывозе на внешний рынок сибирских продуктов потерял свою актуальность, и правительство отказалось от реализации проекта устройства водного пути между Сибирью и Архангельским портом [77].

В 1825 г. по предложению Ф.П. Литке возобновились полярные исследования на Севере. Была сформирована Печорская экспедиция с целью проведения подробной описи Мурманского берега и изучения Белого моря, картирования силами двух отрядов берега Северного Ледовитого океана от Канина Носа до устья Оби и Енисея. Восточный отряд экспедиции возглавил И.Н. Иванов, который покинул Архангельск 19 декабря 1825 г. Было проведено исследование на о. Вайгач. Переправившись на ненецком карбасе на материк, Иванов в августе 1826 г. приступил к исследованию побережья к востоку от Югорского Шара.

Перезимовав в Обдорке, экспедиция Иванова весной 1827 г. приступила к исследованию юго-западных и южных берегов Байдарачьей губы; затем он направился на север и провел картирование западного побережья п-ова Ямал. В следующем году Иванов исследовал северный и восточный берега Ямала. Итак, продолжавшаяся более трех лет экспедиция нанесла с большой точностью северные берега России от устья Печоры до вершины Обской губы [78].

В 1854 г. правительству поступила просьба от П.И. Крузенштерна о предоставлении ему права неограниченной вырубке леса по берегам рек Печоры, Оби и их притоков на 5 лет. При этом Крузенштерн брал на себя обязательство открыть судоходный путь из Печоры в Северный Ледовитый океан. Крузенштерн предполагал со временем начать вывоз леса из Обского бассейна, либо посредством морского прохода из устья Оби в океан, либо после сооружения канала или волока между притоками Оби и Печоры. Мореплаватель был убежден в государственной значимости открытия морского сообщения с устьем Печоры и Оби. Реализации проекта помешала начавшаяся Крымская война [79].

Географические исследования морей, омывающих северные берега Азии, позволили во второй половине XIX в. организовать торговое судоходство в Карское море. В 1876 г. шведский ученый и известный полярный путешественник А. Норденшельд на пароходе,

предоставленном русским золотопромышленником А. Сибиряковым, доставив партию заграничных товаров в устье Енисея, после чего морское сообщение с устьями Оби и Енисея стало регулярным [80].

В XIX в. в процессе освоения территории активно подключаются механизмы ее хозяйственно-экономической интеграции. В экономике районов крайнего севера Западной Сибири складывается многоукладный комплекс хозяйственных связей пришлого и коренного населения. При этом традиционное хозяйство аборигенов в значительной степени подвергается деформации под влиянием пришлого населения и его торгово-промышленного капитала. Проникновение товарно-денежных отношений в туземную среду приводит к коммутации ясака, развитию среди части коренных жителей, включенных в сферу русского рыбопромышленного предпринимательства, товарного рыболовства.

Со временем на первое место по сумме товарооборотов в местной торговле выдвинулся Обдорск, что было обусловлено его выгодным месторасположением на пересечении традиционных маршрутов оленеводов и обской водной коммуникации, позволявшей завозить товары с минимальными издержками. Сами обдоряне, постоянно проживая в Обдорске, выполняли посреднические функции.

Решающий импульс развитию обдорской торговли был дан в 1825 г. с учреждением одноименной ярмарки (в 1860-е годы она продолжалась с конца декабря до 25 января, в начале XX в. — с 1 по 20 января, в 1912 г. — 15 декабря—15 января). Среди привозных товаров на Обдорской ярмарке ведущее место занимали пищевые продукты: ржаная мука, печеный хлеб, коровье масло, чай, сахар, водка, табак, фабричные и кустарные ткани (сукно, ситец, бумазая, холст), украшения из меди и стекла, скобяной товар (ножи, топоры, котлы, кремни и огнива, железные листы для костров), промысловое снаряжение (порох и свинец, ружья, капканы; сети, неводы и нить-мережа для их изготовления). Основными аборигенными товарами на ярмарке являлись пушнина, оленье шкуры, мороженная рыба, пух и перо, кедровый орех и т.д. К середине XIX в. ярмарка в Обдорске становится крупнейшей на Тобольском Севере. В 1858 г. ее оборот составил 56,8 тыс. руб. по официальным данным. Кроме Обдорской ярмарки места постоянного торгового Обском Севере существовали в городах Березове и Сургуте, в селе Мужи, уступавшие, правда, по своим оборотам Обдорску. Пушнина, вывозимая из Обдорского края, поступала на Ирбитскую, Нижегород-

родскую, Архангельскую ярмарки; рыба сбывалась преимущественно в Тобольской, Пермской и Вятской губерниях [81].

Долгосрочные торговые отношения связывали русских и северные народы. Ярмарочная торговля укрепляла экономические и бытовые связи между жителями отдельных районов. Ярмарки Северного Приобья стали местом регулярных встреч пришлого и коренного населения — носителей различных культурно-бытовых традиций.

Торговый обмен способствовал возникновению и развитию у народов Крайнего Севера Западной Сибири товарно-денежных отношений, товаризации традиционных промыслов, включению коренных народов в общесибирский и общероссийский рынок. Посредством торговых контактов в быт аборигенного населения постепенно проникали европейская посуда, предметы домашнего обихода; произошло перевооружение охотничьего промысла, распространение получили огнестрельное оружие и усовершенствованные орудия лова. Развитие промышленного рыболовства способствовало росту мобильности обско-угорского населения, которое втягивалось в работу по найму за пределами своих волостей.

Своеобразным экономическим интеграционным механизмом стала получившая широкое распространение на Севере в XIX — начале XX вв. так называемая кредитная система, игравшая решающую роль в торговом обмене аборигенов и русских. «Теоретически рассуждая, аборигены могли бы продать сами сырые продукты своих промыслов в городах и на вырученные деньги купить себе все необходимое. Но на деле, во-первых, инородец не всегда богат этими продуктами, а во-вторых, не имеет для этого перевозочных средств. У кого же есть собаки или лошади — дорога все равно не по карману из-за кормов, продовольствия и других затрат», — писал о сути кредитной системы С.К. Патканов [82].

Благодаря кредитной системе северные народы могли сдавать продукты промыслов на месте, получая взамен все необходимое. Раз в год, обыкновенно в декабре, торговец производил расчет со своими клиентами расчет: с одной стороны, учитывалась общая сумма долгов за год, то есть забранного товара, с другой же, — стоимость рыбы, ягоды и др. продуктов, принятых им в течение года. В зависимости от того, какая сумма оказывалась большей, торговец или выдавал им остаток или записывал долг в счет будущего года и снова открывал кредит.

В меньшей степени от кредита зависели оленеводы, которым олени давали экономическую независимость и мобильность. Хозяй-

ство оленеводов (северные ханты, ненцы, тазовские селькупы) отличалось наибольшей автономностью. До середины XIX в. у них почти не было недостатка в пастбищах. Каждый род имел свои угодья; кочевники старались не мешать друг другу. Олени были главной заботой, транспортом для аборигенного населения; они давали им сырье для одежды, пищи, жилья. Охота и рыболовство имели в хозяйстве оленеводов вспомогательное значение. С русским населением «кочевники тундры» [83] встречались в основном два раза в год: в январе и летом, когда приезжали сдавать ясак и менять излишки хозяйственной продукции (оленьи шкуры, пушнину, мороженую рыбу) на хлеб, чай, вино, табак, ткани, украшения и т.д. Отношения русских и ненцев-олeneводoв характеризовались взаимной настороженностью.

В то же время высокой была зависимость от кредита охотников дальних лесных угодий по притокам реки Оби (у них был товар, который необходимо было сбыть, но не было транспортных возможностей для его вывоза на продажу в городе). Прочные системы зависимости сформировались в XIX веке в рыболовстве. Крупные рыбопромышленники, арендовавшие угодья по реке Оби, обеспечивали своих клиентов-аборигенов необходимыми продуктами, платили за них ясак и казенные долги, обеспечивали рабочими местами на лето и выдавали орудия производства. Они поставляли соль, продукты питания и др. товары, вывозя обратно рыбу. Кроме того, они на месте занимались организацией работы артели, следили за посолом рыбы, платили за аренду; они же скупали затем обычно весь свободный улов [84].

Необходимо отметить, что русские были не единственным экономическим агентом, способствовавшим внедрению товарно-денежных механизмов в хозяйство северного края. Не менее заметную роль в этом плане в Северо-Западной Сибири сыграли зырянне-ижемцы, появившиеся в Березовском округе в первой половине XIX в. и к концу столетия дисперсно расселившиеся в иноэтничной среде от р. Ляпин до Байдарацкой губы. С 1842 г. семьи коми стали постепенно оседать на р. Ляпин, образовав здесь со временем крупную зырянскую деревню Саранпауль. С 1847—1848 г. коми стали селиться в с. Мужы, где к началу 1890-х гг. насчитывалась уже более трех с половиной сотен зырян. В 1853 г. первая семья коми поселилась в Обдорске, а в начале XX в. здесь проживало уже около 100 семей коми. Будучи оторванными от первичного окружения и не наделенные казенной землей в Березовском округе (они

оставались приписанными к Архангельской губернии), коми-ижемцы в значительной степени были вынуждены специализироваться на торгово-посреднической деятельности, в частности между Печорой и Обью. Зыряне-ижемцы привнесли изменения в характер тундрового оленеводства региона, придав ему ярко выраженный товарный характер. По мнению современников, у зырян оленей было больше, чем у ненцев, раз в 400; зыряне обеспечивали Север оленьим мясом, одеждой из оленьих шкур (гуси, малицы и пр.).

Коми-ижемцы усовершенствовали заимствованную у ненцев систему оленеводства: ввели лучший уход, больший забой скота из-за боязни падежей, передвинули сроки перекочевок на 3–4 недели, что позволяло сохранять молодняк и сокращало сами расстояния перемещений. Зыряне стали оплотом Обдорской ярмарки, выполняя здесь посредническую функцию между ненцами-олeneводами и приезжими русскими купцами. Коми-ижемцы скупали у ненцев оленьи и лосинные шкуры, шили из них одежду и продавали ее тобольским купцам. По свидетельству современника Л. Александрова, зыряне вполне заменили на севере евреев. Как только ненцы размещались со своими чумами у Обдорска, зыряне уже выезжали навстречу к ним для обмена шкур на водку. Обогатившись таким образом, они закрывались по домам и не выходили до конца ярмарки, распуская слухи о том, что в Ижме цены выше и они повезут товар туда. Тобольские купцы вынуждены были поднимать закупочные цены. Как только последние доходили до намеченной зырянами суммы, они тут же начинали продавать скупленный товар. Как бы там ни было, ижемские зыряне создавали конкуренцию русским торговцам, не позволяя им монополизировать товарообмен с аборигенным населением [85].

Итак, хозяйственные механизмы в XIX в. начинают обеспечивать постепенную интеграцию крайнего севера Западной Сибири в экономическое пространство страны. Процессы хозяйственной интеграции отличала динамика ускорения. К рубежу XIX–XX в. экономика Обского Севера уже прочно подключилась к макроструктуре общероссийского рынка, оказывавшего на нее свое трансформирующее воздействие. Однако это воздействие не было равномерным ни в отраслевом, ни в территориальном плане. Экономика края по-прежнему оставалась многоукладной; наряду с товаропроизводящей значительное место в ней занимала натурально-потребительская хозяйственной деятельность.

На пятом этапе, примерно с середины XIX в. активизируется миссионерская деятельность на Обском Севере. Хотя христианиза-

ция коренных народов края отличалась поверхностным характером и неравномерностью, у отдельных групп населения сложились синкретические формы верований. Трансформировались нормы обычного права; новыми темами и образами обогатилось искусство северных народов. Стало распространяться просвещение. Гораздо более глубоким было русское влияние в сфере материальной культуры местных народов (изменения в жилище, летней одежде, системе питания; внедрение покупных вещей вместо традиционных; трансформация производственных технологий) [86].

К началу XX вв. были достигнуты определенные успехи в интеграции крайнего севера Западной Сибири в экономическое и социокультурное пространство Российского государства. Однако процессы интеграции протекали неравномерно и в различной степени захватили компоненты общества. Реальностью края оставались полиморфизм, многоукладность в сфере социальных отношений, в экономической области, в институционально-политической и в социокультурной. Товарная экономика постепенно «обволакивала» формы традиционного хозяйствования аборигенов. Административно-политический каркас империи включил «анклавы» традиционного права и самоуправления. Причудливые конструкции возникли и в сфере культуры. Тем не менее, несмотря на такую мозаичность общественных отношений изучаемый регион уже стал частью большой целостности, воплощаемой национально-страновой моделью развития.

Итак, мы выделили пять крупных этапов в процессе русского освоения крайнего севера Западной Сибири:

- 1) этап раннего новгородского освоения (XII — середина XV в.);
- 2) этап раннего московского освоения (последняя треть XV в. — начало 1590-х гг.);
- 3) мангазейский (середина 1590-х — 1660-е гг.);
- 4) обдорский (последняя треть XVII — начало XIX в.);
- 5) этап ранней модернизации (XIX в. — начало XX в.).

Это действительно протяженные этапы, отражающие значимые сдвиги в процессе освоения крайнего севера Западной Сибири. Понятно, что схема периодизации может быть детализирована. Возможно выделение более дробных стадий в рамках уже очерченных этапов. Так, вероятно, третий этап может быть поделен по хронологическому рубежу 1630/1640-х гг., когда уже отчетливо намечаются тенденции нарастания деградации пушного промысла и понижения роли Мангазеи. Заметной вехой в рамках пятого этапа должен, видимо, стать рубеж XIX/XX вв., когда процессы товаризации хо-

зяйства края заметно интенсифицируются, углубляется проникновение рыночных отношений в местную экономику.

Естественно, хронологические грани между выделенными периодами не могут быть жесткими. Содержательно этапы различаются, но между ними существует определенная преемственность, в одних случаях более заметная, в других — менее. Можно утверждать, что предпосылки перехода к очередному этапу вызревают в рамках предшествующего, причем порой на протяжении довольно длительного периода времени, что позволяет говорить о своеобразной эстафетности освоения и о связанности его этапов.

В рамках первого—третьего этапов было осуществлено политическое присоединение территории крайнего севера Западной Сибири и народов, его населявших. При этом сменились основные политические участники процесса освоения: на смену Новгороду Великому уже на втором этапе пришла Московская Русь (впоследствии Российская империя), что не привело к существенным изменениям способов освоения (военные экспедиции, торговля, промысловая деятельность). Наряду с государством, постоянно в процессе освоения принимал участие рынок. Основными фигурами русского освоения выступали, наряду с администрацией и военно-служилым элементом, торговцы и промысловики. На четвертом этапе к процессам освоения начинает активно подключаться церковь. Параллельно с политическим присоединением, а то и обгоняя его, получили развитие процессы хозяйственного и социокультурного освоения. На всем протяжении изучаемого периода освоение крайнего севера Западной Сибири не вышло за рамки торгово-промысловой колонизации, что обусловило достаточно медленные его темпы, не линейный, зигзагообразный характер (яркий пример — история Мангазеи и пушного бума XVII в.), крайнюю медленность оседания русских землепроходцев на землю. История освоения русскими крайнего севера Западной Сибири знала как периоды поступательного развития, так и периоды спадов, реверсивных движений. Тем не менее, в XIX в., в рамках пятого этапа, процессы освоения приобрели более комплексный характер и существенное ускорение, что привело к интенсификации интеграции хозяйства края в общероссийскую экономику.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен // Избранные произведения. М., 1966. Кн. 1. С. 183—184.

2. См.: Кагарлицкий Б. Периферийная империя: Россия и миросистема. М., 2004. С. 108—117.

3. Насонов А.Н. «Русская Земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., 2002. С. 85, 93—95.

4. Костомаров Н.И. Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевое уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). Исторические монографии и исследования. М.; Смоленск, 1994. С. 38.

5. По мнению Н.И. Костомарова, сбор дани новгородское правительство обыкновенно давало на откуп частным людям (См.: Костомаров Н.И. Русская республика... С. 396). С.В. Бахрушин отметил элементы организации, присущие новгородскому движению на восток («Участие в промыслах требовало средств, которых не могло быть у рядовых промышленников, и этим объясняется преобладающая роль в эксплуатации колоний новгородских торговцев-богачей, ссужавших охотников необходимыми средствами или производивших торги и промыслы за свой счет и в свою пользу»), а также в качестве агентов колонизации указал купцов, бояр, «посылавших на Печору и в Юргу своих “отроков”, завязывавших тесные и дружественные отношения с югорскими князьями и с успехом конкурировавшие с самим “господином Великим Новгородом”», и князей. При этом хозяевами на приуральских промыслах исследователь считал купцов и бояр, сумевших фактически закрыть дорогу «за волок» княжеским агентам (См.: Бахрушин С.В. Избранные работы по истории Сибири XVI—XVII вв. // Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 138—139). В связи с организацией в середине XIV в. новгородскими купцами, ездившими для торговли в Югорию, особой корпорации — «Югорщины» можно высказать предположение о наличии тенденций к монополизации пушной торговли.

6. Петербургские исследователи Д.А. Мачинский и А.Д. Мачинская относят возникновение результирующего в установлении торгово-данических отношений колонизационного импульса в богатый пушнинами таежный северо-восток Европейской части России (Пермь-вису и Югра-йура) ко временам существования севернорусского протогосударства с центром в Ладоге (Старой) в VIII—IX вв. По мнению авторов, самостоятельные походы ладожан «в югру» закончились не позднее 1070-х гг. (а в начале XII в. в связи с окончательным включением Приладжья в состав Новгородской земли Ладога сходит со страниц летописей, превращаясь в укрепленный форпост Новгородчины), после чего инициатива в этом деле перешла к новгородцам (поход в «югру» отрока новгородца Гюряты Роговича); что касается конечного пункта походов ладожан, то ученые помещают его в зоне приморской тундры между полуостровом Канин и островом Вайгач. Выражение «ходили за югру и за

самоядь» трактуется как морские походы. Что же касается рассказов «старых мужей» (ладожан) о многочисленных оленях и «веверицах», выпадающих из туч, то петербургские исследователи по аналогии со скандинавскими легендами о «лемерах» полагают, что в них нашло отражение впечатление от массовых миграций типичных обитателей тундры — северных оленей и леммингов (См.: Мачинский Д.А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси // Русский Север. Л., 1986. С. 3—29; Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII—XI вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 44—58).

7. Сами походы, видимо, не следует трактовать однозначно как исключительно насилие и грабеж. Так, московский исследователь В.А. Могильников отмечает: «... походы в Югру за мехами имели не только характер военно-грабительских набегов, но и торгово-обменных предприятий, хотя торговля была, конечно, не эквивалентна. При этом торговый обмен, по-видимому, преобладал» (Могильников В.А. К проблематике взаимоотношений Руси и Югры в XI—XV веках // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11—13 декабря 2000 г., Тобольск). Тобольск; Омск, 2000. С. 77).

8. Югра — и название исторической области, и этноним народа (югры, югричи). Вопрос о размещении Югории и этнической принадлежности югров носит дискуссионный характер. По мнению Н.И. Костомарова, во времена новгородской экспансии в Югорию последняя соседствовала с Печорой и Пермью: «Далее на восток от Мезеня была Печорская Земля; на юге от нее, заходя восточнее независимой Вятской Земли, Пермская Земля, а на северо-востоке от нее Югра. Там колоний, сколько нам известно, не было, а туземные народы платили Новгороду дань» (См.: Костомаров Н.И. Русская республика... С. 304). Также см.: Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032—1882 гг. Сургут, 1993. С. 15—16; Курлаев Е.А. Летописная «югра»: исчезнувшее имя или исчезнувший народ // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1997. № 4: Урал в системе культурных и хозяйственных связей в древности и средневековье. С. 102—117.

9. См.: Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 50, 149; Костомаров Н.И. Русская республика... С. 308, 396.

10. См.: Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. Л., 1935. С. 3—5; История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX века: Хрестоматия. Екатеринбург, 1999. С. 31—34; Насонов А.Н. «Русская Земля»... С. 72, 149; Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 100—103, 112—114; Перевалова Е.В. Войны и миграции северных хантов (по материалам фольклора) // Уральский исторический вестник. Екатеринбу-

бург, 2002. № 8: Древние и средневековые культуры Урала в евразийском культурном пространстве. С. 36—58; Она же. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. С. 111—155, 167—168.

11. Щеглов И.В. Хронологический перечень... С. 19; Бахрушин С.В. Избранные работы С. 74—75; Насонов А.Н. «Русская Земля»... С. 73, 102—103; Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 196; Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 77—79; История открытия и исследования советской Азии. М., 1969. С. 246—247; Архипова Н.П., Ястребов Е.В. Как были открыты Уральские горы. Свердловск, 1990. С. 20—21.

12. Насонов А.Н. «Русская Земля» и образование... С. 100.

13. См.: Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля... С. 17, 30.

14. Бахрушин С.В. Избранные работы ... С. 75. В целом степень проникновения новгородцев в Северное Зауралье оценивается исследователями неоднозначно. Если, например, по мнению В.А. Могильникова, взаимоотношения новгородцев и зауральской югры, восходящие, как считает исследователь, к XI в., носили весьма интенсивный характер и выразились в широком проникновении вещей древнерусского происхождения в Нижнее Обь-Иртышье, миграции новгородских выходцев в среду обскоугорского населения, организации ими торговых факторий за Уралом, то Н.В. Федорова занимает в этом вопросе достаточно критическую позицию (позднее и эпизодическое проникновение новгородцев в Югорию, отсутствие заметного русского импорта в Приобье, отсутствие доказательств подчинения Югры Новгородом и установления даннических отношений между ними) (См.: Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987. С. 214—215; Он же. К проблематике взаимоотношений Руси и Югры в XI—XV веках // Русские старожилы... С. 77—85; Федорова Н.В. Русь и Югра: история взаимоотношений (XI—XIII вв.) // Там же. С. 119—121; Также см.: Мартынова Е.П. Этнические контакты русских и обских угров // Там же. С. 71—73).

15. См.: Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 156—161, 332—333.

16. Бахрушин С.В. Избранные работы С. 72—73; Вилков О.Н. Торговые пути и динамика торгово-промышленного движения в Сибири XVII в. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). Новосибирск, 1968 (Сибирь периода феодализма. Вып. 3). С. 59—60; Он же. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI — начала XVIII в. Новосибирск, 1990. С. 36—38.

17. Мартынова Е.П. Этническая консолидация или этническая дифференциация (к проблеме формирования этносов обских угров) // Угры. Материалы VI-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие наро-

дов Западной Сибири» (9—11 декабря 2003 г., Тобольск). Тобольск, 2003. С. 402.

18. Там же. С. 403—409.

19. Там же. С. 405.

20. В.А. Кучкин высказал предположение, что запись Новгородской 1-й летописи («В то же время избьени быша печерскеи и югорскии даньники в Печере, а другие за Волоком») иллюстрирует проникновение ростовцев на северо-восток, во владения новгородцев. См.: Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 95.

21. Плигузов А. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.—Ньютонвиль, 1993. С. 47.

22. См.: Насонов А.Н. «Русская Земля»... С. 100—102; Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 693—695; Савельева Э.А. Пермь Вычегодская. М., 1971; Лашук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972; «Святитель Стефан Пермский». Серия «Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях». Статья, текст, перевод с древнерусского, комментарии. СПб., 1995; Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения Коми с соседними народами. X — начало XX в. М., 1982. С. 47—50; Жеребцов И.Л. Население Коми края во второй половине XVI — начале XVIII в. Екатеринбург, 1996. С. 207—231; Он же. Присоединение Сибири к России и этническая территория Коми // Материалы Одиннадцатой Коми республиканской молодежной научной конференции. Сыктывкар, 1990. С. 9—19; История Республики Коми: Научно-популярные очерки. Сыктывкар, 1996. С. 60—66; Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 57—71.

23. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства... С. 696—702; Российское законодательство X—XX веков. В девяти томах. М., 1985. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. С. 180—186.

24. Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. Иркутск, 1990. С. 72—74; См.: Вершинин Е.В. И еще раз о князьях Вымских и Великопермских // Проблемы истории России. Вып. 3: Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 288—303.

25. Бахрушин С.В. Избранные работы С. 94; Вилков О.Н. Торговые пути и динамика торгово-промышленного движения... С. 61; Он же. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI — начала XVIII в. Новосибирск, 1990. С. 40.

26. Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. М.: «Мысль», 1988. Кн. II. С. 433.

27. См. Тихомиров М.Н. Древняя Москва. XII—XV вв.; Средневековая Россия на международных путях. XIV—XV вв. М., 1992. С. 85.

28. Оборин В.А. Заселение и освоение Урала... С. 76; История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. Екатеринбург, 1999. С. 105; Очерки истории Югры... С. 81.

29. Карамзин Н.М. История государства Российского в 12-ти томах. М., 1998. Т. VI. С. 173—174; Плигузов А. Текст-кентавр... С. 141—153; Он же. Первые русские описания Сибирской земли // Вопросы истории. 1987. № 5. С. 47—49; Очерки истории Югры... С. 82—84. А.Т. Шашков обратил внимание на то, что именно в записи о мире 1484 г. впервые были упомянуты понятия «Обдор» и «обдорцы», имеющие зырянское происхождение — название реки Обь и слово «дор», означающее место возле, около (Очерки истории Югры... С. 83). Известный американский русист Э. Кинан пытался этимологизировать название остяцкого племенного объединения Обьдора как Обь-река, от тюрского дар, то есть река (См.: Плигузов А. Текст-кентавр... С. 49).

30. Бахрушин С.В. Избранные работы... С. 76—77; Кизилов Ю.А. Земли и народы России в XIII—XV вв. М., 1984. С. 136—137; История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. С. 108—110; Очерки истории Югры... С. 85—86; Шашков А.Т. Северный Урал и Нижнее Приобье в конце XV—XVI вв. (по русским и иностранным источникам) // Историческая наука на рубеже веков. Статьи и материалы научной конференции, посвященной 60-летию исторического факультета Уральского государственного ун-та им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2000. С. 94—97.

31. Очерки истории Югры... С. 92—94; Вершинин Е.В. Русская власть и сибирские самоеды в XVI—XVII вв. // Вестник НГУ. Новосибирск, 2003. Серия: история, филология. Т. 2. Вып. 2. С. 6—7; Шашков А.Т. Северный Урал и Нижнее Приобье в конце XV—XVI вв. ...С. 103—104; Он же. О сборе ясака с обдорских самоедов в XVI—XVII вв. // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI—XX веков. Материалы четвертой региональной научной конференции, 11—12 ноября 1999 г. Новосибирск, 1999. С. 223—224.

32. См.: Плигузов А. Текст-кентавр... С. 78.

33. Прокофьев Г.Н. Селькупская грамматика. Л., 1935. С. 10; Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. С. 138—141. Соответственно, русское название «Мангазея» обозначает «земля рода *monkasi*».

34. Буцинский П.Н. Соч. в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 2: Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск. С. 6—17; Бахрушин С.В. Избранные работы С. 82, 87—91, 148; Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга 1725—1742. М; Л., 1946. С. 299; Лебедев Д.М. Очерки по истории географии в России XV и XVI веков. М., 1956. С. 99; Лебедев Д.М., Есаков В.А. Русские географические открытия и исследования с древних времен до 1917 года. М., 1971. С. 58—68; Александров В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М, 1964. С. 13—14;

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Л., 1980; Могильников В.А. К проблематике взаимоотношений Руси и Югры... С. 84; Шашков А.Т. Северный Урал и Нижнее Приобье в конце XV—XVI вв. ... С. 105—107.

35. Бахрушин С.В. Избранные работы... С. 80, 82; Шашков А.Т. Северный Урал и Нижнее Приобье в конце XV—XVI вв. ... С. 104, 105.

36. Бахрушин С.В. Избранные работы... С. 77, 94, 140, 198.

37. См.: Костомаров Н.И. Русская республика... С. 334—337; Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке... С. 36—51.

38. Например, см.: Головнев А.В. Путь в Мангазею // Урал в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 150—153.

39. Вопрос о присоединении и освоении новых территорий сложен и недостаточно изучен даже в методологическом плане. При этом требуется различать процессы присоединения территории и подчинения проживающих на ней народов. См.: Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002. С. 167—171; Он же. О характере присоединения Сибири к России (постановка проблемы) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 36—39.

40. В современной историографии не существует единого мнения по поводу основания Обдорска (Салехарда). Официальной датой основания острога считается 1595 г., хотя наряду с данной версией имеют хождение и другие — конец XV в., 1592, 1593, 1594, 1596 гг. Последнюю точку зрения недавно попытался аргументировать екатеринбургский историк А.Т. Шашков (К истории основания Обдорского острога // Проблемы истории местного управления Сибири XVI—XX веков. Материалы третьей региональной научной конференции, 19—20 ноября 1998 г. Новосибирск, 1998. С. 10—16).

41. Люцидарская А.А. Колонизация Сибири: человек и пространство // Народы Сибири: История и культура. Новосибирск, 1997. С. 153.

42. Александров В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. ... С. 20; Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М., 1978. С. 22—23.

43. См.: Александров В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. ... С. 24.

44. Мартынова Е.П. Этническая консолидация или этническая дифференциация... С. 401.

45. Там же. С. 410.

46. Там же. С. 410—411.

47. См.: Бахрушин С.В. Избранные работы... С. 147—148; Перевалова Е.В. Обдорские князья Тайшины (историко-этнографический очерк) // Древности Ямала. Екатеринбург-Салехард, 2000. С. 152—190; Она

же. Северные ханты... С. 32—110; Очерки истории Югры. С. 123—126, 128—130, 136—137, 141—143, 147—150, 156—159.

48. Согласно концепции номадизма, разработанной Н.Н. Крадиным, кочевым обществам в целом свойственны повышенная воинственность, направленная вовне агрессивность, что объясняется особым способом жизнедеятельности, специфическими условиями кочевого существования. См.: Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992; Он же. Структура власти в государственных образованиях кочевников // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М., 1993. С. 192—210; Он же. Кочевые общества в контексте стадильной эволюции // Этнографическое обозрение. 1994. № 1. С. 67—72; Он же. Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии // Цивилизации. М., 1995. Вып. 3. С. 164—179; Он же. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 314—336; Он же. Кочевники и земледельческий мир: хуннская модель в исторической перспективе // Восток. 2000. № 3. С. 5—16; Он же. Кочевничество в современных теориях исторического процесса // Время мира. Альманах. Новосибирск, 2001. Вып. 2: Структуры истории. С. 369—396; Он же. Кочевники в мировом историческом процессе // Философия и общество. 2001. № 2. С. 108—138; Он же. Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 21—32.

49. Крупник И.И. Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев // Советская этнография. 1976. № 2. С. 57—69; Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993. С. 87—106; Он же. Модель в культурологии // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург, 1992. С. 152—153; Он же. Говорящие культуры... С. 50—51, 103—104, 106—109; Он же. Ненцы: оленеводы и охотники // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск, 1997. С. 86—87; Он же. Путь к семи чумам // Древности Ямала.... 232—233; Очерки истории Югры... С. 161—179; Вершинин Е.В. Русская власть и сибирские самоеды в XVI—XVII вв. ..С. 8—21; Шашков А.Т. О сборе ясака с обдорских самоедов в XVI—XVII вв. С. 224—230; Крупник И.И. Люди в чумах, цифры на бумаге. Русские источники к демографической истории Ямала, 1695—1992 гг. // Древности Ямала... С. 132—133, 144—146; Лёзова С.В. Сибирские ненцы (самоеды) в середине XIX в.: диалог кочевников и чиновников // Там же. С. 191—193.

50. Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Научные труды. М., 1959. Т. IV. С. 53; Также см.: Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири... С. 47.

51. Павлов П.Н. Вывоз пушнины из Сибири в XVII в. // Сибирь XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1962 (Сибирь периода феодализма. Вып. 1). С. 134, 135—136.

52. Бахрушин С.В. Избранные работы... С. 198.

53. П.Н. Павлов следующим образом характеризует русских промышленников XVII в.: «Промышленные люди, составлявшие самую многочисленную группу, отличаются от всех остальных тем, что, по-видимому, название “промышленные” получили только в связи с промыслами в Сибири. У себя на родине они были чаще всего крестьянами и посадскими. Не случайно в таможенных книгах среди сотен выходцев из Поморья совсем не встречаются чернососные крестьяне и в единичных случаях отмечаются посадские люди. Они вместе с поморскими охотниками называются промышленными людьми. По размаху промысловых и торговых операций отдельные промышленные люди оставляли далеко позади себя мелких торговых людей, поэтому грань между торговыми и промышленными людьми в значительной степени условна. Однако сохранение традиционного деления на торговых и промышленных имеет смысл хотя бы уже потому, что промышленными людьми почти без исключения были покрученики, нанимавшиеся промышленлять пушного зверя для других лиц» (Павлов П.Н. Об участии и роли различных категорий населения в сибирском пушном промысле в 40—70-е годы XVII в. // Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. Новосибирск, 1965 (Сибирь периода феодализма. Вып. 2). С. 24).

54. См.: Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI — начало XX в.). Новосибирск, 1984. С. 39, 80.

55. Павлов П.Н. Характер передвижения русских промышленников в Сибири во время развитого соболиного промысла (20—80-е годы XVII в.) // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973. С. 110—111.

56. Павлов П.Н. Об участии и роли различных категорий населения в сибирском пушном промысле... С. 17—39; Также см.: Он же. Покрутная запись на соболиный промысел в XVII веке // Советские архивы. 1968. № 5. С. 55—58; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972. С. 236.

57. В данном случае речь идет лишь об относительной значимости тех или иных сибирских уездов, что, конечно, не означает отсутствия пушного промысла и торговли мехами в западных районах Северо-Западной Сибири. Например, см.: Леонтьев В.М. Участие в торговле Сибири торгово-промышленных людей г. Березова (1635—1668 гг.) // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII—XX вв. Материалы международной научной конференции, 19—21 марта 1996 г. Новосибирск, 1996. С. 94—96.

58. Павлов П.Н. Вывоз пушнины из Сибири... С. 128; Копылов А.Н. Торговые связи енисейского рынка в XVII в. // Экономика, управление и культура Сибири... С. 97—98; Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII — начало XX в.). Барнаул, 1999. С. 31.

59. По истории Мангазеи см.: Буцинский П.Н. Ук. соч. С. 5—78; Бахрушин С.В. Избранные работы... С. 77, 81, 84, 86, 92, 108, 175—197, 297—354; Вилков О.Н. Торговые пути и динамика торгово-промышленного движения в Сибири XVII в. ... С. 59—61, 66—67, 70, 73; Кочеданов В.И. Первые русские города Сибири... С. 107—117; Александров В.А. Русское население Сибири... С. 11—32, 59—77, 120—121, 143—157, 218—240, 243, 269—287; Он же. Начало хозяйственного освоения и присоединение к России северной части Енисейского края // Сибирь XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1962. С. 7—29; Также см.: Эскин Ю.М. Документы о Мангазее в Смутное время // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 44—54; Обдорский край и Мангазея в XVII веке: Сборник документов / Авторы-составители: Е.В. Вершинин, Г.П. Визгалов. Екатеринбург, 2004. С. 136—158.

60. Из новейших работ, в которых анализируется плавание в Мангазею, можно указать содержательное исследование Е.В. Вершинина (Вершинин Е.В. Дошаник и коч в Западной Сибири (XVII в.) // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4: Евразийское пограничье. С. 87—131); Также см.: Обдорский край и Мангазея в XVII веке... С. 74—134; Порой авторы дифференцируют морские плавания, выделяя два морских пути в Мангазею из Поморья: 1) смешанный околбереговой морской и речной путь через Ямал с применением системы волоков; 2) морской вдоль берегов Баренцева и Карского морей в обход полуострова Ямал (См.: Старков В.Ф. Северорусские суда XVI—XVII вв. по данным раскопок Мангазеи // Словцовские чтения — 99: Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. Тюмень, 1999. С. 227—228). Также см.: Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 86, 89, 94.

61. Бахрушин С.В. Избранные труды... С. 333.

62. Там же. С. 86—87.

63. Там же. С. 334.

64. Александров В.А. Русское население Сибири... С. 63, 121.

65. Там же. С. 66, 67.

66. Там же. С. 61—62, 221.

67. См.: Бахрушин С.В. Избранные работы... С. 297—354; Ромодановская Е.К. Легенда о Василии Мангазейском и туруханская литературная традиция // Бахрушинские чтения. 1973 г. Новосибирск, 1973. Вып. II: Вопросы истории Сибири досоветского периода. С. 62—71; Он же. Легенда о Василии Мангазейском // Новые материалы по истории Сибири... С. 190—210; Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. Новосибирск, 2001. С. 345—352, 408—409, 423; Кротов М.Г. Актовые источники Повести о Василии Мангазейском // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 127—140.

68. Вилков О.Н. «Русские» товары на тобольском рынке в XVII в. // Экономика, управление и культура Сибири... С. 55.

69. Он же. Торговые пути и динамика торгово-промышленного движения... С. 73.

70. По поводу причин запустения к середине XVII в. и в конечном итоге ликвидации Мангазеи историками были высказаны различные соображения. Так, П.Н. Бущинский связывал упадок Мангазеи с уничтожением соболей в близлежащих районах и освоением новых районов пушных промыслов, удаленных от Мангазеи и территориально тяготевших к Туруханскому зимовью. Исследователь также учитывал трудность доставки хлебных запасов и правительственное запрещение морского пути из Поморья в Обскую губу и Мангазею (1616—1619 гг.). По мнению М.А. Оболенского, прекращение сибирской торговли через Мангазею и запустение города, начавшееся уже в 20-х годах XVII в., было обусловлено запрещением морского пути из Поморья, осуществленного в узко фискальных интересах (правительственные таможи якобы были не в состоянии обеспечить контроль за грузооборотом, осуществлявшимся «морским ходом»). Отводя ведущее значение таможенной политике правительства в качестве причины ликвидации Мангазеи, Б.М. Житков указал также на конкуренцию более южных торговых пунктов на Оби и Енисее, имевших более выгодное географическое положение. По мнению Д.Н. Анучина, запустение Мангазеи было вызвано пожаром 1642 г., опустошившим город, и торговой конкуренцией со стороны Туруханского зимовья. С.В. Бахрушин обратил внимание, наряду с трудностями сообщения по бурной Обской губе и снабжения населения «златокипящей государьской вотчины» хлебом, на открытие и освоение русскими в 1630-х гг. южного пути с Енисея на Лену через Енисейск и образование на Лене, в Якутии, самостоятельного административного центра, что, по его мнению, подрывало значение Мангазеи в качестве промежуточного пункта между Обью и реками восточной Сибири — Енисеем и Леною. М.И. Белов связывал упадок Мангазеи с истощением пушных ресурсов в районе Мангазеи и сокращением местных пушных промыслов в 30—40-х годах XVII в. В.А. Александров обратил внимание на то, что уже приблизительно с 1630-х гг., после присоединения и освоения новых территорий по течению Нижней и Подкаменной Тунгусок, Мангазея, оказавшись на крайней западной границе уезда, удаленной от основных районов пушных промыслов, в значительной степени утратила значение торгово-промышленного центра и перестала удовлетворять воевод в качестве административного центра. Серединой XVII в. исследователь датирует превращение Туруханского зимовья в основной промыслово-организационный и торговый центр уезда с сохранением за Мангазеей значения важнейшего перевалочного пункта на северном пути из Восточной Сибири через в Россию (См.: Александров В.А. Русское население Сибири... С. 11—13, 25—32, 66—67, 76, 269). В данной связи представляют интерес

наблюдения новосибирского историка В.Н. Курилова по поводу судеб сибирских городов, сделанные, в частности, на основе сопоставления истории южносибирских городов и северных городов, расположенных в зоне тайги и тундры. У большинства из второй группы, по мнению исследователя, не было шансов для превращения в сколько-нибудь устойчивый торгово-промышленный центр (здесь, правда, делается исключение для Мангазеи); постоянно сохранялась устойчивая зависимость их судьбы от административных решений. В.Н. Курилов полагает, что в условиях Сибири XVII в. залогом успешного развития города являлось обязательное наличие в его хозяйстве аграрного сектора. «Мы полагаем, — пишет исследователь, — что устойчивость “пашенным” сибирским городам и острогам придавало именно сельское хозяйство. Оно было первичным, необходимейшим элементом социально-экономической структуры города, над которым и в связи с которым могли развиваться и другие, формировавшие город как собственно торгово-промышленный центр. При изменении экономической конъюнктуры эти верхние элементы городской системы экономики, конечно, могли деградировать, затормаживаться в своем развитии, и тогда роль сельского хозяйства выступала еще рельефнее» (См.: Курилов В.Н. О некоторых закономерностях развития сибирского города XVII в. // Сибирские города XVII — начала XX века. Новосибирск, 1981. С. 113—114). В подобном контексте становится ясным, что сами природно-климатические условия края, не позволявшие заниматься земледелием, предопределяли неустойчивость развития возникавших там относительно крупных населенных пунктов. Понятные становятся и настоячивые попытки администрации создать в более южных районах собственную базу сельскохозяйственного производства для снабжения хлебом «беспашенного» города Мангазеи (См.: Бахрушин С.В. Избранные работы... С. 212—213).

71. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981. С. 191—197, 224, 236—239.

72. См.: Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1975; Очерки истории Югры... С. 209—242; Ямал: грань веков и тысячелетий / Популярный иллюстрированный очерк истории края с древнейших времен. Салехард-СПб., 2000. С. 330—346; Резун Д.Я., Беседина О.Н. Городские ярмарки Сибири XVIII — первой половины XIX в. Ярмарки Западной Сибири. Новосибирск, 1992. С. 10—16; Главацкая Е.М. Когда умолкнут все бубны... или Сказ о том, как царь Петр решил крестить язычников Сибири // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1998. Вып. II. С. 52—66; Она же. А был ли выбор? Аргументы против теории ненасильственного крещения хантов и манси в 1712—1715 гг. // Там же. Екатеринбург, 1999. Вып. III. С. 82—102; Николаев А.П. Приходская община новообращенных Северо-Западной Сибири во второй половине XVIII века / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1996.

73. См.: Народы Севера России как часть циркумполярной цивилизации. Якутск, 1994; Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М., 1976.

74. См.: Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь... С. 102—131; Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири (Историко-этнографические аспекты. XVII—XX вв.). Вып. 1. М., 2001.

75. Миненко Н.А. Русское население Нижнего Приобья в XVIII — первой половине XIX в. (источники, динамика, размещение и сословный состав) // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973. С. 262—263; Ямал: грань веков и тысячелетий... С. 346—347.

76. См.: Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь... С. 217—223; Ямал — знакомый и неизвестный. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1995. С. 104—109; Ямал: грань веков и тысячелетий. С. 333—338; Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822—1941 гг.) / Сборник документов. Тюмень, 1994; Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI — начало XX века): Сборник правовых актов и документов. Тюмень, 1999.

77. Пасецкий В.М. Арктические путешествия россиян. М., 1974. С. 36—42.

78. Там же. С. 144—146.

79. Там же. С. 192.

80. Ямал: грань веков и тысячелетий... С. 239—243.

81. См.: Щеглова Т.К. Ярмарки Западной Сибири и Степных областей во второй половине XIX века. Из истории российско-азиатской торговли. Барнаул, 2002; Санду Т.А. Обдорская ярмарка // Словцовские чтения — 99... С. 103—105; Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII — начало XX в.)... С. 60.

82. Цит. по: Карих Е.В. Процессы этнокультурного взаимодействия в ходе хозяйственного освоения Тобольского Севера в XIX — начале XX в. // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI — начала XX века. Новосибирск, 2004. С. 159.

83. См.: Головнев А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004.

84. См.: Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Этнографический очерк местных инородцев. М., 1995. Т. I; 1996. Т. III; Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь... С. 61—78; Ямал — знакомый и неизвестный. С. 142—161; Вануйто В.Ю. Торгово-обменные связи народов Обского Севера и русскоязычного населения в XVIII—XIX вв. // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10—12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск; Омск,

2001. С. 93—95; Карих Е.В. Процессы этнокультурного взаимодействия в ходе хозяйственного освоения Тобольского Севера... С. 153—165.

85. См.: История Республики Коми... С. 91, 112—13; Конаков Н.Д., Котов О.В. Этноареальные группы коми. М., 1991. С. 49—52; Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII — середине XIX века: территория и население. Сыктывкар, 1998. С. 98; Карих Е.В. Процессы этнокультурного взаимодействия... С. 154—160; Туров С.В. К вопросу о роли коми-зырян ижемской группы в заселении и хозяйственном освоении тундровой зоны Северного Зауралья (первая половина XIX — 20-е гг. XX в.) // Угры... С. 236—243; Повод Н.А. Первые коми-ижмцы в Березовском крае: история семьи Ф.З. Рочева // Там же. С. 447—450; Она же. Этнокультурное развитие коми-зырян Зауралья в конце XIX — начале XX в. // Этнокультурная история Урала XVI—XX вв.: Материалы международной научной конференции, г. Екатеринбург, 29 ноября — 2 декабря 1999 г. Екатеринбург, 1999. С. 237—238.

86. См.: Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь... С. 152—172, 200—216, 263—282; Очерки истории Югры... С. 242—253; Ямал: грань веков и тысячелетий... С. 364—392; Федорова Е.Г. Роль русской торговли в процессе трансформации традиционной культуры обских угров // Русские старожилы... С. 116—118; Еремеева О.И. О влиянии православной церкви на духовное развитие народов Северо-Западной Сибири (конец XIX — начало XX вв.) // Там же. С. 43—44; Она же. Православие на Ямале (конец XIX — начало XX вв.) // Самодийцы... С. 109—111; Мартынова Е.П. Этнические контакты русских и обских угров // Русские старожилы... С. 71—73; На стыке континентов и судеб...; «И здесь появляется заря христианства...». (Обдорская миссия 30-е — 80-е гг. XIX в.): источники. Тюмень, 2003; Из истории Обдорской миссии: Источники. Тюмень, 2004; Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов XVII—XX вв. Екатеринбург-Салехард, 2005.

ТАМОЖЕННАЯ СЛУЖБА НА ОБДОРСКОЙ И СОБСКОЙ ЗАСТАВАХ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Присоединив Сибирь, Российское государство распространило на эту территорию свое административно-территориальное устройство и фискальную систему. Важнейшую роль в соблюдении интересов государственной казны были призваны сыграть таможенники. Таможенные службы были созданы во всех уездных городах и ключевых пунктах на путях следования из европейской части России в Сибирь. Таким образом государство стремилось взять под свой контроль и получать доход от сибирской торговли, контролировать миграции, меховые и денежные потоки. Первые таможенники в Сибири появились в начале XVII в. В 1600 — 1603 гг. таможенные службы были созданы в Верхотурье, Тобольске, Тюмени, Таре, Сургуте, Березове, Мангазее [1].

В последней четверти XVI — XVII вв. наряду с Бабиновской дорогой русские промышленники и торговцы активно пользовались так называемым «чрезкаменным» путем. В 1619 г. был официально разрешен путь «от Архангельского города и ото всех поморских городов в сибирские города на Березов город» через Камень (т.е. Уральский хребет). В грамоте 1620 г. был указан точный маршрут передвижения: «на Усу, на Сось и на Ель до Камени, волоком через Камень в другую Сось реку и Сосью до Оби». На этом пути было организовано несколько застав. Немного выше устья реки Сось была устроена Собская застава. Эта застава должна была контролировать проезд из европейской части России в Сибирь. По данным П. Буцинского, около устья р. Сось застава существовала еще в конце XVI в., но в первые годы XVII в. ее уже не было. Она была возобновлена по указу 1618 г. Вопрос об упорядочивании движения «чрезкаменным» путем и функционировании Собской таможни вновь был поднят тобольским воеводой Ю.Я. Сулешевым в 1624 г. Правительство подтвердило свое прежнее разрешение пользоваться этим путем [2]. Для контроля встречного потока была организована таможня в Обдорском острожке, расположенном у впадения реки Полуя в Обь, почти напротив (через Обь) Собской заставы.

По важности и значимости как контрольно-пропускные пункты Собскую и Обдорскую заставы можно поставить в один ряд с Верхотурьем, они занимали ключевое положение на «чрезкаменном» пути и были своеобразными «воротами в Сибирь». Для иллюстрации востребованности этой дороги воспользуемся данными, приведенными С.В. Бахрушиным. В 1638/39 г. на Собском устье и Обдорской заставе побывало с Руси 919 торговых и промышленных людей (таможенный сбор 1638 г. составил более 1859 руб. с учетом Киртасской заставы), в 1639/40 г. — 745 человек (таможенный сбор 1639 г. — 1239 руб. 77 ³/₄ коп.). В 1640/41 г. с Руси через Камень пришло 125 человек, из них 34 человека, продав свой товар, вернулись обратно, 80 пошло в Мангазею, 8 — в Березов и 3 — в Енисейск. Обратно через Камень пошли из Тобольска 48 или 49 человек и из других сибирских городов 213 человек, считая служилых людей и гребцов, ехавших с государевою казною, без указания пункта отправки прошло 24 человека. Морем из Мангазеи прибыло 319 человек, которые за редким исключением тоже пошли на Русь. Таким образом, в 1640/41 г. из Сибири в европейскую часть России направилось 638/639 человек [3]. Эти заставы функционировали только три летних месяца.

Обе заставы находились под единым управлением. Первоначально тобольские воеводы посылали на эти заставы тобольских служилых людей и целовальников из тобольских посадских людей [4]. Так, в 1624 г. по царскому указу из Тобольска на Обдор и Собское устье были посланы целовальниками тобольские посадские люди Федор Обобуров и Второй Тихонов «для збору государевы десятиные пошлины» [5].

Перемены в организации таможенной службы на Собской и Обдорской заставах и других сибирских пунктах произошли в 1635 г. По мнению П. Буцинского, реорганизация была связана с тем, что служилые люди были неопытны в оценке товаров [6]. На наш взгляд, эти события необходимо рассматривать в более широком контексте, в рамках нововведений во всей таможенной системе Сибири.

В начале XVII в. существовала практика решения кадровых проблем в Сибири путем присылки тех или иных специалистов (например, кузнецов, оружейников) из городов Европейской России. Это касалось и административно-хозяйственной сферы. До 1624 г. на должность таможенного и кабацкого головы в Тобольск присылались посадские люди из Казани. Казанцы обращались в Москву с просьбой освободить их от этой службы, поскольку ежегодно до 800

посадских людей Казани находились на различных отъезжих службах и посылках, что привело их к разорению. В Приказе Казанского дворца решили удовлетворить просьбу. Царской грамотой от 28 августа 1624 г. тобольским воеводам Ю.Я. Сулешову и Ф.К. Плещееву было предписано закрыть кабак в Тобольске, а в таможенные головы «выбирати в Сибири ис сибирских ис посацких из лутчих людей» [7]. На верхотурскую заставу «для обыска проезжавших воевод, дьяков, письменных голов, торговых и промышленных людей» посылались дворяне и подьячие из Москвы. Однако «после московского пожара» их присылать перестали, а стали посылать в верхотурские таможенные головы из Казани и «понизовых» городов [8].

К 1635 г. стало очевидным, что произошло ослабление таможенного контроля, и это негативно сказалось на пополнении государственной казны. В Москве стало известно, что «сибирские воеводы и дьяки и письменные головы возят с собою с Москвы в Сибирь многие вина и меды, и иные всякие запасы и товары сверх своих обиходов для торговли и для безделных своих прибытков, и будучи в сибирских городех теми своими товары сами и дети и племянники и люди их торгуют, продают то вино и иные всякие запасы на денги, а иное меняют на соболи и на лисицы, и на иную на всякую сибирскую мяхкую рухлядь у торговых и ясачных людей и емлют в посулах... и высылают к Руси, поэтому в нашей казне в Казанском дворце доброй мяхкой рухляди не объявляется, а объявляется на Москве и других городех на гостиных дворах и в рядах у торговых и промышленных людей» [9].

Причина ослабления таможенного контроля виделась московским администраторам в низком уровне квалификации присылаемых на Верхотурье из Казани и «понизовых» городов таможенных голов. «Лутчих» людей укрывали, а посылали посадских людей «из середних статей, а иных из молодчих людей», которым таможенное дело было «не за обычай, у таких больших дел наперед того не бывали». Во многие таможенные дела вмешивались воеводы, а таможенные головы не могли им противостоять [10]. Аналогичная ситуация была и в других сибирских городах с той лишь разницей, что функции таможенных голов выполняли представители из местного русского населения. Например, в Сургуте это были сургутские служилые люди, в Березове, на Собской и Обдорской заставах — тобольские посадские люди.

В 1635 г. был предпринят ряд мер, направленных на ужесточение контроля за товарными, меховыми и денежными потоками меж-

ду Русью и Сибирью и на обеспечение независимости таможенных голов от вмешательства воевод. Пожалуй, главным нововведением стали указы о присылке в сибирские таможенные головы людей из поморских городов по выбору посадских общин. В наказах таможенным головам подчеркивалось, что осмотр товаров, сбор пошлин и конфискация незаконно провозимых товаров, находятся в «одномличном» ведении голов. Они имели право прямого обращения в Москву в случае воеводской «порухи таможенному делу» [11]. Как на практике осуществлялся контроль за провозимым имуществом и деньгами, показывают публикуемые ниже документы № 1, 3, 4.

Первыми таможенными головами на Обдорской и Собской заставах стали присланные из Поморья Лука Плесовский (из Великого Устюга) и Первый Ружников (с Мезени) (документы № 1, 3, 4). Они были назначены царским указом от 5 февраля 1635 г. [12]. В 1638 г. их сменили Афанасий Чебаевский (из Великого Устюга) и Григорий Тарамшин (с Мезени) (документ № 1). В 1640 г. из этих же городов были присланы Дмитрий Котельников и Шумил Степанов (документ № 5). В 1651 г. устюжанина Григория Ботвина и кеврольца Семена Олимпиева сменили устюжанин Герасим Протасов и кевролец Яков Родионов [13]. В 1655/56 г. они еще продолжали служить на Березове и Обдоре (документ № 8). В среднем срок службы таможенных голов составлял 3 года. Официально они именовались «таможенные и заставочные головы», а место их назначения обозначалось: «на Березов и на Собскую и на Киртаскую заставы» или «на Березове и на Обдорской и на Киртаской заставах» (документ № 1. Л. 41, 45—46). Киртасская застава была устроена на другом пути с Печоры в Сибирь. По так называемому «щугорскому» пути можно было легко обойти Березов, Собскую и Обдорскую заставы. Русские промышленники и торговцы проходили по правому притоку Печоры реке Щугору, затем через волок к верховьям притоков Сыгвы, по Сыгве перебирались в Сосьву, оттуда по Ияспаловой протоке в Обь [14]. Но судя по всему этим путем пользовались не так активно, как «чрезкаменным». Поэтому основная нагрузка таможенной службы приходилась на Собскую и Обдорскую заставы. Один таможенный голова нес службу на Собском устье, другой — на Обдоре. Как правило, на Киртасскую заставу для сбора пошлин таможенные головы отправляли таможенного целовальника (документ № 1. Л. 7—9).

Целовальники, входившие в штат таможенной службы, выбирались из посадского населения Тобольска. Так с А. Чебаевским и

Г. Тарамшиным было послано 7 целовальников (документ № 1). Как правило, среди целовальников присутствовал служилый бухарец [15]. В 1638 г. это был «тобольской юртовской бухаретин» Аршанко Бабазин (документ № 1). Скорее всего, служилые бухарцы должны были при необходимости выполнять роль толмачей.

Также вместе с таможенными головами посылались подьячие. Стремление государства сделать таможенную независимой от воевод выразилось и в том, что при ней был свой штат подьячих. Согласно царскому указу, таможенную службу на Березове, Соби и Обдоре должно было обслуживать трое подьячих, в летнее время двое из них отправлялись с Березова на Собскую и Обдорскую заставы. В воеводской канцелярии (съезжей избе) служили другие подьячие, например, в 1654/55 г. их было двое. В документах № 6—7 излагается ситуация, когда подьячий съезжей избы просил разрешить ему совмещать свою службу со службой летом в таможне на Соби и Обдори, при этом он был готов остаться на прежнем окладе.

Кроме административного аппарата служба таможни обеспечивалась служилыми людьми. Так, в 1628 г. на Обдор, Собское устье и «новую заставу на Кыртас реку» «для сбора десятые пошлины было послано 30 березовских служилых людей [16]. По данным 1651 г., на Собскую и Обдорскую заставы было послано 40 служилых людей из Тобольска [17]. Очевидно, со временем обеспечение порядка на Обдорской и Собской заставах было возложено на тобольских служилых людей. Так, в наказе 1673 г. березовскому таможенному голове устюжанину Василию Протопопову, в частности, говорилось: «...А хто будет учинитца вам, таможенным головам, силен, товаров или мяхкой рухляди переписывать у себя не даст и великих государей пошлины платить не учнет, и на тех непослушников и на сильных людей вел[ено] им, писменным головам и подьячим, давать вам служилых людей, которые с ними из Тоболска на Собскую заставу посланы, по сколку человек пристойно...» [18].

Реально за названием «Собская и Обдорская заставы» стояла целая система застав. На Собском устье и Обдоре находились центральные пункты, где проводилось освидетельствование провозимого имущества и собирались все платежи. Из них главным был Обдор, там имелась таможенная изба, где хранилась коробья, в которой находились в том числе и деньги, собранные на Собском устье и Кыртасской заставе. Кроме центральных пунктов существовали «отъезжие заставы» («отъезжие караулы», «караулы по островам»). Одни

«отъезжие заставы» были выставлены «против мангазейщиков, откуды приезжают из Мангазеи с мяжкой рухлядью», другие — «откуды приезжали с Руси торговые и промышленные люди с рускими товарами» (документ № 1. Л. 7—9). На эти заставы таможенные головы посылали целовальников, которые должны были встреченных на пути людей приводить на Обдор и на заставу у Собского устья.

Деятельность таможни регламентировалась в наказах таможенным головам. В статье А.Н. Копылова «Таможенная политика в Сибири в XVII в.» подробно рассмотрены виды таможенных пошлин, собиравшихся в Сибири, показаны их разнообразие и эволюция таможенной системы, сделан вывод о развитии таможенной политики в сторону унификации таможенных сборов [19]. Сбор пошлин был основной, но не единственной обязанностью таможенной службы. Публикуемые ниже документы позволяют восстановить картину функционирования таможни во всем ее разнообразии. Весьма многоплановым является документ № 1. Он содержит богатый материал о повседневной деятельности таможни, о сложных взаимоотношениях таможенных голов и целовальников, их поступках, в которых переплелись личные, порой корыстные, интересы и стремление принести пользу казне.

Попытаемся из мозаики документальных свидетельств составить общую картину функционирования Собской и Обдорской застав в первой половине XVII в. Торговые и промышленные люди, ехавшие в Сибирь (а точнее в Мангазею, Березов, Сургут, Нарым, Кетск, Томск, Енисейск, Красноярск) торговать, менять на пушнину свой товар или промышленять, являли товары, имущество и деньги в первом сибирском таможенном пункте (на Верхотурье или на Собской заставе) для осмотра и оценки. Таможенники проверяли соответствие товаров проезжим грамотам, которые выдавались проезжавшим в пункте отправления. Публикуемый ниже документ № 2 является типичным примером проезжей грамоты. Если человек ехал проездом, то получал сибирскую проезжую грамоту, уплатив за грамоту печатную пошлину (с оценки товаров) и проезжие пошлины (с количества людей, с оценки товаров, со средств передвижения). В случае остановки здесь для торговли, владелец товаров платил явчую и десятую пошлины, а также постоянную (избную), амбарную (полавочную), весчую, померную и некоторые другие сборы за торговлю и обслуживание [20].

Так, в октябре 1624 г. целовальники, тобольские посадские люди Федор Обобуров и Второй Тихонов привезли в Тобольск «збору

государевы десятые пошлыны» 440 рубля 13 алтын 3 деньги. Эти деньги были собраны на Собском устье в виде «десятые пошлыны денгами, головщины и проезжие пошлыны» [21]. Таким образом из этой записи следует, что в 1624 г. доход был получен от проезда людей с Руси в Сибирь, пошлыны взимались трех видов: «десятая», т.е. 10 % от стоимости провозимых товаров, «головщина» (другое название «явочная») бралась с каждого человека на явке в таможене за приезд, «проезжая» взималась за проезд транзитом [22].

Аналогичный порядок существовал и при выезде людей из сибирских городов на Русь. С той лишь разницей, что Обдор был уже конечным пунктом на выезде из Сибири. Поскольку торговля была разрешена только на гостиных дворах, а на заставах такого места не было, то соответственно основной поток торговых и промышленных людей шел через Обдорскую заставу транзитом с проезжими грамотами из сибирских городов, которые давали право свободного проезда по территории Сибири.

В перечне пошлин, который был обозначен в наказе 1641 г. таможенными головам Д. Котельникову и Ш. Степанову, упоминалось три вида пошлин: десятая, проезжая и печатная. По существовавшим узаконениям последние две не брались с проезжавших транзитом через Обдорскую заставу на Русь. Эти пошлыны уплачивались в тех городах, где выдавались проезжие грамоты. Однако таможенные головы А. Чебаевский и Г. Тарамшин завели другой порядок. Они переоценивали провозившуюся пушнину, сумма увеличивалась, поэтому на Обдоре выданные ранее проезжие грамоты переписывались и соответственно взимались пошлыны, все это фиксировалось в приправочных книгах, т.е. не присваивалось таможенными головами. Трудно сказать с чем была связана такая инициатива А. Чебаевского и Г. Тарамшина, либо с незнанием правил, либо с желанием принести дополнительные доходы в казну. Сменившие их Д. Котельников и Ш. Степанов были в растерянности, как поступать им, и обратились за разъяснениями в Москву (документ № 5). Необходимо также заметить, что у обдорских и собских таможенных голов были свои печати, т.е. они не зависели от березовских воевод.

В обязанности таможенных голов также входило выявление нарушений, связанных с провозом мягкой рухляди и денег. Как уже отмечалось выше, нововведения 1635 г. были связаны с ужесточением контроля за незаконным вывозом пушнины воеводами, дьяками, письменными головами, их родственниками и людьми, а также

торговыми и промышленными людьми. Эта тема проходила первым пунктом в наказах таможенным головам первой половины XVII в. Существовала строгая регламентация количества мехов и мягкой рухляди, разрешенного для вывоза из Сибири воеводам и другим администраторам [23]. Таможенные головы должны были следить за соблюдением установленных норм и препятствовать вывозу мехов через подставных лиц. Эта сторона деятельности таможни нашла отражение в документах № 3 и № 4.

В 1624 г. кроме собранной десятой пошлины Ф. Обобуров и В. Тихонов привезли в Тобольск «протаможье» мягкой рухлядью. Протаможье — штраф, который брался с людей, если в их багаже обнаруживалась пушнина, незаписанная в проезжих грамотах. Кроме уплаты штрафа конфисковывались и «лишние» меха. В 1624 г. протаможье собиралось натурой, в конце 1630-х гг. таможенные головы А. Чебаевский и Г. Тарамшин брали протаможье деньгами по 2 руб. 4 алтына 1,5 деньги с человека (документ № 1. Л. 90—101). Очевидно, это был универсальный размер штрафа, который взимался таможенными головами за любые нарушения. Например, такая же сумма была взята с Максима Юрьева и его товарищей за то, что в 1636 г. около их лодки в воде был найден мешок с табаком (документ № 4).

Через Обдорскую заставу из сибирских «понизовых» городов везли в Москву государственную казну. Таможенные головы должны были следить, чтобы по дороге казна не вскрывалась. Для этого они проверяли печати на сумах и сообщали в Москву о результатах своего досмотра. Например, в 1641 г. таможенные головы Д. Котельников и Ш. Степанов сообщили, что у одного из мешков с казной, посланной из Кетского острога, не было печати, поэтому они запечатали его своей [24]. В обязанность обдорских таможенных голов также входил контроль за винными откупам и сбор с них пошлин. Так, одним из обвинений в нерадении государеву делу А. Чебаевского и Г. Тарамшина, было то, что они покрывали квасного откупщика Павла Матвеева и не брали в казну с продажи пива пивных денег (документ № 1. Л. 9—13).

Собранные деньги и меха посылались в Москву, но отправлялась мягкая рухлядь только хорошего качества. Те меха, которые не годились в государеву казну, можно было продавать на местном рынке. Так, в 1624 г. в Тобольске была продана мелкая мягкая рухлядь, собранная Ф. Обобуровым и В. Тихоновым в протаможье, на сумму 13 руб. 15 алтын [25]. Важным документом, отразившим

изменение государственного подхода к расходованию средств, собранных на Собской и Обдорской заставах, является документ № 8.

Основным видом отчетности таможенной службы были таможенные книги. Ежегодно после окончания летнего периода таможенные книги, собранные деньги и меха доставлялись с Обдора одним из таможенных голов в Тобольск. Тобольские воеводы проводили анализ отчетной документации, сравнивали показатели с предыдущим годом. Так, у таможенных голов Г. Протасова и Я. Родионова в 1654 г. случился недобор по сравнению с 1653 г. 169 руб. 25 алтын полшесты деньги. Тобольские воеводы предписали березовскому воеводе провести сыск и выяснить причины недобора на Обдорской, Собской и Киртасской заставах [26].

По окончании службы тех или иных таможенных голов составлялись счетные списки, в которых отражались сводные данные приходных и расходных книг таможи за весь период их службы, выяснялось был ли недобор таможенных пошлин. Такая же процедура касалась и таможенных целовальников, которые вели в тех или иных местах самостоятельный сбор пошлин. Так, по счетному списку за 1638–1640 гг. с таможенных голов А. Чебаевского и Г. Тарамшина было взыскано 22 руб. 21 алтын 4 деньги, с таможенных голов Р. Микулина и В. Костина — 41 руб. 22 алтына 5 денег (документ № 1. Л. 111–117). Ввиду неординарности ситуации (проведения сыска о злоупотреблениях таможенных голов) «счет» был проведен тобольскими воеводами. Обычно же итоги финансовой деятельности таможенных голов проводили новые таможенные головы, приезжавшие им на смену [27].

Публикуемые документы позволяют получить представление о становлении таможенной службы на Обдорской и Собской заставах в первой половине XVII в., разнообразных аспектах ее деятельности, окупиться в повседневную жизнь Северо-Западной Сибири эпохи позднего средневековья. Документы взяты из столбцов Сибирского приказа (РГАДА, ф. 214). При воспроизведении текстов зачеркнутые места заключены в треугольные скобки. Слова, вписанные над строкой, выделены курсивом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Копылов А.Н. Таможенная политика в Сибири в XVII в. //Русское государство в XVII веке. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. Сб. ст. М., 1961. С. 332.

2. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. III. Ч. 2. М., 1954. С. 83.
3. Там же. С. 86.
4. Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт певрых ее насельников. Тюмень, 1999. С. 174—176.
5. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 8. Л. 31—31 об.
6. Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт... С. 176.
7. Первое столетие сибирских городов. XVII век. Новосибирск, 1996.
- С. 43.
8. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 62. Л. 109—110, 113—114.
9. Там же. Л. 110—112.
10. Там же. Л. 113—114.
11. Копылов А.Н. Таможенная политика в Сибири... С. 334.
12. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 62. Л. 33.
13. Там же. Д. 408. Л. 109.
14. Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт... С. 176—177
15. Первое столетие сибирских городов... С. 126.
16. Там же. С. 55
17. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 408. Л. 53—54.
18. Первое столетие сибирских городов... С. 127.
19. Копылов А.Н. Таможенная политика в Сибири... С. 330—370
20. Там же. С. 340.
21. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 8. Л. 31—31 об.
22. Копылов А.Н. Таможенная политика в Сибири... С. 344.
23. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 62. Л. 5.
24. Там же. Д. 112. Л. 66—68 об.
25. Там же. Оп. 1. Д. 8. Л. 36.
26. Там же. Оп. 3. Д. 496. Л. 168—184.
27. Там же. Д. 408. Л. 110.

Публикация подготовлена И.Л. Маньковой

ДОКУМЕНТЫ

1

1639—1642 гг. Следственное дело о злоупотреблениях обдорских таможенных и заставочных голов Афанасия Чебаевского и Григория Тарамшина

1639 г., не позднее 9 февраля. Отписка тобольских воевод М.М. Темкина-Ростовского и А.В. Волынского о посылке в Москву челобитной таможенных целовальников, явки и допросных речей

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холопи твои Михалко Темкин Ростовской, Ондрюшка Волын-

ской, Дорофейко Пустынников, Гришка Протопопов челом бьют. В нынешнем, государь, 147-м году били челом тебе, государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Руси, тобольские посацкие люди, обдорские таможенные целовальники Петрушка Новоселов с товарищи на таможенного голову на Григорья Тарамшина, а нам, холопом твоим, в съезжей избе подали в своих насильствах челобитную и в твоих государевых делах явку. И мы, холопи твои, того таможенного голову Григорья Тарамшина против их челобитья ... допрашивали и тое, государь, их челобит... и явку, и допросные речи все подлинны... послали ис Тобольска к тебе, ко государю, к Москве с тобольскими служилыми людьми с конным казаком с Савкою Измайловым да с пешим казаком Ивановы станицы Александрова с Ондриюшкою Булдаковым.

Отметка о подаче. 147 февраля в 9 день подал тобольской казак Сава Измайлов.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 86 Л. 2 — 2об.

**1638 г. 26 октября. Челобитная таможенных целовальников
П. Новоселова с товарищами на обдорских таможенных
голов А. Чебаевского и Г. Тарамшина**

Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Руси бьет челом ... Тобольского города посадцкие людишка Петрушка Новоселов, Жданко Яковлев, Микитка Терентьев. Жалоба, государь, нам на обдорских и заставошных, таможенных голов на Офонасья Чебаевского да на Григорья Тарамшина. В прошлом, государь, во 146-м году по твоему государеву указу и по выбору тобольских посадцких людей посыланы мы, сироты твои, на твою государеву службу в целовальники на Обдорскую и на Собскую заставы, а велено, нам сиротам твоим, быть у твоего государева таможенного дела и у всякого збору с теми головами вместе и всякую твою государеву казну збирати с великим радением, неоплошно против твоего государева указу и наказные памяти, какова дана ис Тобольска. И те, государь, таможенные головы Офонасей и Григорей своим насильством и заодничеством ко многим твоим государевым таможенным делам нас, сирот твоих, не пропускали и делали своим произволом. И твои государевы таможенные денежные и всякие зборы имали без нас, [сирот] твоих. И мы, сироты твои, против твоего государева указу и против наказные памяти тем головам об том говорили не по одно время, что оне делают негораздо всякие твои государевы таможенные дела без нас, сирот

твоих, и те таможенные головы Офонасей и Григорей, рьясь тому своим насильством и озорничеством, учили нас, сирот твоих, за то насмерть бити и увечити. Будучи, государь, на Обдорской заставы в таможенной избе бил меня, сироту твоего Петрушку, Григорей Тарамшин по щекам при людех и выбил меня ис таможни и за мною, сиротою твоим, со слопом гонялся и ослопом бил и платье на мне издрал. А меня, сироту твоего Жданка, бил и увечил он же, Григорей Тарамшин, на Собской заставы смотрячу у торговых людей товару. А меня, сироту твоего Микитку, он же, Григорей Тарамшин, на Собской ж заставы бил и увечил по три поймы и в воду меня, сироту твоего, бросал и утопить насмерть велел. И многим, государь, нам, сиротам твоим, от тех голов насильства и обиды, и тесноты бывали великие и всякие позорные лаи. А ныне мы, сироты твои, от тех таможенных голов стали на век изувечены, глухи и слепы и опозорены.

Милостивый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй нас, сирот своих, вели, государь, нам [на] тех обдорских и заставочных голов [в] том их насильстве, что оне нас били, увечили заодно насмерть дать свой царской суд и управу. А увечью, государь, и безчестью нашему что ты, государь, укажешь, чтоб нам от такова насильства и досталь в конец не погинуть и впредь бы твоей государевы службы не отбыть. Царь государь, смилуйся.

Подпись на обороте: 147 г октября в 26 день подал Петруш[ка] [Но]воселов.

Там же. Л. 3—6.

Не ранее 26 октября 1638 г. — не позднее 6 февраля 1639 г.

Материалы допроса таможенного головы Г. Тарамшина

И стольники и воеводы князь Михайло Михайлович Темкин Ростовской да Ондрей Васильевич Волынской да дьяки Дорофей Пустынников да Григорей Протопопов, выслушав челобитные, обдорского таможенного голову Григорья Тарамшина допрашивали тобольских целовальников он, Григорей, и товарищ ево Офонасей Чебаевской Петрушку Новоселова, Жданка Яковлева да Митку Терентьева били ль и буде били и за что били за государево ль дело, и будет за государево дело и за какое государево дело их били, чтоб он про то сказал вправду.

И таможенной голова Григорей Тарамшин в роспросе сказал. Целовальник де Петрушка Новоселов посылан был на Киртаскую

заставу для таможенного збору. И приехал де он с Киртаские заставы на Обдор з государевою казною, и они де у него, Петрушки, по многое время просили государевы казны. И он де их не послушал, государевы казны долгое время не отдал, а сказал, везет де он збору своего деньги и сам в Тоболеск, и сам де он таков же каковы де и они. И он де, Григорей, ево, Петрушку, попехнул рукою для того, что по государеву указу обдорской и киртаской збор велено ведать им, Офонасью и Григорью. Да они же де, Офонасей и Григорей, де Петра посылали на отъезжие заставы против мангазейщиков, откуды приезжают из Мангазеи с мяхкою рухлядью. И тот де, Петр, их, Офонасья и Григорья, не послушал же, на заставы не поехал.

А другово де целовальника Жданка Яковлева посылали к ним на заставы, откуды приезжали с Руси торговые и промышленные люди с рускими товары. И он де, Жданко, того дни на заставы не поехали, их, Офонасья и Григорья, не послушал, а сказал, что де у него хлебы не поспели. А торговал де он, Жданко, того дни на Собском устье товары и харчи, с остяками менял на белку и на оленье постели. И он де, Григорей, ево, Жданка, попехнул же рукою.

А целовальника ж де Микитку Терентьева попехнул рукою за то, что он, Микитка, государевым делом не радеет, а торгует на Собском устье с рускими людьми и с остяками всякими товары и мяхкою рухлядью. А в таможеню тех товаров и мяхкие рухляди на явку не носит.

Там же. Л. 7—9

1638 г., 28 октября. Явка таможенных целовальников

П. Новоселова с товарищами на таможенных голов

А. Чебаевского и Г. Тарамшина

Царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьют челом и являют сироты твои Тобольского города посадцкие людишка Петрушка Новоселов, Жданко Яковлев, Микитка Терентьев, Родка Патрахин на обдорских и заставошных голов на Офонасья Чабаевского да на Григоря Тарамшина. В прошлом, государь, во 146-м году по твоему государеву указу выбраны мы, сироты твои, в Тобольску у посадцких людишок в целовальники. А велено нам, сиротам твоим, быть у твоего государева дела в целовальниках у всякого твоего государева денежного и соболинаго збору с теми таможенными головами, с Офонасьем и з Григорем. А велено нам, сиротам твоим, по твоему государеву указу и по наказной памяти,

какова дана ис Тобольска, делать во всем правда и тебе, государю, прибыль учинить, помнячи твое государево крестное целование. И будучи, государь, те обдорские заставошные головы на твоей государеве службе, учили делать не против твоего государева указу и наказной памяти. Имали, государь, оне на Обдоре у служилых и у промышленных людей на тебя, государя, деньги и соболи, и шубы соболями и пупчатые, и исподы шапошные соболями, которые, государь, деньги, соболи и шубы соболями и исподы не написаны были в их проезжих грамотах. И те, государь, деньги и соболи и шубы и исподы оне, таможенные головы Офонасей и Григорей, подержав в таможене дни по два и по три отдавали назад ис твоей государевы казны им же, служилым и торговым и промышленным людям. А как оне те деньги и соболи, и шубы, и исподы отдавали назад служилым и городовым и промышленным людям, и нас, сирот твоих, к тому не призывали. То, государь, делали оне, головы, одне с своими советники, с подьячими с Терентьем Черным да з Дмитрием Шаховым. А тот Терентей Григорью Тарамшину шурин, а был он в подьячих тут не по твоему государеву указу. И мы, сироты твои, увидя у них такое нерадение, учили им, головам, об том говорить, помнячи твое государево крестное целование, что оне, головы, делают не гораздо, не против твоего государева указу и наказные памяти. И оне, головы Офонасей и Григорей, с своими советники за то нас, сирот твоих, били и увечили на смерть и учинили нас, сирот твоих, на веки изувеченных. Да голова таможенной, он же, Григорей Тарамшин, будучи, государь, на Собской заставе извещал твое, государево, дело на своего товарища, на голову, на Офонасья Чабаевского, что де тот ево товарищ Офонасей пропускает мимо с товаром и з деньгами безошлинно своих родимцов и хлебоядцов, и землян, и к твоей де, государеве, казне к деньгам, к коробье не припущал. А у коробки ключ и печать ево де, Афонасева. Да на Обдорской же, государь, заставе квасной откупщик Пашко Матвеев с товарищем пива варили многие и продавали всяким людям на деньги и служилые, государь, люди на них в том продажном хмельном питье извещали им, головам. И те таможенные головы Офонасей и Григорей тех продажных пив не вынимали для своей бездельной корысти многожды. А которых, государь, пива продажные по челобитью и вымут, и те пива отдают тем же продавцом назад, а с них твоих государевых пивных денег не имали. Да тот же голова Григорей Тарамшин з зерщиками костью сам играл. А извещал он, Григорей Тарамшин, на Собской заставе на своего товарища, на

Офонасья, твое государево дело во весь мир служилым и всяким людем. И многие, государь, нам, сиротам твоим, от них, голов, насмерства и обиды, и тесноты были. В конец мы, сироты твои, погибли и совсем от них разорились.

Милосердный государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй нас, сирот своих, вели, государь, сие наше челобитье и явку в Тобольску в съезжей избе записать, чтоб нам, сиротам твоим, от тех голов неповинно напрасно в конец не погнать. А от тебя бы, милосерднаго государя, в пене и в опале не быть и впредь бы нам, сиротам твоим, твоей государевы службы не отбыть и досталь не разориться. А в увечье, государь, и в бесчестье тебе, государю, челобитье нас, сирот твоих, на них голов будет. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

Там же. Л. 9—13.

**Материалы сыска тобольских воевод
М. Темкина-Ростовского и А. Воынского,
проведившегося с 28 октября по 14 декабря 1638 г.**

Да того ж дни извещал в съезжей избе стольнику и воеводам князю Михаилу Михайловичу Темкину Ростовскому да Ондрею Васильевичю Воынскому да дьяком Дорофею Пустынникову да Григорью Протопопову тобольской служилой человек пешей казак Тугариновы станицы Панютина Пашко Федоров словесно сказал. Сказывал де за собою на Обдори всяким людем государево дело тобольской посадцкой человек обдорской таможенной целовальник Петрушка Новоселов на обдорского на таможенного голову на Григорья Тарамшина. А какое государево дело, того де он, Петр, на Обдори не именовал и он де, Павлик, того за собою не держит и про то извещает.

И того ж часу стольник и воеводы князь Михайло Михайлович Темкин Ростовской да Ондрей Васильевич Воынской да дьяки Дорофей Пустынников да Григорей Протопопов допрашивали обдорского таможенного целовальника, на обдорского таможенноу голову на Григорья Тарамшина он на Обдори государево дело сказывал ли, и какое он государево дело на таможенного голову на Григорья Тарамшина ведает, чтоб он про то сказал вправду.

И таможенной целовальник Петрушка Новоселов в роспросе сказал. По государеву указу и по наказом велено на заставах таможенным головам Офонасью и Григорью и им, целовальником, у торговых и у промышленных людей, у кого объявитца какая мяхкая рух-

лядь и деньги сверх проезжих грамот, имати на государя. И в прошлом де во 146-м году посылали с Обдори на заставу, откуда приезжают из Мангазеи всякие торговые и служилые люди на Обдор, таможенные головы Офонасей Чабаевской да Григорей Тарамшин целовальников Жданка Яковлева с товарищи. И он де, Жданко, встретя на заставе торговых и служилых людей, которые ехали из Енисейского острогу за государевою казною к Руси, москвитина торгового человека Кузьму Горбова с товарищи, а что де у них было какие мяхкие рухляди и денег. Он де, Жданко, с тою их с мяхкою рухлядью и з деньгами привел со всем на Обдорскую заставу к ним, к Офонасью и Григорью. И у тех де, у торговых и у служилых людей, и у москвитина у Козмы Горбова с товарищи объявились сверх проезжих грамот у многих людей шубы собольи и пупчатые и деньги. И они де, таможенные головы Офонасей Чебаевской и Григорей Тарамшин, с ними, целовальники. те шубы и деньги, которые были сверх проезжих грамот, взяли на государя. И после де того, побрав у них посулы, те шубы и деньги тем же людем поотдавали назад без них таможенных целовальников. И он де, Петрушка, им, таможенным головам Офонасью и Григорью, говорил, что они делают не по государеву указу — которые шубы и деньги объявились у торговых и у промышленных людей сверх проезжих грамот и взяты были на государя, а они, головы Офонасей и Григорей, побрав у них себе посулы, те взятые шубы и деньги назад поотдавали. Да ведомо де про тои сыну боярскому Юрию Воеводцкому, которой был послан ис Тобольска на Собскую заставу. А за то де, что он, Петрушка, им, головам, говорил, били ево те таможенные головы Офонасей и Григорей до полусмерти, на век изувечили. А что де было у ково взято на Обдори у торговых и у служилых людей, какие мяхкие рухляди и тому он, Петрушка, подал у роспросу своею рукою роспись такову.

Роспись что у ково имали головы на государя в таможную.

У торговово человека у Кузьмы Горбова фережи полусоболи, у енисейских казаков у Микиты Потапова шубу пупчатую у Ивашка Федорова шубу же пупчатую.

У Лебеда шубу же соболью, у торгово человека ярославца у Нифантея да у Оники *Скрыпиных* приказчика у Клима Гаврилова 30 рублей денег да 2 соболи, у Олешки Лалетина 30 рублей денег. А роспись писал Петрушка своею рукою.

И того ж дни стольник и воеводы князь Михайло Михайлович Темкин Ростовской да Ондрей Васильевич Волынской да дьяки До-

рофей Пустынников да Григорей Протопопов тобольского сына боярского Юрья Воеводцкого спрашивали, таможенные головы Офонасей Чебаевской да Григорей Тарамшин на Обдорской заставе у торговых и у служилых людей шубы и деньги, которые у них были сверх проезжих грамот, на государя имали ль и будет имали и у ково што взяли и, побрав у них посулы, те взятые шубы и деньги назад отдавали ль, и буде отдавали и кому што отдавали, и што у кого от того посулу взяли, а ему про то ведомо ли, чтоб он сказал вправду.

И сын боярской Юрьи Воеводцкой сказал, являли де ему, Юрью, на Собской заставе словесно москвитин торговой человек Кузьма Горбов да енисейские служилые люди Микитка Потапов с товарищи. А говорили ему, Юрью, имали у них на Обдори таможенные головы Офонасей Чебаевской да Григорей Тарамшин на государя у Кузьмы ферези да восемь соболей, а у служилых людей шубы соболями. И те де соболи и шубы и ферези назад и отдали, а от того де у них взяли таможенные головы Офонасей и Григорей у Кузьмы пятьдесят рублей, а у служилых людей тридцать рублей.

И того ж часу стольник и воеводы князь Михайло Михайлович Темкин Ростовской да Ондрей Васильевич Волынской да дьяки Дорофей Пустынников да Григорей Протопопов против росписи целовальника Петрушки Новоселова обдорского таможенного голову Григоря Тарамшина допрашивали у торгового человека, у Кузьмы Горбова, ферези пупчатые полы соболями, у енисейских казаков, у Микитки Потапова шубу пупчатую, у Ивашка Федорова шубу ж пупчатую, у Лебеда шубу ж соболями, у торгового человека ярославца у Нифантея да у Оники на приказщика Скрыпиных у Климка Гаврилова тридцать рублей да два соболя, у Олешки Лалетина тридцать рублей, что было у них сверх их проезжих грамот он, Григорей, и товарищ ево Офонасей на государя взяли ль и будет взяли, и та рухлядь и деньги в приходе у них написаны ли или они тою рухлядь и деньги отдавали тем торговым и служилым людям назад, и будет отдали и для чево отдали.

И таможенной голова Григорей Тарамшин по допросу сказал. У торгового де человека у москвитина у Кузьмы Горбова да у енисейских служилых людей у Микитки Потапова, у Ивашка Федорова шубы в таможеню до тех мест покаместа у них против проезжих грамот не пересматривали, имали. А как де у них мяхкую рухлядь пересмотрели, и те де шубы у них были в проезжих грамотах написаны ж, и для того те шубы им, Кузьме и енисейским служилым

людem Микитке Потапову с товарищи, и отдали. А у Лебеда была ль шуба или нет, того он не упомнит. А проезжие де грамоты отданы им же, Кузьме Горбову с товарищи.

А у торговых людей ерославцов у Нифантьева да у Оникина приказщика Скрипиных у Климка Гаврилова объявилось сверх проезжей грамоты осмнатцать рублей. И с тех денег у него, Климка, взяли они десятую пошлину, а тритцати рублей они у Скрипина приказщика Климка Гаврилова на государя не имывали.

А у лалетина де у Олешки деньги были в чересу, а сколько было того он не ведает. А сказал де про те деньги товарищ ево, Офонасей Чебаевской, что те деньги ево, Офонасевы, потому де тех денег на государя и не взято.

И стольник и воеводы князь Михайло Михайлович Темкин Ростовской да Ондрей Васильевич Волынской да дьяки Дорофей Пустынников да Григорей Протопопов велели речи их записати.

Да ноября в 13 день в съезжей избе стольнику и воеводам князю Михаилу Михайловичю Темкину Ростовскому да Ондрею Васильевичу Волынскому да дьяком Дорофею Пустынникову да Григорию Протопопову таможенной голова Григорей Тарамшин на таможенново целовальника на Микитку Терентьева подал две памяти, а в памятех пишет. 147-го году октября в 12 день таможенной и заставочной голова Григорей Тарамшин звезда, едучи от Березова города, таможенной целовальник Никита Терентьев торгует рускими товары со всякими людьми. И у него осматривал русских товаров с таможенными целовальники с Петром Новоселовым да с Васильем Костиным да со Жданом Яковлевым. И у целовальника Никиты русского товару 3 кафтана борани под поволоками крашенинными, цена 4 рубли 16 алтына 4 деньги, 8 кафтанов бораних нагольных, 9 рублей 20 алтын, 9 зипунов сермяжных, 10 рублей 26 алтын 4 деньги, 11 аршин сукна сермяжного, 2 рубли 6 алтын 4 деньги, 3 шубы борани одевальные, 3 рубли 20 алтын, зипун сермяжной, сорок алтын, кафтан бораней, 40 алтын.

И таможенной и заставочной голова Григорей Тарамшин при целовальниках у Никиты спрашивал, где тот русской товар купил. И Никита сказал, тот русской товар купил на Обдоской заставе у русских людей. А на явке тот русской товар на Обдорской заставе в таможе не был. Память писал Терешка Юрцев.

147-го году октября 12 день таможенной целовальник Никита Терентьев сказал перед таможенным головою перед Григорьем Тарамшиным, купил де Семейка Скороходов на заставе русского това-

ру на двести рублей, были тут, как Никита сказал, таможенные целовальники Петр Новоселов, Жданко Яковлев, Василий Костин, Родион Патракиев да служилые люди Роспута Иванов с товарищи

Подпись на обороте: 147 г. ноября 13 де таможенной голова Григорей Тарамшин. К сей памяти вместо таможенного и заставочного головы Григорья Тарамшина по ево веленью Терешка Юрьев руку приложил.

Отметка о подаче: 147 г. ноября 13 де подал таможенной голова Григорей Тарамшин.

И того ж дни стольник и воеводы князь Михайло Михайлович Темкин Ростовской да Ондрей Васильевич Волынской да дьяки Дорофей Пустынников да Григорей Протопопов, выслушав дву росписи таможенново головы Григорья Тарамшина, поставя перед собою целовальника Микитку Терентьева, допрашивали товару у него против росписи таможенного головы Григорья Тарамшина, есть ли и буде есть и где он тот товар купил и для чего таможенному голове Григорью Тарамшину не являл, и что тобольской служилой человек Семенка Скороходов на Обдори на двесте рублей торговал, про то ему, Григорю, сказывал ли.

И целовальник Микитка Терентьев, выслушав росписи таможенного головы Григорья Тарамшина, сказал, тот де товар покупал он на Обдори у торговых людей про свою нужу и им де, таможенным головам Офонасью Чебаевскому да Григорью Тарамшину объявлял и пошлины де им с того, своего товару, в таможе на Обдори, а иную пошлину, что невеликое купил, едучи з Березова, платил ему, Григорью, на Самаровском яму. Да ведомо де про то ево братье, целовальником, что Григорей с того товару пошлину у него взял.

А таможенной голова Григорей Тарамшин с Микиткою на очной ставке сказал, что де у целовальника у Микитки на Обдоре того товару и, едучи дорогою, на явке никакова товару не бывало, и никаких пошлин с него, Микитки, на Обдоре и на дороге он с того товару не имывал.

Подпись на обороте: К сем речем вместо таможенного и заставочного головы Григорья Тарамшина по ево веленью Терешка Юрьев руку приложил.

Да таможенной целовальник Микитка Терентьев про Семенку Скорохода сказал, говорил де он Григорью Тарамшину, что де тот тобольской служилой человек Сенка Скороходов на Обдори торговал, а на сколько рублей, того он, Микитка, не ведает.

Того ж дни били челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси тобольские посадцкие люди обдорские целовальники Петрушка Новоселов, Жданко Яковлев, Микитка Терентьев на таможенного голову на Григорья Тарамшина словесно и сказали, извещал де он, Григорей, на Обдори на товарища своего на Офонасья Чабаевского государево дело, а какое государево дело и того он, Григорей, не сказал.

И того ж дни стольник и воеводы князь Михайло Михайлович Темкин Ростовской да Ондрей Васильевич Волынской да дьяки Дорофей Пустынников да Григорей Протопопов таможенного голову Григорья Тарамшина допрашивали, государево дело он на товарища своего, на Офонасья Чабаевского, на Собской заставе за собою сказывал ли и будет сказывал, и какое он государево дело на товарища своего на Офонасья ведает, чтоб он сказал про то вправду.

И таможенной голова Григорей Тарамшин сказал, извещал де он на товарища своего, на Офонасья Чабаевского, на Собской заставе государево дело то, что купил, будучи меж городов, ево Офонасьев шурин Ортюшка у князя Дмитрея Алачева в Коде четыре сорока соболей да белки. А сколько было белки, того он не упомнит. И с той де было купли довелось взять двойная пошлина. А он де, Офонасей, взял с него по свойству однорядную пошлину, а не двойную. То де он на товарища своего на Офонасья на Собской заставе и сказывал.

Подпись на обороте: К сем речам вместо таможенного и заставочного головы Григорья Тарамшина по ево велению Терешка Юрьев руку приложил.

И стольник и воеводы князь Михайло Михайлович Темкин Ростовской да Ондрей Васильевич Волынской да дьяки Дорофей Пустынников да Григорей Протопопов велели ево, Григоревы, речи записать.

Да декабря в 14 день бил челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси обдорской целовальник Петрушка Новоселов словесно, а в Тобольску в съезжей избе стольнику и воеводам князю Михаилу Михайловичю Темкину Ростовскому да Ондрею Васильевичю Волынскому да дьяком Дорофею Пустынникову да Григорю Протопопову сказал, являл де на Собской заставе тобольскому сыну боярскому Юрию Воеводцкому Григорей Тарамшин на товарища своего на Офонасья Чабаевского, что он делал государевы дела не по государеву указу, и государь бы ево,

Петрушку, пожаловал, велел того тобольского сына боярского Юрья Воеводцкого в Тобольску допросити какое дело он, Григорей, на таможенного голову являл.

И стольник и воеводы князь Михайло Михайлович Темкин Ростовской да Ондрей Васильевич Волынской да дьяки Дорофей Пустынников да Григорей Протопопов тобольского сына боярского Юрья Воеводцкого допрашивали, как он, Юрьи, был на Собской заставе, какое дело ему Григорей на товарища своего, на Офонася Чабавского, являл, чтоб он сказал про то правду.

И Юрьи Воеводцкой по допросу сказал, являл де ему, Юрью, на Собской заставе таможенной голова Григорей Тарамшин на товарища своего на Офонася Чабавского, что купил де он, Офонасев шурин, а как ево зовут, того он не упомнит, едучи дорогою, в Коде у князя Дмитрея Алачева белку и соболи, а сколько числом, того не упомнит. А пошлин де он, Офонасей, с того, своего шурина, по свойству не взял. Да ехали де мимо Собскую заставу устюжанин Ждан Толстоухов да лалетин Василей Пиминов, и с них де было довелось взять пошлин на государя рублев з двесте. И Офонасей де Чабавской с них пошлин не взял, а отпустил де их беспошлинно к Руси.

И стольник и воеводы князь Михайло Михайлович Темкин Ростовской да Ондрей Васильевич Волынской да дьяки Дорофей Пустынников да Григорей Протопопов велели ево, Юрьевы, речи записать.

А таможенного голову Григорья Тарамшина допрашивали, на товарища своего, на Офонася, он, Григорей, на Обдори Юрью Воеводцкому про то, что довелось взять с торговых людей с устюжанина з Ждана Толстоухова да с лалетина с Василья Пиминова пошлин на государя рублев з двести товарищ де ево, Офонасей, взяв с них государевы пошлины, отпустил их к Руси через Камень, являл ли и какие было пошлины на тех торговых людех, на Жданке Толстоухове да на Васке Пиминове, взять довелись, и для чево товарищ ево Офонасей Чабавской тое пошлины с них не взял.

И таможенной голова Григорей Тарамшин по допросу сказал, являл де он, Григорей, на товарища своего, на Офонася Чабавского, в том, что по первому де пересмотру с их мяжкой рухляди довелось было взять пошлина, а как де в другой ряд пересмотрели, и с них де никаких пошлин взять не довелось, потому де их, не взяв с них государевы пошлины, и отпустили.

И стольник и воеводы князь Михайло Михайлович Темкин Ростовской да Ондрей Васильевич Волынской, да дьяки Дорофей Пустынников, да Григорей Протопопов велели ево речи записать.

А Офонасей Чабаевской не роспрашиван, потому что он, Офонасей, в Тоболеск не бывал, а остался на Березове для таможенного збору.

Подпись на обороте: К сем речем вместо таможенного и заставочного головы Григорья Тарамшина по ево велению Терешка Юрьев руку приложил.

Там же. Л. 14—33.

Не ранее 26 октября 1638 г. — не позднее 31 мая 1639 г.

**Челобитная тобольских посадских людей
о злоупотреблениях обдорских таможенных голов
Г. Тарамшина и А. Чебаевского**

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси быют челом сироты твои государевы Тобольского города посадские людишка, старостишко Офонка Кабанов, Ивашко Корюк, Бориско Балин, Ондрюшка Рогалев, Гришка Ярославец, Гришка Теркомелец, Путилко Никитин, Ларионко Иванов, Гришка Новоселов и во всех тобольских посадских людишек штидесе пяти человек место. Жалоба, государь, нам на обдорских заставочных таможенных голов, на Офонасья Чебаевского да на Григорья Тарамшина.

По твоему государеву указу велено ис Тобольска из наших посадских людишек выбратьи в целовальники на Обдор к твоему государеву таможенному збору быти с теми таможенными головами у твоего государева дела. И в прошлом, государь, во 146-м году выбрали мы, сироты твои, по твоему государеву указу ис Тобольска посадских людишек на Обдор с теми головами в целовальники к твоему государеву таможенному збору Родку Микулина, Петрушку Новоселова с товарищи семи человек. И будучи, государь, те таможенные головы Офонасей Чебаевской да Григорей Тарамшин на Обдоре у твоего государева таможенного збору, учили делать не по твоему государеву указу, пить и бражничать и костью играть, и по посулом и по свойству таможенную рухлядь и деньги отдавать. А иных без пошлин пропускать. Да они же, таможенные головы, для своей бездельной корысти привезли с собою своих заговорщиков вместо подьячих торговых людей. Григорей Тарамшин привез с собою торговаго человека в подьячие шурина своего пенежанина волока Пенезжского Терешку Юрьева. И тому подьячему они, таможенные головы, велят делать всякие твои государевы дела таможенного збору. А тот, государь, Терешка к твоему государеву крестному целованью не приведен и верить ему нечево.

И те, государь, наши тобольские целовальники Родка Микулин с товарищи увидели их, таможенных голов, неправду и нерадение, учили им, таможенным головам, говорити, помнячи твое государево крестное целованье, что оне, таможенные головы, будучи у твоего государева дела, делают негораздо. И оне, таможенные головы Офонасей Чебаевской да Григорей Тарамшин, за то их, целовальников, били и увечили напрасно, не по вине. А как оне, таможенные головы, тех, наших целовальников, били и увечили, и про то известно заставочному сыну боярскому Юрию Воеводцкому и всем служилым людям, которые с ним были на заставе. И всякие им, целовальником, тесноты и обиды от тех голов понапрасну были.

И приехав, государь, в Тоболеск, те, наши целовальники, с таможенным головою, з Григорьем Тарамшиным, в нынешнем, государь, во 147-м году Петрушка Новоселов, Жданко Яковлев, Микитка Терентиев с товарищи били челом тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу веса Руси, а в Тобольску в съезжей избе твоему государеву стольнику и воеводам князю Михаилу Михайловичу Темкину Ростовскому с товарищи на тех обдорских голов, на Офонася Чебаевского да на Григорья Тарамшина, подали изветную челобитную, что оне, головы, будучи на Обдоре у твоего государева дела делали не по твоему государеву указу. И прежде, государь, их целовальников извету дорогою едучи з Березова, тот голова Григорей Тарамшин не правил и не спрашивал на целовальниках никаких твоих государевых пошлин. И после, государь, целовальников извету по своей кручине и по насердию, и по сердцу голова Григорей Тарамшин взял на целовальнике Микитке Терентиеве в Тобольску двойную пошлину шесть рублей два алтына да протаможья два рубли четыре алтына полторы деньги напрасно по своей кручине. А прежде их, целовальников, извету тот Григорей Тарамшин, приехав в Тоболеск, на нем, Миките Терентиеве, не сказывал никаких твоих, государевых, пошлин.

Да на нем же, Микитке Терентиеве, взял таможенной голова Григорей Тарамшин в Тобольску после их извету за служилого человека Семенку Скорохода, тобольского служилого человека, взял твою государеву пошлину двадцать рублей, доправил. А тот Семенка Скороход с Обдори ехал, едучи дорогою до Тобольска, торговал своим товаром по юртам и по остяцким волостям. А на Обдоре, государь, тот служилой человек Семенка Скороход жил вместе с тем Григорьем Тарамшиным. И тот, государь, таможенной голова Григорей Тарамшин, дорогою едучи, с его, Семенки Скороходова, с товару твоей

государевы пошлыны не имал и про его, Семеикин, торг не сыскивал. А по своей кручине тот Григорей Тарамшин в Тобольску твою государеву пошлыну, что с Семеики довелось взять, доправил на целовальнике Микитке Терентиеве дватцеть рублей и из житишка того Микитки Григорей Тарамшин продал и по миру его попустил. И впредь ему, Микитке, твою государеву службу служить нечем.

А иным угрожает тот таможенной голова Григорей Тарамшин, также хочет продавати за то, что оне, целовальники, на тех таможенных обдорских голов тебе, государю, извещали их неправду и нерадение. А что, государь, таможенные головы на Обдори зберут твоих государевых всяких денег, им, государь, деньгам, книги они делают своими подьячими, с Обдори едучи дорогою в Тобольск. А которых они подьячих привезли с собою. И впредь нам, сиротам твоим, невозможно с таковыми головами твоя, государева, служба служить.

Милосердный государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй нас, сирот своих, не вели, государь, нас, сирот своих, таможенным обдорским головам бить и увечить на Обдори. А вели, государь, тем нашим целовальником за непослушание или в чем у них с таможенными головами спор учинитца по сыску свои государев указ учинить в Тоболску. И вели, государь, про то сыскати, что нас, сирот твоих, обдорские таможенные головы били и увечили и напрасно великими убытки изубытчили напрасными пошлынами, чтоб нам, сиротам твоим, от таможенных обдорских голов в конец не погинуть. И вели, государь, своему государеву стольнику и воеводам князю Михаилу Михайловичу Темкину Ростовскому да Ондрею Васильевичу Волынскому да дьяком Дорофею Пустынникову да Григорью Протопопову нашу челобитную ис Тоболска под отпискою послати к тебе, государю, к Москве. Царь государь, смилуйся.

(На обороте подписи челобитчиков.)

Там же. Л. 35—40.

Докладная выпись о назначении таможенных голов, их обязанностях и сказке таможенных голов

Л. Плесовского и П. Ружникова

В прошлом во 146-м году по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу посланы из поморских городов с Устюга Великого да с Мезени в Сибирь на Березов и на Собскую и на Киртаскую заставы в таможенные и в заставочные головы прежним таможенным и заставочным головам на перемену

торговые люди устюженину Луке Плесовскому Офонасей Чебаевской мезенцу Первому Ружникову Григорей Тарамшин.

А в государеве наказе, каков к ним, Офонасью и Григорью, послан с Москвы, и в прежнем государеве наказе, каков они взяли у прежних таможенных голов, которых они переменили, у Луки Плесовского да у Первого Ружникова написано: «У которых у служилых и у торговых и у промышленных людей объявлята деньги или мяхкая рухледь без проезжие грамоты или сверх проезжие грамоты, и те деньги и мяхкую рухледь велено все имати на государя. И торговать в Сибири меж городов никому не велено, а велено торговати торговым и промышленным всяким человеком по государеву указу в городах на гостиных дворах».

А по скаске прежних таможенных голов, которых Офонасей Чебаевской и Григорей Тарамшин переменили, а ныне они на Москве устюжанина Луки Плесовского да мезенца Первого Ружникова, что на Березове и на Обдорской и на Киртаской заставах всяким человеком из сибирских городов с мяхкою рухледью, а из русских городов с русскими товарами съезд и государеве таможенной пошлине сбор бывает большой. А нынешним де таможенным головам Офонасью и Григорью такой таможенной сбор не за обычаем, потому что наперед сего они нигде у таких государевых дел не бывали. Да они же, будучи у таможенного дела, емлют у всяких людей посулы. А Григорей де Тарамшин бражничает и з зернщиками зерною играет. И вперед де им у такова великого государева таможенного дела быть нельзя. А только де их не переменить и в государеве де казне в таможенном сборе перед прежним чают убыли большой.

Подписи на обороте: К сей скаске Лучка Плесовской руку приложил. К сей скаске Первышка Ружников руку приложил.

Там же. Л. 41, 45 — 46.

**1639 г., 5 июля. Память в Сибирский приказ
о выборе новых таможенных голов на Березов, Собскую
и Киртаскую заставы вместо Г. Тарамшина¹**

Лета 7147 года июля в 5 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича указу память дьяком думному Федору Лихачеву да Максиму Матюшкину да Григорию Львову. В прошлом, во 146-м году по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу послан из Кевролы в Сибирь на Березов и на Собскую и на Киртаскую заставы в таможенные заставочные головы

¹ Аналогичный указ был послан в Устюг Великий о замене А. Чебаевского.

прежнему таможенному и заставочному голове мезенцу Первому Ружникову на перемену кевролец Гришка Тарамшин. И в нынешнем во 147-м году писал к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси из Сибири из Тобольска стольник и воевода князь Михайло Темкин Ростовской с товарищи и прислали на того обдорского таможенного и заставочного голову на Гришку Тарамшина изветное дело, что извещали на него тобольские посадцкие люди, которые с ним были у таможенного збору в целовальниках, да и всех тобольских посадцких людей за руками челобитную.

...²

И государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси указал того таможенного и заставочного голову Гришку Тарамшина переменить. А на его место, указал государь, послать в Сибирь на Березов в таможенные и в заставочные головы из Кевролы ж, выбрав самово доброво лутчево человека, которово б с таможенной збор и з заставочное дело стало, и которой был душею прям и животом прожиточен и не бражник. И в государеве казне в таможенном <и в десятинном> зборе <мочно было> верить ...*мочно*. И да под него с Кевролы до Березова <подводы> против прежнего своего государева указу *три подводы*, велел его выслать ис Кевролы в Сибирь тот час, чтоб ему поспеть в Сибирь нынешним летом. А выбор по том таможенном и заставочном голове за всех посадцких людей и отцов их духовных руками указал государь прислати к Москве в Сибирской приказ тот же час. А к своему государеву крестному целованию, указал государь, того таможенного голову привести в Сибирь в Тобольску воеводам князю Петру Пронскому с товарищи. А наказ к тому таможенному голове, указал государь, послать с Москвы из Сибирского приказа. А до тех мест покамест к нему наказ пришлют, указал государь, ему на заставах быть по прежнему наказу, каков послан с Москвы ж к прежнему таможенному голове, которого ему велено переменить, к Гришке Тарамшину, взяв тот наказ у Гришки с приезде своего без замотчанья.

А Гришке Тарамшину с того прежнего наказа <указал государь> *велено* ему дать список за своею рукою. И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу дьяком думному Федору Лихачеву да Максиму Матюшкину да Григорью Львову послать из Новгородцкие чети в Кевролу к воеводе государеву грамоту с нарочным гонцом тотчас. А велеть в Кевроле из торговых людей прежнему березовскому таможенному и заста-

² Далее излагается содержание изветного дела.

вочному голове кеврольцу Гришке Тарамшину выбрать в головы на перемену самово доброва человека, которово б с таможенной збор и з заставочное дело стало и которой бы был душею прям и живото прожиточен и не бражник, <и которому бы> в государеве казне в таможенном зборе верить было ему мочно. А выбрав того таможенного и заставочного голову и дав под него до Сибири до Березова против прежнего государева указу три подводы, выслать его ис Кевролы в Сибирь в Тоболеск тотчас безо всякого замотчання, чтобы однолично тому таможенному и заставочному голове в Сибирь в Тоболеск, а ис Тобольска на Березов нынешним летним путем поспеть и во 148-м году к таможенному збору быть готову, чтоб от прежнего таможенного головы, от Гришки Тарамшина, в государеве казне в таможенном зборе вперед какой поруки не учинилось. А запасов тому новому голове с собою из Кевролы в Сибирь велеть весть против прежних таможенных и заставочных голов пятнатцать ведр вина, десять пуд меду, десять четь хлеба. А кто именем кевролец <торговой человек> в Сибирь на Березов в таможенные и в заставочные головы прежнему таможенному и заставочному голове Гришке Тарамшину на перемену выбрать и которого числа в Сибирь послан будет, о том велети из Кевролы воеводе <и подьячему> отписать и выбор по том таможенном и заставочном голове выборных людей и отцов их духовных за руками прислати государю к Москве с нарочным гонцом тотчас. А на Москве тое отписку и выбор велеть подать в Сибирском приказе боярину князю Борису Михайловичю Лыкову дьяком Микифору Шипулину да Михайлу Патрекееву. А в Сибирь в Тоболеск к воеводам ко князю Петру Пронскому с товарищи о том таможенном и заставочном голове из Сибирского приказу государева грамота послана ж, а которого числа и с кем именем <из Устюжские чети на Устюг Великие> *из Новгородские чети в Кевролу* к воеводе <и к подьячему> о том таможенном и заставочном голове государева грамота послана будет. И о том для ведома из Новгородские чети в Сибирской приказ отписать не замотчав же.

Там же. Л. 51—55.

1639 г., после 17 августа — ранее 4 октября.

Отписка тобольских воевод П. Пронского и Ф. Ловчинова о посылке челобитной тобольских посадских людей в Москву

Государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Руси холопи твои Петрушка Пронской, Федка Ловчиков, Ивашко Тро-

фимов, Ондрюшка Галкин челом быют. В нынешнем, государь, во 147-м году августа в 17 день били челом тебе государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Руси тобольские посадские люди староста Офонасей Кабанов с товарищи, а нам, холопом твоим, в съезжей избе тобольских же посадских людей Родки Микулина с товарищи, которые по их посадских людей выбору в целовальниках с таможенными головами с Офонасьем Чебаевским да з Григорьем Тарамшиным на Обдори на них же на Офонасья и на Григорья в их насильствах подали челобиную. И мы, холопи твои, тое их челобитную под сею отпискою послали к тебе, ко государю, к Москве. Да и наперед сего, государь, на тех обдорских голов на Офонасья Чебаевского да на Григорья Тарамшина тобольских посадских людей челобитную и обдорских целовальников Петрушки Новоселова роспросные речи прежние стольник и воеводы князь Михайло Темкин Ростовской с товарищи послали к тебе, ко государю, к Москве марта в 16 день и о том в Тоболеск к прежним стольнику и воеводам ко князю Михайлу Темкину Ростовскому с товарищи и к нам, холопом твоим, государев указ августа по 17 число не бывал.

Отметка о подаче: 148-го октября в 4 день подал тобольской атаман Гаврило Ильин.

Помета на обороте: отписать против прежнего государева указу велеть про тех голов про те про все статьи сыскать да о том отписать ко государю к Москве.

Там же. Л. 74.

1639 г., 17 августа. Челобитная таможенных целовальников о насильствах обдорских таможенных голов

А. Чебаевского и Г. Тарамшина

Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Руси быют челом сироты твои государевы Тобольского города посацкие людишка Родка Микулин, Петрушка Новоселов, Васка Костин, Жданко Яковлев, Микитка Терентиев, Родка Патрахин, Оска Юдин. Жалоба, государь, нам на обдорских и заставошных голов на Офонасья Чебаевского да на Григорья Тарамшина. В прошлом, государь, во 147-м году по твоему государеву указу выбрали нас, сирот твоих, наша братья тобольские посацкие люди к твоему государеву таможенному делу в целовальничка с таможенными головами с Офонасьем да з Григорьем на Березов и на Обдор. И мы, сироты твои государевы, во 147-м году с теми головами на Березове и на Обдоре у твоего государева таможенного дела были. И

преж, государь, во 146-м году на Обдоре нас, сирот твоих государевых, те таможенные головы Афонасей и Григорей били и увечили насмерть и насильства от тех голов нам, сиротам, были великие. И в том, государь, насильстве и увече в Тобольске в твоей государеве съезжей избе твоему государеву стольнику и воеводам князю Михаилу Михайловичю Темкину Ростовскому да Ондрею Василевичю Волынскому да дьяком подали челобитную на тех голов на Офонася да на Григорья. И в нынешнем, государь, во 147-м году зимою на Березове слышал тот Афонасей Чебаевской из Тобольска, что мы, сироты твои, государь, в Тобольске тебе, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, подали челобитную на тех голов. И тот Афонасей Чебаевской по тому нашему челобитию на Березове меня, сироту твоего Ротку, учал изгонять и насильства мне многие чинить и бил меня, и увечил не поделу. А я, сирота твой государев, никакае вины над собою не ведаю. А как тот Афонасей Чебаевской приехал с Обдори на Березов да до поезду обдорского сидел в таможене. И он к тем книгам к твоему государеву таможенному збору к прежним и к нынешним книгам 147-го году руки своей не прикладывает, а отпись в съезжей избе емлет на свое имя и на товарыща своего. А книгам таможенному збору к прежним и к нынешним меня, сироту твоего, заставляет сильно руку прикладывать. И я, сирота твоя, о том ему, Афонасию, учал говорить, что по государеву указу велено книги таможенные съезжей избы приносить вам за своими руками. И тот меня Афонасей за то бил и увечил насмерть. И те, государь, книги прежние и нынешние 146 году по своему поезду взял на Обдорскую заставу, а удумал он те книги заочно нас, сирот твоих государевых, считать изгоняючи для своей бездельные корысти. А поедучи, государь, те головы на нас похвалялись бездельною корыстию изгонять и продавать. И мы, сироты твои, о том учили говорить им, головам, что они и вперед похваляются на нас, сирот твоих, бить и увечить и всякими изгоями изгонять не по вине. Не на то нас, государь, послал с вами, что вам нас убивать, сирот государевых, и увечить. И оне нам отказали, что вы нам и в Тобольске доспели. И за тои меня, сироту твоего, Ротку, пришед с служивыми людьми в таможеню, о полднях пьян, озорничеством розболокали, били батоги меня насмерть, увечили на век. Да того ж дни в вечеру на судне товарищей наших Жданка Яковлева да Микитку Терентиева, вызвав сонных, велел к себе в казенку привести служивым людем, да велел, сирот твоих, тот Григорей розболочи до нага и били батоги на-

смерть. И тот Жданко и Микитка, из казенки вышед, являли торговым людям, что де те головы били нас, сирот государевых, не по вине. А вины де на себя не ведаем, и впредь нас, сирот твоих государевых, похваляются бить и увечить и до конца разорить.

Милосердный государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси, пожалуй нас, сирот своих, не вели, государь, тем головам впредь нас, сирот своих, бить, увечить и в конец разорить или нас, государь, сирот своих, вели взять в Тоболеск для их насильства и побоев. А не будет, государь, к нам, сиротам твоим, твоей государевы милости и нам, государь, у твоего государева таможенного дела быти немошно от их насильства и побоев, чтоб нам, сиротам твоим, от тех голов в конец не погннуть. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

Там же. Л. 75—77.

**1639 г., 1 ноября. Указ тобольским воеводам
о проведении сыска по челобитным тобольских
посадских людей и таможенных целовальников**

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в Сибирь в Тоболеск воеводам нашим князю Петру Ивановичю Пронскому да Федору Ивановичю Ловчикову да дьяком нашим Ивану Трофимову да Ондрею Галкину. В прошлом во 147-м году по отписке из Тобольска стольника и воеводы князя Михаила Темкина Ростовского с товарищи и по челобитью и по извету тобольских посадских людей <велено про березовских> послана к вам наша грамота, а велено *про воровство* <про> березовских и обдорских таможенных и заставочных голов Офоньки Чебаевского да <про> Гришки Тарамшина <воровство>, что они, будучи на Обдорской заставе, воровали и делали не против нашего указу сыскать, а сыскав, о том отписать и из того сыску перечневую выписку прислати к нам, к Москве. В нынешнем во 148-м году писали ести к нам и прислали тобольских посадских людей старосты Офоньки Кабанова <и в товарищей место посадских людей Родки Микулина> *да Родки Микулина* с товарищи <за руками челобитную, а в челобитной написано> на обдорских заставочных голов на Офонку Чебаевского да на Гришку Тарамшина за руками челобитную. А в челобитной написано ...³

И как к вам ся наша грамота придет, и вы по прежней и по нынешней грамотам про тех березовских и обдорских таможенных и заставочных голов про прежнее их воровство и против нынешнего целовальничья челобитья *велели* сыскати Родке Микулину Офонка

³ Далее повтор челобитной таможенных целовальников (См.: л. 75 — 77)

Чебаевской изгоню и насильства чинил ли <и к таможенным зборным книгам руки не прикладывал ли> и к таможенным зборным книгам ему, Родке, сильно руку прикладывать велел ли. А сам к тем таможенным книгам руки не прикладывал ли. И будет не прикладывал для чево не прикладывал. И как он, Родка, о том Офонке Чебаевскому учал говорить и Офонка Чебаевской за тое его Родку бил ли и насмерть увечил ли и товарищей его Жданка Яковлева да Микитку Терентьева на судне в казенке розболочки донага Гришка Тарамшин батоги насмерть бил ли, и буде бил, и за што их бил. Да хто что про то в сыску скажет, и вы б те обыскные речи за обыскных людей руками велели привести к себе в Тоболеск да о том отписать и из того списку перечневую выписку вы, дьяки Иван и Ондрей, за своими руками прислали б к нам, к Москве, с прежним сыскным делом <вместе> что про их же Офонку и Гришку велено сыскать вместе. А отписку <и из обысков перечневую> выписку велел подати в Сибирском приказе боярину нашему князю Борису Михайловичю Лыкову да дьяком нашим Микифору Шипулину да Михайлу Патрекееву. Писан на Москве лета 7148 ноября в 1 день. Там же. Л. 78—83.

**1639 г., после 4 ноября. Отписка тобольских воевод
П. Пронского и Ф. Ловчикова о посылке в Москву
челобитных А. Федорова, Ф. Петрова, С. Митрофанова,
А. Аристова и И. Левонтьева и роспросных речей
А. Чебаевского**

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холопи твои Петрушка Пронской, Федка Ловчиков, Ивашко Трофимов, Ондрюшка Галкин челом бьют. В нынешнем, государь, во 148-м году ноября в 4 де били челом тебе, государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, промышленной человек пенежанин Олешка Федоров да твоего государева думного дьяка Федора Лихачева крестьянин Федка Петров да гулящие люди Савка Митрофанов, Офонка Аристов, Игнашко Левонтьев в насильстве на Обдорских заставочных и таможенных голов, на Офонасья Чебаевского да на Григорья Тарамшина. А нам, холопом твоим, в Тобольску подали три челобинные. И мы, холопи твои, те их челобитные и роспросные речи таможенново головы и целовальников послали к тебе, государю, по сею отпискою.

Резолюция: выписать с книг и из отписок присланы ль такие соболи, что взяты у пенежинина у Олешки Федорова да у Федоро-

ва крестьянина Лихачова у Федки Петрова, и про деньги, что взяты у гулящих людей, в отписках таможенных голов и в книгах в таможенных еста *что взято* написано ль.

Там же. Л. 84—84 об.

**1639 г., 4 ноября. Челобитная промышленного человека
А. Федорова о злоупотреблениях обдорских таможенных
голов А. Чебаевского и Г. Тарамшина**

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьет челом сирота твой, промышленной человек Олешка Федоров пиняженин. Жалоба, государь, мне на заставочных и на обдорских таможенных голов на Офонася Митрофанова Чебаевского да на Григорья Савелева Тарамшина. В прошлом государь во 147-м году платил я, сирота твой, на Обдоре в таможенной избе им, головам, в твою государеву казну приценку с восьми сороков с третцати с трех соболей да с одирков и с обедков, с семи соболишек и с лоскутишка. И после приценки и осмотру те таможенные головы Офонасей Чебаевской да Григорей Тарамшин на четвертой день меня, сироту твоею, призвали в таможенную избу с соболями и взяли за те одирки и обедки, за семь соболишек шесть соболей лутчие для своей бездельной корысти, а с тех с восьми сороков с тритцати с трех соболей и с одирков и с обедков, с семи соболишек, с соболями твоя государева десятая плачена, а с лоскутья по оделке деньгами в Мангазеиском городе в таможеноей избе. Да на мне же, сироте твоем, те таможенные головы Офонасей Чебаевской да Григорей Тарамшин взяли два рубля четыре алтына две денги неведомо за что.

Милосердный государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй меня, сироту своею, вели, государь, свой царской указ учинить на тех таможенных голов, чтоб мне, сироте твоему, впредь в конец не погинуть и животишков и промыслов своих не отстать. Царь государь, смилуйся.

Помета: 148 г ноября в 4 день распросить про то таможенную голову Офонася Чебаевского, которой приехал в Тоболеск за государевою казною и таможенных целовальников и подьячих допросить же.

Там же. Л. 86—87.

**1639 г., 4 ноября. Челобитная крестьянина Ф. Петрова
о злоупотреблениях обдорских таможенных голов**

А. Чебаевского и Г. Тарамшина

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьет челом сирота твой думного диака Федора Федоровича Лихачева крестьянишко Федка Петров Костромского уезду. Жалоба, государь, мне на заставочных и на обдорских таможенных голов на Офонася Митрофанова Чабаевского да на Григорья Савелева Тарамшина. В прошлом, государь, во 147-м году принес ль я, сирота твой, в таможенную избу к ним, головам, к приценке по проезжей грамоте шесть сороков тритцать шесть соболей да в мешке были одирки и обедки, и лоскутье, и бобровое. А те соболи в сороках и лоскутье в мешке были за мангазейскую за государевою печатью и те таможенные головы Офонасей Чабаевской да Григорей Тарамшин за те одирки и за лоскутье соболье, которое было в мешке за государевою печатью мангазейскую, взяли, и шти сороков и с тритцати изо шти соболей шесть соболей лутчие для своеи бездельной корысти. А с тех со шти сороков с тритцати со шти соболей твоя государева десятая плачена в Мангазеи в таможенной избе, а с лоскутья и с одирков по оценке деньгами. И после того пришел я, сирота твой, на четвертой день к ним, головам, в таможеню бить челом о тех соболях. И Григорей Тарамшин прошал от тех соболей дватцать рублей, и я, сирота твои, давал от тех соболей на дому десять рублей, а в таможеню пришед, пятнатцать рублей давал, чтоб мне, сироте твоему, з дороги черезкаменной от товарищев не отстать, и показав соболи, велел подписать. И я, сирота твой, молвил, что соболи не мои, не подписываю, что взял для своей бездельной корысти, и с коча Офонасей Чабаевской учал бить и увечить и доправил на мне два рубля четыре алтына две деньги, не ведаю за что.

Милосердный государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй меня, сироту своево, вели, государь, в том тоем деле доспрошать у целовальников и у подьячих, как те головы Григорей Тарамшин да Офонасей Чабаевской прошали под те соболи посулу и вели, государь, допрошав записать, чтоб мне, сироте твоему, впредь в конец не погинуть и животишков и промыслу своих не отстать. Царь государь, смилуйся.

Помета: 148 г ноября в 4 де роспросить про то таможенново голову Офонася Чебаевского, которой приехал в Таболеск за государевою казною и таможенных целовальников и подьячих допросить же.

Там же. Л. 88—89.

Материалы розыска тобольских воевод П.Пронского и Ф. Ловчикова по челобитным промышленного человека А. Федорова и крестьянина Ф. Петрова о злоупотреблениях обдорских таможенных голов А. Чебаевского и Г. Тарамшина, проведенного после 4 ноября 1639 г.

И воеводы князь Петр Иванович да Федор Иванович да дьяки Иван да Ондрей, выслушав челобитных, велели обдорского заставочного и таможенного голову Офонасья Чабаевского и целовальников и подьячих, которые приехали за государевою казною в Таболеск поставить перед собою и их против челобитных допрашивали порознь. В прошлом во 147-м году на Обдори, как промышленные люди приносили к ним на явку проезжие грамоты и для приценки соболи и иную мяхкую рухлядь, и в те поры он, Офонасей, с товарищем своим з Григорем Тарамшиным у промышленного человека у Олешки Федорова после осмотра на четвертой день из осми сороков, ис тритцати ис трех соболей да с лоскутья соболя, да с семи соболишек шесть соболей лутчих да думного дьяка Федора Лихачева у крестьянина у Федки Петрова изо шти сороков, ис тритцати изо шти соболей и с одирков и с обедков, с лоскутья соболя лутчих шесть соболей из-за государевы мангазейской печати срезали и денег по два рубли по четыре алтына по полуторе деньги на их взяли ль, и будет взяли, и для чево взяли, и где те соболи дели. И у Федорова крестьянина Лихачева у Федки Петрова от того денег дватцать рублей прошали ль, и Федорова крестьянина Лихачева Федку Офонасей в таможе бил ли и, будет бил и за што бил.

И таможенной голова Офонасей Чабаевской по допросе сказал, как де приезжали из Мангазеи промышленные люди, и он де с товарищем своим з Григорем Тарамшиным и с целовальники у всяких людей против проезжих грамот всякую рухлядь пересматривали, и у кого мяхкая рухлядь против проезжих грамот сошлася, и тое рухлядь отдавали тем людям, чья рухлядь. У промышленного человека у пенежанина у Олешки Федорова да у Федорова крестьянина Лихачева у Федки Петрова сверх проезжих мангазейских грамот объявилось по шти соболей лишку. И оне де те лишние соболи ис тех сороков срезали из-за печатей и взяли те соболи на государя, и послали те соболи через Камень к государю к Москве. А за то, что де у них объявились лишние соболи по государеву указу, взяли на них в государеву казну протаможья по два рубли по четыре алтына по полуторе деньги с человека. А Федку де Петрова он не бивал, а ударил де он тово Федку батагом двожды или трижды

в таможене за то, что он в таможенной избе говорил им невежливые слова.

И промышленной человек Олешка Федоров да Федоров крестьянин Лихачева против Офонасиевы скаски Чебаевского били челом государю словесно, что де те соболи и одирки и обедки соболями, которых у них обдорские головы осматривали, были у них за государевою мангазейскою печатью. А печатали де те соболи, лоскутье против проезжей грамоты в Мангазее при дьяке при Пятом Спиридонове таможенные целовальники, а лишних де соболей у них сверх проезжих грамот не было. А только б де у них были лишние соболи, и их бы в Мангазее не запечатали. А обдорские де головы у них ис сороков вырезали из-за печатей по шти соболей лутчих вместо обдирков, и в том де тех таможенных голов насильстве на Обдори оне и тобольскому сыну боярскому Меньшому Ремезову являли.

И таможенной голова Афонасей Чебаевской про то говорил, взяли де они на государя у тех промышленных людей по шти соболей, срезали из-за печатей, потому что те соболи объявились у них в тех сороках по шчоту в лишке. А что де те промышленные люди сказывают у себя лоскутье за мангазейскою печатью, и оне де тово лоскутья у них не видали, а что де оне сказывают, что были у них те лишние соболи за мангазейскою печатью и печатаны будто те соболи в Мангазее при дьяке, а печатал их таможенной целовальник и тоже какая крепость, считал де те соболи целовальник, а не сам дьяк. И оне де торговые люди дали от тово целовальнику, и он де и лишние соболи запечатал. И сам де он, Офонасей, в таких бесах в целовальниках бывал, и он де знает как целовальники воруют.

И промышленные люди Олешка Федоров да Федка Петров говорили. Сказывает де таможенной голова Офонасей Чебаевской, что будто у них в сороках были лишние соболи, а одирков и обедков и лоскутье у них на Обдори и не видали. А у них де те обдирки и обедки в мешках. Оне, таможенные головы, и запечатали государевою обдорскою таможенною печатью. И он де, Олешка, то соболинное лоскутье в мешке с Обдори и послали по проезжей грамоте за государевою обдорскою печатью к Руси через Камень. А он де, Федка Петров, те свои и в Тоболеск привез за обдорскою печатью. И в Тобольску де то лоскутье он и в таможене таможенному голове Ондрею Гостеву явил за обдорскою печатью. И били челом, чтоб про то велели допросить тобольсково таможенново голову Ондрея Гостева.

И воеводы князь Петр Иванович Пронской да Федор Иванович, Ловчиков, да дьяки Иван Трофимов, да Ондрей Галкин тобольского таможенново голову Ондreja Гостева допрашивали, как приехал в Тоболеск Федоров крестьянин Лихачева Федка Петров, и у него де, у Федки, соболи и обедки, и лоскуте в мешке было ли, и за какую печатью тот мешок и соболи были.

И таможенной голова Ондрей Гостев по допросу сказал, как де приехал в Тоболеск Федоров крестьянин Лихачева Федка Петров и у него в Тобольску в таможенной избе по мангазейской проезжей грамоте за государевою мангазейскою печатью написано в отпуске шесть сороков тритцать шесть соболей да одирки и обедки. А по пересмотру и по счету тех соболей у него объявилось налицо за государевою мангазейскою печатью шесть сороков тритцать соболей, а шти соболей в тех сороках против мангазейской грамоты не было. А сказал тот Федка, что те шесть соболей срезали у него на Обдори таможенные головы Офонасей и Григорей неведомо за што. Да у него ж де, у Федки, в мешке объявились обедки и одирки, и лоскутье соболье за государевою обдорскою печатью, а не за мангазейскою. Сказал Федка, что тот мешок розпечатали и мангазейскую печать сняли на Обдори таможенные головы и запечатали таможенною обдорскою печатью же.

А целовальник Петрушка Новоселов и подьячей Богдашко Иванов, которые на Обдори у таможенного збору были с таможенными головами с Офонасем Чабаевским да з Григорем Тарамшиным, порознь сказали, как приехал из Мангазеи пенежанин Олешка Федоров да Федоров крестьянин Лихачева Федка Петров, и он де, Петрушка, у них соболи против проезжих грамот пересматривал и из-за государевы мангазейской печати. И у Олешки де против проезжие грамоты было восемь сороков тритцать три соболя да в мешке за государевою мангазейскою печатью семи соболишек драных, обданных и лоскутишко соболье. А у Федорова крестьянина Лихачева Федки Петрова по проезжей грамоте шесть сороков, тритцать шесть соболей да в мешке за государевою мангазейскою печатью одирки и обедки, и лоскутье соболье и бобровое. И в тех де место драных и обедков соболей таможенные головы Офонасей и Григорей велели им, целовальником, срезать ис полных сороков из-за мангазейской печати у Олешки и у Федки по шти соболей. А сказали им, те де соболи, которые в мешке лишние, а не обдирки и не обедки, и не лоскутье. Да на них же де, на Олешке и на Федке, сверх того взято протаможья по государеву указу по два рубли по четыре алты-

на по полторе денги на человеке. Да Федка ж де после того, пришед в таможеную избу, таможенным головам Офонасью, Григорью о тех соболях, чтоб ему отдать, давал денег пятнатцать рублей. И Григорей Тарамшин в те поры денег просил дватцать рублей. И Офонасей Чебаевской отказал, не надо б де и пятьдесят рублей, а каковы де соболи взяли, таковы и пошлем. И Федор де ему, Офонасью, говорил, что де у него взяты были соболи добрые, стоили ста рублей, а ныне посылают соболи худые, и Офонасей ево за то слово бил сам батогом.

Целовальник же Оска Юдин сказал, как де у Федорова крестьянина Лихачова у Федки Петрова соболи пересматривали, и у него де соболи были против мангазейской проезжей грамоты сполна за государевою мангазейскою печатью шесть сороков, тритцать шесть соболей да в мешке за государевою мангазейскою печатью одирки и обедки, и лоскутье соболье и бобровое, и в тех де место обедков и одирков и лоскутья велели им таможенные головы Офонасей Чебаевской да Григорей Тарамшин шесть соболей ис целых сороков из мангазейской печати велели срезать и послали те соболи ко государю через Камень. А у промышленного человека у Алешки лишние соболи были ль, и на государя взяли ль и у Федорова крестьянина у Федки денег просили ль, и Офонасей ево бил ли, того он не ведает, потому что он в то время в таможне не был. А у скаски ево руки нет, потому что грамоте не умеет.

Да целовальник же тобольской юртовской бухаретин Аршанко Бабазин сказал, как де они на Обдори при таможенных головах при Офонасье Чебаевском да при Григорье Тарамшине у промышленово человека у пенежанина у Олешки Федорова да у Федорова крестьянина Лихачева у Федки Петрова за государевою мангазейскою печатью против мангазейских проезжих грамот их соболей досматривали, и по их пересмотру у Олешки восемь сороков, тритцать три соболя да в мешке за государевою мангазейскою печатью, семь соболишок драных и обденых и лоскутишко соболье. А у Федки шесть сороков тритцать шесть соболей да в мешке за государевою мангазейскою печатью одирки и обедки и лоскутишко соболье и бобровое. И вместо де того лоскутья взяли у них ис сороков лутчих соболей у Олешки и у Федки по шти соболей. А как Федка Петров в таможне деньги давал и как у него Григорей Тарамшин денег просил и за што ево Офонасей Чебаевской бил, того он не ведает, потому что в то время в таможне не был. А у сказки ево руки нет, потому что грамоте не умеет.

Подьячей Терентей Юрьев сказал, что он про соболи ничего не ведает, а слышал от целовальников, что они по приказу таможенных голов по шти соболей велели срезать.

Там же. Л. 90—101.

1639 г., не позднее 4 ноября. Челобитная гулящего человека Савки Митрофанова с товарищами о злоупотреблениях обдорских таможенных голов А. Чебаевского и Г. Тарамшина

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси бьет челом сирота твой, гулящий человек Савка Митрофанов, с товарищи, трое человек. Жалоба, государь, мне на обдорских голов на таможенных на Григорья Тарамшина да Офонася Чебаевского. В прошлом, государь, во 147-м году, будучи на Обдоре, взяли у нас, сирот твоих, те таможенные головы <работных наших> дватцет шесть рублей денег неведоме для чёво. А те наши деньги в таможнях явлены и в книгах записаны, и в проезжую грамоту имянно написаны, и твоя государева пошлина с тех денег взята. И проезжую грамоту на те деньги те таможенные головы взяли к себе. А прошал Офонасей Чебаевской у меня, сироты твоего, у Савки ис тех наших взятых ... денег половины неведомо за что. И я, сирота твои, ему ничего не посулил, и оне и по сю пору и время нашими деньгами владеют, и проезжая грамота у них же взята. Милосердный государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, мне на них дать свой царской суд и управу. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

Резолюция на обороте: 148-го ноября в 4 де допросить таможенного голову Офонася Чебаевского, которой приехал в Таболекс за государевою казною.

Там же. Л. 103—103 об.

Материалы розыска тобольских воевод П. Пронского и Ф. Ловчикова по челобитной С. Митрофанова с товарищами, проведенного не ранее 14 ноября 1639 г. — не позднее 9 декабря 1641 г.

И воеводы князь Петр Иванович Пронской да Федор Иванович Ловчиков, да дьяки Иван Трофимов, да Ондрей Галкин против челобитной гулящих людей Савки Митрофанова с товарищи таможенного голову Офонася Чебаевского и целовальников и подьячих, которые с ним, Офонасьем, на Обдори были Петрушку Новоселова с

товарищи порознь допрашивали у гулящих людей, у Савки Митрофанова с товарищи, дватцать шесть рублей на государя взяли ль и, будет взяли, и для чего взяли.

И таможенной голова Офонасей Чабаевской сказал, взяли де они у гулящих людей, у Савки Митрофанова с товарищи, проезжую грамоту и деньги дватцать шесть рублей, потому как де те гулящие люди ехали ис Томского, и они тех денег в Томском не объявляли, проезжие у них на те деньги ис Томского города не было. А как де приехали на Березов и те деньги объявили на Березове таможенным целовальником Родке Микулину. И таможенной де целовальник то своровал, на те деньги дали им ис таможи выпись о том, не допрашивали, откуда у них те деньги объявились, ис товаров ли вышли или по кабалам *взяты*. А роспросе де на Березове таких людей, у ково объявятца деньги или какая мяхкая рухлядь сверх проезжих грамот, и тех людей по государеву указу велено присылать к ним на Обдорскую заставу. А как де они у них те деньги взяли, и они их на Обдори допрашивали, где они те деньги взяли в Томском ли или на Березове, ис чово у них те деньги взяты, и те де гулящие люди тем деньгам отводу не дали, потому те деньги и взяли у них на государе.

Да в те ж поры таможенной голова Офонасей Чабаевской сказал, что де он у гулящих людей взял деньги против проезжей грамоты дватцать шесть рублей, и то он пропаметовал, дватцать шти рублей не имывал, а взял он тех денег у гулящих людей только осмнатцать рублей, а не дватцать шесть рублей. А осмии рублей он у гулящих людей не имывал. А сказали ему, что они те деньги издержали.

А таможенной целовальник Петрушка Новоселов да подъячей Терешка да Богдашка Иванов сказали порознь, что головы Офонасей и Григорей у гулящих людей у Савки с товарищи березовскую проезжую и деньги на государя дватцать шесть рублей взяли, и за што денги взяли, и от того у них половины денег просили ль, чтоб им деньги отдать, не слыхали.

Да целовальники ж Оска Юдин да бухаретин Аршанко Бабазин сказали, у гулящих людей таможенные головы Офонасей и Григорей деньги взяли, того они не ведают, потому что они жили в таможе не всегда.

А гулящие люди Савка Митрофанов, Офонка Аристов, Игнашка Левонтьев сказали, что де у них ис Томского города денег не пошло. А на наймовались де они под кецкую казну в Томском городе,

а взяли де они найму по две чети муки, и ехали де они с тою казною до Березова и, там едучи де ис Томского до Березова, питались рыбою. А взяли де они за тое муку и у служилых людей найму дватцать шесть рублей, и те де они деньги на Березове в таможене явили и государеву де пошлину они с тех денег платили на Березове, и проезжую грамоту за государевою березовскою печатью им на Березове дали, и таможенные де головы Офонасей и Григорей той проезжей грамоте не поверили, и тое проезжую грамоту и деньги у них взяли, и били челом государю, чтоб их государь пожаловал, велел им те деньги из своей государевы казны отдать.

И воеводы князь Петр Иванович и Федор Иванович и дьяки Иван и Ондрей таможенному голове Офонасью Чабаетовскому велел гулящих людей Савку Митрофанова с товарищи березовскую проезжую грамоту положить перед собою.

И того ж часу таможенной голова Офонасей Чабаетовской березовскую проезжую грамоту подал, а в грамоте пишет: «По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу воевода Иван Ондреевич Францбеков отпустил з Березова под государевою кецкою казною в работниках гулящих людей Савку Митрофанова, Офонку Аристова, Игнашку Левонтьева. А у них, у Савки, девять рублей денег, у Офонки восемь рублей денег, у Игнашки десять рублей денег, и с тех денег государева десятая пошлина взята у них на Березове, да с тех же денег взяты у них на Березове печатные пошлины. К сей проезжей грамоте государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси печать земли сибирския города Березова воевода Иван Ондреевич Францбеков приложил лета 7147 г июля 24 день».

Отметка о подаче: 150 г декабря в 9 де подал тобольской сын боярской Данило Аршинской.

Резолюция на обороте: Выписать изо всего дела и перечеть в доклад. А отписку взять к отпуску.

Там же. Л. 104—110.

1639 г. Не ранее 24 декабря. Отписка тобольских воевод П. Пронского и Ф. Ловчикова об организации сыска о злоупотреблениях таможенных голов А. Чебаевского и Г. Тарамшина и результатах поверти таможенных книг

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холопи твои Петрушка Пронской, Федка Ловчиков, Ивашко

Трофимов, Ондрюшка Галкин челом бьют. В прошлом, государь, во 148-м году декабря в 24 день в твоей государеве царе и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоте за приписью дьяка Микифора Шипулина к нам, холопом твоим, в Тоболеск писано, в прошлом во 147-м году писал к тебе, ко государю, ис Тобольска стольник и воевода князь Михаило Темкин Ростовской с товарищи и прислали на обдорских таможенных и заставочных голов на Офоньку Чебаевского да на Гришку Тарамшина изветное дело, что извещали на них тобольские посадские люди, которые с ними были у таможенного збору в целовальниках Петрушки Новоселова с товарищи и всех тобольских посадских людей за руками челобитную...⁴

И по твоей государеве грамоте велено нам, холопом твоим, березовских таможенных и заставочных голов Офонасья Чебаевского да Григорья Тарамшина во всяких таможенных зборах по приходным и по расходным книгам счесть подлинно, да что на них взочтут, и то велено на них доправить, а счотчи и доправя деньги велено про их и про подьяческое воровство, про все статьи против твоей государевы грамоты на Березове и на Обдорской, и на Киртаской заставах сыскати всякими людьми всякими сыски накрепко.

Для тово счоту и сыску велено послати ис Тобольска на Березов и на Обдорскую и на Киртаскую заставы писмяново голову да подьячево от места, а, счотчи березовских таможенных и заставочных голов и сыскав про них, велено сыск привести в Тоболеск. А как с тем счотом и с сыском в Тоболеск приедут и нам, холопом твоим, велено о том отписать и ис того сыску перечневую выписку и таможенных голов Офонасья Чебаевского да Григорья Тарамшина и подьячево и по них поручную запись прислати к тебе, ко государю, к Москве. И в то, государь, время писмяных голов в Тобольске не было, один послан был для твоего государева выдельново хлеба и для меры твоей государевы десятинные пашни и спорных земель на Верхотурье, а другой на Тюмень, и мы, холопи твои, для сыску на Березов и на Обдор про таможенных голов посылали тобольского сына боярсково Михаила Ушакова, а с ним велели быть березовскому подьячему Савве Тарасову, потому что из Тобольска подьячево послать было неково. А велели про все статьи против твоей государевы грамоты сыскати всякими людьми всякими сыски накрепко, да те обыски за обыскных людей и за своими руками велели им привести в Тоболеск.

---

⁴ Далее излагается челобитная тобольских посадских людей П. Новоселова с товарищами, поданная 28 октября 1638 г. (см. л. 10 — 17).

И сын боярской Михайло Ушаков и подъячей Сава на Березове и на Обдори про таможенных голов сыскивали и сыску своего списки за своими и за обыскных людей руками и таможенных голов Офонасья Чебаевского да Григория Тарамшина привезли с собою в Тоболеск. И мы, холопи твои, Ивашко и Ондрюшко, березовских и обдорских таможенных и заставочных голов Офонасья Чебаевского и Григорья Тарамшина по их таможенным по приходным и по расходным книгам считали сами и по их таможенным приходным и расходным книгам взочли на них таможенных всяких пошлин дватцать два рубли дватцать один алтын четыре деньги, да на целовальников на тобольских на посадцких людей на Родку Микулина да на Васку Костина по березовским таможенным книгам 146-го и 147-го и 148-го году сорок один рубль дватцать два алтына пять денег. И те начетные деньги на таможенных головах на Офонасье Чебаевском да на Григорье Тарамшине в твою государеву казну доправлены. А целовальники Родка и Васка стоят на правеже. А ис сыску перечневую выписку и по головам и по подьячем поручные записи послали к тебе ко государю.

Там же. Л. 111—117.

Выписка из материалов сыска сына боярского М. Ушакова и подъячего С. Тарасова по челобитным тобольских посадских людей о злоупотреблениях таможенных голов А. Чебаевского и Г. Тарамшина

В сыску Березова города 3 человека попов, 3 человека детей боярских, 93 человека служилых людей, 2 человека пушкарей, 1 человек томач, 5 человек жилецких людей, всего 107 человек про таможенных голов Офонасья Чебаевского да про Григорья Тарамшина против наказной памяти про все статьи сказали, ничево не ведают. А про то де они ведают, что Терешка⁵ приехал ис Тобольска на Березов с ними з головами вместе и у государева таможенного дела на Киртаской заставе и с ними головами на Обдорской заставе он был, а о прочем тово ничево не ведают.

Березова ж города служилых людей 5 человек сказали, на Обдорской де заставе в прошлом во 146-м году в стану у кваского откупщика у Пашка Матвеева Григорей Тарамшин з березовским казаком с Васкою Серебрянниковым и промышленными людьми

---

⁵ Речь идет о Терентии Черном, который якобы был взят таможенными головами А. Чебаевским и Г. Тарамшиным подьячим на Обдорскую и Собскую заставы и являлся шурином Г. Тарамшину.

зерную играли, то де ни ведают, да у квасного откупщика у Пашка Матвеева пиво продажное было, то они де ведают же. Да тово де они не ведают, для чево таможенные головы Офонасей и Григорей тово пива у Пашка не вынимали и заповеди на них не правили. А целовальника де Петрушку Новоселова Григорей Тарамшин бил, а тово де они не ведают про что тово Петрушку бил, про государево ли дело или про свое.

Берзовских же служилых людей 5 человек сказали, в прошлом во 146-м году, как были с тобольским сыном боярским с Юрьем Воевоцким на Собской заставе, и прежней де таможенной голова Григорей Тарамшин извещал, вышед с таможни на таварыща своего на Офонасья Чебаевского, чтоб Офонасей государевы зборные деньги носит в пазухе, ключ и печать у коробьи ево, Афонасева, а то де они слышали, а про иные статьи ни про что не ведают.

Березова ж города 2 человека детей боярских, 1 человек служилой, один человек пушкарь сказали, в прошлом де во 147-м году в Березове в таможне прежние таможенные головы Офонасей да Григорей таможенного целовальника тобольского посадцкого человека Родку оне Микулина били, а неведомо про что били. А больши того ничево не ведают.

Березова ж города 2 человека служилых людей сказали, в прошлом де во 147-м году в Березове в таможне таможенные головы Офонасей да Григорей таможенного целовальника Родиона Микулина били аршином железным и батоги, что он, Родион, говорил им, делаете де вы не против государева указу. А больши тово про иные статьи нечево не ведают.

В сыску розных городов торговых и промышленных людей 302 человека про таможенных голов про Офонасья Чебаевского да про Григорья Тарамшина против наказной памяти про все статьи сказали, ничево не ведают, потому которые торговые и промышленные люди при тех таможенных головах были, они ходили за своим товаром и за промыслы. А иные торговые и промышленные люди при тех головах и не были.

Приезжей торговой 1 человек, вологжанин, сказал, в прошлом де во 146-м году прежние таможенные головы Офонасей Чебаевской да Григорей Тарамшин на Обдорской и на Собской заставе у торгового человека у Жданка Толстоухова, у устюжанина, имали в таможню мяхкую рухлядь, что было сверх проезжей грамоты, а сколько имали и какую мяхкую рухлядь, тово де он не упомнит. А то де он ведает же, что те головы Офонасей и Григорей имали в таможню у гулящих

и у проезжих людей з голов исподы шапочные собольи и пупчатые, что было сверх проезжих грамот. А назад Ждану Толстоухову мяхкую рухлядь и гулящим людям исподы отдавали ли, тово де он не ведает. А про иные статьи про всякие ничево не ведает же.

Приезжей торговой 1 человек Софонко Иванов, вычегжанин, сказал, про то де он ведает, что прежние таможенные головы Офонасей Чебаевской да Григорей Тарамшин на Обдорской и на Собской заставе хмельное пили и пьяны были. А зернию играли ль или нет, тово де он не ведает, а то де он ведает же, те ж таможенные головы на Обдори и на Собской же заставе у торгового человека у Кузьмы у Горбова имали в таможню фереzi и пупчатые, полы собольи да 8 соболей. Да у енисейских жилых людей у четырех человек, у Микитки Потапова четыре шубы собольих и пять лежалых в таможню и отдали тем же людям. Имали, а что с них от тово взяли, тово де он не ведает. Да те ж де головы Офонасей и Григорей на Обдорской и на Собской заставе не по государеву указу задержали братьей ево родных торговых людей Тренку да Юдку Ивановых, не пропусая к Руси через Камень, и взяли они у братьей ево лисицу бурую в таможню неведомо за что. И братья де ево от них откупились, дали им от тово 12 рублей 4 алтына денег. И, взяв де у них деньги, лисицу им отдали и отпустили их к Руси через Камень. А тово де ведает же, у квасных откупщиков у Пашки Матвеева с товарищем пиво хмельное было, и он де у них пивал, покупаючи. А тово ведает же, всякие таможенные зборы и деньги без целовальников оне имали с проезжих людей. А где те деньги клали, тово де он не ведает. А Григорей Тарамшин тобольского посадцкого человека Петрушку Новоселова бил, то де он видал, а за что ево бил, тово он не ведает.

Торговые люди 4 человека, вычегженя, сказали, в прошлом де во 146-м году те таможенные головы Офонасей да Григорей взяли правежем на Собской заставе у торгового человека, у Максимка Чюкичева, 7 рублей денег неведомо за что.

Да из них же ис четырех человек 1 человек сказал, то де он ведает, что на Обдори и на Собской заставе в прошлом во 146-м году у квасных откупщиков у Пашка Матвеева с таварыщем питье с хмелем, пиво было продажное.

Да Софонко Чюкичев с товарищи, 5 человек, сказали, про то де они ведают, что Терешка приехал ис Тобольска на Березов с прежними таможенными головами с Офонасьем да Григорьем вместе у государева таможенного дела на Киртаской заставе и с ними з головами на Обдорской заставе были по государеву указу к нему,

Терешке, у государева таможенного дела быть велели ли и ко государеву крестному целованью приведен ли, и шурина ли тот Терешка Гришке Тарамшину, про то де они не ведают. И про иные статьи ведают ли они или не ведают, тово в сыску не написано.

А Гришка Тарамшин против заказной памяти допрашиван. А в роспросе сказал, про то де про все допрашивал ево в Тобольске в съезжей избе стольник и воеводы князь Михайло Темкин Ростовской с таварыщи, и те де ево речи, что он, Гришка, сказал, посланы ис Тобольска ко государю, к Москве. А других де речей сказать ему не уметь, что есть ево речи на Москве и в Тобольску.

А Офонасей Чебаевской в роспросе сказал, что про то про все допрашивал де ево на Обдори в прошлом во 147-м году сыщик тобольской сын боярской Меншой Ремезов и речи де взял за рукою отца ево духовнаго, а других де речей сказать ему не уметь, что есть ево речи в Тобольску.

Да в сыску 1 человек устюжанин Степанко Журливой сказал, в прошлом де во 147-м году то де он ведает, на Обдори взяли таможенные головы Офонасей да Григорей у торгового человека устюжанина у Ивана Омелянова сына Котельникова кафтан соболей и, держав у себя тои кафтан три дни, и отдали ему, Ивану, на выкуп, а тово де он ведает [с]колько у него, Ивана, под тот кафтан денег взяли. А иново де ничево не ведает.

В сыску ж торговой человек Парфенко Исаков сказал, в прошлом де во 147-м году выехал он из Мангазеи на Обдор, те таможенные головы Офонасей да Григорей взяли у него два рубли денег, тое де деньги в государеву казну положили или себе взяли, тово де он не ведает. А иново де ничево не ведает же.

В сыску ж 1 человек промышленной человек Ивашко Фомин сказал, в прошлом де во 147-м году ехал он на кочю ис Тобольска в Мангазею, и на Обдори приехал к ним Григорей Тарамшин на коч и ничево де у них в лишке не объявилось. А был де он пьян, а взял у него с коча 3 рубли проезжую пошлину, а грамот де им проезжих не отдавал долгое время и коч задержал.

Промышленной человек пенезжанин Олешка Федоров сказал, в прошлом де во 147-м году взяли де у него, Олешки, на Обдорской заставе таможенные головы Офонасей Чебаевской да Григорей Тарамшин 6 соболей, цена 90 рублей, а послали де они те соболи к государю, к Москве, тово он не ведает. А те де у него соболи были не в лишке, в проезжей грамоте были написаны, вырезали де у него те соболи, выбрав ис сороку. А иново он ничево не ведает.

Думного дьяка Федора Лихачева крестьянин Федка Петров ...⁶ и сказал, в прошлом де во 147-м году на Обдори взяли де у него таможенные головы Офонасей Чебаевской да Григорей Тарамшин 6 соболей, цена им 100 рублей. А те де соболи в проезжей грамоте были написаны, срезали де они те соболи, выбрав ис семи сороков. А прошали де они у него под те соболи дватцати рублей, а он де давал им пятнатцать рублей, чтоб де ему черезкаменново ходу не воротитца, и они де ему у тех соболей не отдали, а послали де они те соболи ко государю, к Москве, тово он не ведает и после де тово, как они соболи взяли, на третей день отдавали де ему 6 ж соболей назад, только де не те соболи, которые они у него взяли. А лишние де мяхкие рухляди у него никакие не было, а оприч тово ничево не ведает.

Торговой человек Филька Микитин Щетенкин сказал, в прошлом де во 147-м году взяли на Обдори у промышленного человека у пенежанина у Микитки Стахеева Мохнатки ис стану тобольские целовальники мешок сотник денег да правежом де взяли в через ...⁷ деньги и живот ево понесли в таможду к таможенным головам к Офонасию да к Григорью, а сколько денег и написали ли в книги, тово де он не ведает, а слышал де он, что живот ево опроче денег отдали ему ис таможни назад. А иново ничево опроче тово не ведает.

Торговой человек Дружинка Лазарев, березовец, сказал, а прошлом де во 147-м году на Обдори являл ему торговой человек Иван Емельянов Котельников, что сняли де с него таможенные головы Офонасей да Григорей кафтан соболей и взяли де с тово кафтана десятую пошлину да сверх десятые пошлины взяли себе посулу 6 рублей и отдали де ему тот кафтан назад. Да тот же Дружинка Лазарев да торговые люди 2 человека сказали, в прошлом де во 146-м году на Обдорской же заставе сняли де они, таможенные головы, с московитина с Кузьмы Горбова фережи пупчатые, полы соболями, а назад ему отдали ль, тово де они не ведают.

В сыску ж торгового человека устюжанина Ивана Омелянова прикащик Микитка Иванов, волока Пенежсково Завьялко Родионов сказали, в прошлом де во 146-м году взяли де на Обдори на государя таможенные головы Офонасей да Григорей неявленных денег у торгового человека у Микитки Стахеева Мохнатки 125 рублей, и те де деньги по себе розделили. Да ис тех же денег те

⁶ Одно слово написано неразборчиво.

⁷ Одно слово написано неразборчиво.

таможенные головы дали целовальнику Петру Новоселову 5 рублей. И Петр де Новоселов те деньги взял и отдал Микитке Мохнатке назад.

Да Микитка ж Иванов сказал, в прошлом де во 147-м году взяли де те таможенные головы Офонасей да Григорей у нево насильством 2 пуда меду.

Промышленной человек Архангельского города Пятко Осипов сказал, в прошлом де во 147-м году ехали в Мангазею на кочю и взяли де с них, с коча, таможенные головы Офонасей да Григорей 3 рубли денег от того, чтоб их не задержали.

Торговые люди Федоско Маркелов, пенежанин, Трофимко Осипов, колмогорец, Карпунька Григорьев, епанчинец, сказали, в прошлом де во 147-м году ехали они на коче в Мангазею, и на Обдори взяли у них таможенные головы Офонасей и Григорей 2 рубли денег и сверх того велели причалить кочем к берегу, а прошал де у них посулу десять рублей и стали де они кочем на якоре, и в то де время переломился у них якорь, учинилось де им убытка 15 рублей.

Торговой человек казанец Селиванко Манойлов сказал, в прошлом де во 147-м году ехал ис Тобольска к Руси через Камень, и было де у него на проезде 16 рублей денег, и те де деньги взяли у них таможенной голова Офонасей да Григорей на Собской заставе, а в государеву ли казну взяли или себе, таво он не ведает, у нево де сулили дать на наемном ево человеке, за болезнею остался на Березове, и Григорей де Тарамшин учали на нем тово человека спрашивать и хотел ево поворотить з дороги, и он де от него откупился, взял де он, Григорей, 5 рублей денег. Да он же, Селиванко, сказал, слышал де он явку от Григорья Тарамшина на Собской заставе, покупал, едуци дорогою мяхкую рухлядь Офонасья Чебаевского шурина, а [с]колько он мяхкой рухляди купил, того де он имянно не ведает.

Да во 147-м году ехал он в Мангазею в коче, и те де таможенные головы Офонасей да Григорей задержали ево на Обдори. И за их задержкою море ево розбило, да они ж де Офонасей да Григорей взяли с него, с коча, 13 рублей денег за то, чтоб ево не задержали.

Исаака Ревякина прикащики Сергунька да Филька Гавриловы сказали, в прошлом де во 147-м году на Собской заставе таможенные головы Офонасей да Григорей взяли у них шубу белью хрептовую, что была сверх проезжие грамоты. Купили де они тое шубу на дороге, а приехав им, головам, на Собской заставе явили ж тое шубу. Да они ж де, Офонасей да Григорей, взяли у них 6 рублей

денег, а в государеву де казну тое шубу и деньги положили ли, тово де они не ведают.

Торговой человек ярославец Тимошка Трифонов сказал, в прошлом во 147-м году взяли у него насильством Офонасей Чебаевской да Григорей Тарамшин на Обдор две кабалы, кабала на мезенца на Васку Пулаева в семидесяти рублех да на костромитина на Ивашка Васильева кабала в пятидесяти во шти рублех.

Промышленной человек колмогорец Богдашко Миронов сказал, в прошлом де во 147-м году ехал он в Мангазею на коче, и на Обдори взяли де у него таможенные головы Офонасей да Григорей с коча посулу пол 3 рубли денег, за то хотели де его задержать.

Тобольские служилые люди 1 человек, пятидесятник, 3 человека, рядовых казаков, сказали, слышали де они на Обдори явку торговых людей, в прошлом во 147-м году, что прежние таможенные головы Офонасей да Григорей емлют животы их, да про то не ведомо за что. А хто торговых людей имяны являли и какие животы у них имали, и того в сыску имянно не написано.

Да из них же 1 человек сказал, в прошлом де во 147-м году на Обдори видял он, что таможенные головы Офонасей и Григорей бражничали да взяли де они в протаможне у торгового человека у пенежанина у Микитки Мохнатки 150 рублей денег и розделили те денги по себе, а давали де они ис тех денег целовальнику Петру Новоселову 5 рублей, и он де их не взял.

Да те ж тобольские служилые люди пятидесятник и рядовые казаки сказали, в прошлом во 146-м году на Обдори просил де Григорей Тарамшин в таможду у целовальника у Петра Новоселова киртаской сбор деньги. И Петр де сказал, что отдаст те деньги им, таможенным головам, непьяным. И Петра де те таможенные головы Офонасей да Григорей взяли в таможду, и хотели его бить батоги. И Петр де Новоселов сказал за собою на них государево дело, а какое де государево дело, тово де Петр имянно не молвил. Да тобольские ж де целовальники им, таможенным головам, говорили, что они, будучи у государева таможенного збору, делают негараздо. И они де, таможенные головы, за то били целовальника Микитку Терентьева. Да они ж де, таможенные головы, тобольских целовальников Петра Новоселова с товарищи ко государевым делам на Обдоре не припущали, розсылали их на караулы по островам и деньги без них збирали, а где те деньги ведали, тово де они не ведают.

Да тот же тобольской пятидесятник, один, сказал, в прошлом де во 146-м году на Собской заставе слышал он явку Григорья Тарам-

шина на Офонасья Чебаевского, что пропустил тот Офонасей Чебаевской мимо Собскую заставу торговых людей лалич с товаром безошлинно.

Тобольской же служилой человек Пашко Федоров сказал, в прошлом де во 146-м году прежним таможенным головам Офонасью Чебаевскому да Григорью Тарамшину извещал на Обдори тобольской служилой человек Трофимко Мосеев Мельников, что квасной откупщик Пашко Матвеев с товарищем продает хмельное питье, пиво и брагу, и те де таможенные головы посылали к Пашку пива и браги вынимать ис таможни целовальников, и целовальники принесли питье в таможню, а для чево они за то питье на Пашке заповедей не правили, тово он не ведает. Да тобольской де целовальник Петрушка Новоселов им, таможенным головам, говорил, что будучи они у государева таможенного збору делают негараздо. И Григорей де Тарамшин за то Петрушку бил по шекам. Да Григорей же де Тарамшин извещал на Собской заставе на товарыща своего, на Офонасья Чебаевского, что он, Офонасей, пропускает мимо Собскую заставу родимцов своих с товаром безошлинно. Да Офонасей же пропускает с мяхкою рухлядью к Руси безошлинно ж и на осмотр не дает шурина своего лалетина Ортиюшку Офонасьева. А тот де Ортиюшка покупал мяхкую рухлядь, едучи дорогою и в Коде у князя Дмитрея Алачева.

Да на Обдори тот же Григорей Тарамшин извещал на Офонасья Чебаевского, что де Офонасей ко государеве казне не припущает и у коробыи ключ и печать одново Офонасья Чебаевского. Да они де, Офонасей и Григорей, взяли в таможеню у торгового человека у устюжанина у Ждана Толстоухова соболи, которые были сверх проезжие грамоты, и отдали де те соболи ему ж назад, а сколько лишних соболей имали, и тово де он, Пашко, не ведает. Да у енисейсково де казака у Нифантки Еремеева взяли они в таможню кафтан соболей да тех соболей, что было сверх проезжие грамоты, и отдали де кафтан и соболи ему ж назад и с посулы, а что посулу взяли, тово де он не ведает. Да у москвитина да у Кузьмы Грובהа ферези пупчатые, полы соболями. Да 8 соболей у ярославца Нифантьева прикащика с крестьянина у Климка Гаврилова деньги. Да у енисейских служилых людей у Митки Потапова с товарищи шубы соболи и пупчатые и у промышленных людей з голов исподы шапочные соболями и пупчатые, что было сверх проезжих грамот в таможню они, Офонасей да Григорей, имали ж и отдавали назад, у ково что имали, и явку де Кузьмы Грובהа и енисейских служилых лю-

дей слышали, что те шубы и соболи отдали им назад таможенные головы Офонасей да Григорей на выкуп.

В прочие статьи обыскные люди сказали ни про что не ведают. Там же. Л. 118—135.

**Не ранее 1639 г., 28 июля — не позднее 1641 г., 9 декабря.
Отписка тобольских воевод П. Пронского и Ф. Ловчикова о
проведении сыска о деятельности обдорских таможенных
целовальников П. Новоселова с товарищами**

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холопи твои, Петрушка Пронской, Федка Ловчиков, Ивашко Трофимов, Ондрюшка Галкин челом быют. В прошлом, государь, во 147-м году апреля в 5 день в твоей государеве и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоте за приписью твоего государева дьяка Михаила Патрекеева к нам, холопом твоим, в Тоболеск писано, а велено нам, холопом твоим, обдорских целовальников, которые выбраны в Тобольску к твоему государеву к таможенному збору с таможенным и заставочными головами с Офонасьем Чебаевским да з Григорьем Тарамшиным про Петрушку Новоселова да про Жданка Яковлева да про Микитку Терентьева с товарищи сыскати подлинно. Как таможенные головы Офонасей Чебаевской да Григорей Тарамшин на Собское устье и на Обдорскую заставу, приехав тех целовальников на отъезжие караулы, в которых местех наперед того у прежних таможенных голов караулы были ли, учили посылать, и те целовальники на отъезжие караулы не поехали и в том сильны и не послушны учинилися ли, и в том в твоей государеве казне во всяких зборех не радели ль, и будет не радели, и в каких зборех тех целовальников было нераденье, что тем их нераденьем в каких зборех твоей государеве казне учинилось ли убыли, и как те целовальники посланы ис Тобольска на Обдор, и они на твоих государевых подводах хлебные запасы с собою везли ль, и, буде везли, и многие ль хлебные запасы, и про себя ли или на продажу везли. И на Собском устье и на Обдорской заставе у русских людей и у ясашных остяков всякие товары и рыбной жир и рыбу покупали ль, и в бочки солили ль, и будет покупали, и у кого имянем, сколько, каких товаров, и жиру рыбья, и рыбы скупили и бочек насолили. И в таможене, где у них те хлебные запасы с товары и рыба, и жир записаны ль, и будет записаны, и сколько каких хлебных запасов, и товаров, и рыбы, и жиру записано. И на Собском устье и на Обдорской заставе теми своими товары и хлеб-

ными запасы торговали ль и будет торговали, и какими рускими товары, в которых местех торговали, и сколько, каких товаров и кому имянем, где продавали, и с тех они своих с продажных и с покупных товаров пошлину платили ль или не платили. и будет не платили, и сколько у них с тех их товаров довелось было взять пошлину, ис Обдорской заставы рыбу соленую и рыбей жир и руские свои купленные товары те целовальники в Тоболеск везли на твоих государевых подводах, и будет на твоих государевых подводах и сколько у кого под теми товары подвод было. И бить челом и каким недобрым делом те целовальники таможенным головам угрожают ли.

И мы, холопи твои, в прошлом во 147-м году июля в 28 день про тех целовальников про Петрушку Новоселова да про Жданка Яковлева с товарищи посылали ссыскивать.

Отметка о подаче: 150 г декабря в 9 день подал тобольской сын боярской Данило Аршинской.

Резолюция. Выписать из всего дела наперечет в доклад, а отписку взять к отпуску.

Там же. Л. 140—144.

Выписка из материалов сыска о деятельности обдорских таможенных целовальников, проведенного не ранее 28 июля 1639 г. — не позднее 9 декабря 1641 г.

А таможенные головы Офонасей Чебаевской да Григорей Тарамшин и тобольские целовальники Петрушка Новоселов да Жданко Яковлев да Микитка Терентьев да Оска Юдин против тех статей допрашиваны, и в допросе целовальники Петрушка Новоселов да Оска Юдин сказали, как де были они на Обдорской заставе и они де никакими товары ни с кем не торговали и в Бронниковой деревне у пашенново крестьянина у Шестачка никаких товаров не покидывали, только он, Петрушка, в той деревне у того крестьянина покинул в ту пору, как стояли, коропченко свое да постеленко для тово, что ево деревня от той деревни блиско, да бочечку с солеными гусьми, а в той де коробке никакова у него товару не было, а была де в ней Псалтырь учительная да заставочные киртаские черные книги. И тое де свою коробью и постелю, и бочечку с солеными гусьми Григорью Тарамшину на явку приносил, чтоб он у него осматрил. И Григорей де у него не осматривал.

А Жданко Яковлев да Микитка Терентьев сказали, что они никакими товары не торговывали ж. Только он, Жданко, продал на

Обдорской заставе два полтя свиного мяса. Взял два рубли и с тое де продажи платил пошлины десять алтын. А Микитка Терентьев сказал, купил он на Обдорской заставе про себя зипунишков и шубенок рублей на десять и с тое де своей купли платил пошлин рубль. А как де ехали в Тоболеск и, едучи де, Григорей Тарамшин тот же ево товаришко пересмотрил и взял с него другие пошлины девять рублей. А в Бронниковой де деревне никаких товаров не покидывал.

А таможенные головы Офонасей Чебаевской да Григорей Тарамшин про целовальничью торговлю и про непослушанье допрашиваны порознь. И в допросе Офонася Чебаевского написано, как де были с ними на Обдорской заставе во 146-м году тобольские целовальники Петрушка Новоселов с товарищи и те де целовальники Петрушка Новоселов да Микитка Терентьев их не слушали и на отъезжей караул не ездили. А Микитка де Терентьев на отъезжей караул, как посылали того дни, не поехал же, а поехал на другой день. А Осипко де Юдин с товарищи во всем их слушали. А на Обдорской заставе целовальники Микитка Терентьев да Жданко Яковлев русские товары невеликою статьею покупали и с тех де их товаров на Обдори и пошлины взяты и в книгах записаны. А как де те целовальники ехали в Тоболеск с товарищем ево з Григорьем, и, едучи, с остяками торговали ль и в Бронниковой деревне товары свои покидывали ль, и Самаровского и Демьяновского ямов ямщики товарищу ево на целовальников, что они возят товары свои, являли ль, и он про то не ведает, потому что он был на Березове.

А Григорья Тарамшина в деле скаска, а в скаске ево написано, как ехал с Обдорской заставы в Тоболеск и стоял в Бронниковой деревне, и в то де время целовальник Петрушка Новоселов поставил в той деревне у крестьянина у Шестачка живота своего коробью да коробок. А то де видели тобольские служилые люди Васка Поляков да Олешка Чюкмасов, а он де парился в ту пору в бане. Да в той же де деревне на того же Петрушку извещали ему Демьяновского яму ямщики, что он поставил у крестьянина у Шестачка з животом коробью да коробок, а какой живот того не ведают, да тот же де Петрушка учинился силен, на отъезжей караул не поехал, а коробьи де своей и коропка з животом на осмотре не дал. Да он же, Григорей, по извету служилого человека Олешки Чюкмасова да Самаровского яму ямщиков, именем не упомнит, нашол неявленного русского товару у целовальника Микитки Терентьева и с того де неявленного товару в Тобольску и пошлины взял, а которые де

русские товары тот Микитка покупал на Обдори, и с тех де таможенные пошлины взяты и в книги записаны.

А Самаровского и Демьяновского ямов ямщики, 25 человек, в допросе сказали, Григорью Тарамшину на целовальников, на Петрушку Новоселова с товарищи, не являли и товаров у них де всяких и в коробах не видали, а ведают ли де про то или не ведают товарищи их, которые ныне в Тобольску в челобитчиках.

А Бронниковой деревни крестьянин Шестачко Исаков в допросе сказал, как таможенной голова Григорей Тарамшин в Бронниковой деревне стоял, и у него де целовальники Петрушка Новоселов с товарищи никаких товаров не оставляли. Только де тот Петрушка, как стояли, поставил у него коропченко свое да постелю да лагунчик. А сказал де ему, что у него в той коропке книги черные Киртаской заставы да рубашки, а в лагунчике четыре гуся солоных.

Да в других допросных речах Офонасья Чебаевского про енисейских служилых людей про Кузьму Горбова и про Ждана Толстоухова и про Васку Пиминова и про Скрыпиных прикащика и про Олешку Лалетина написано, как де приехали на Обдорскую заставу з государевою казною енисейские служилые люди и москвитин Кузьма Гробов, и на тех служилых людех были в ту пору шубы пупчатые, и оне де было с тех служилых людей те шубы взяли и принесли в таможду, и те де служилые люди учили бити челом, что им за государевою казною ехать не в чем, и они де те шубы отдали для того назад, что тем служилым людям ехать не в чем. А на москвитине де на Кузьме Горбове сверх проезжие грамоты была шуба пупчатая, полы собольи, и оне с него тое шубы не взяли для того, что та шуба была поношена.

А как де из Мангазеи приехал на Обдорскую заставу Нифантей и Оникеев прикащик Скрыпиных Климко Гаврилов, и у него де сверх проезжей грамоты объявилось денег рублей с полтретьятцать да два соболя, и как учили у него мяхкую рухлядь пересматривать в другойят, и те де два соболя отдали ему, Климку, а деньги, которые объявились сверх проезжие, не взяли для того, что те у него деньги были для товарного провозу.

А устюжанина де Жданка Толстоухова и лалетина Васки Пиминова, не взяв с них государевых пошлин, к Русе через Камень не отпускивал и пошлин де с них двусот рублей не довелось взять, потому где те торговые люди имали проезжие грамоты, там и пошлины платили, и как де у того Ждана товаров пересматривали, и у него де объявилось сверх проезжей шестьдесят пупков собольих и

те де пупки взяты у него на государя и протаможье на нем доправлено.

А Олешки лалетина с никакими товары с Обдорской заставы к Русе через Камень он не отпускавал же. А тот де Олешка ехал с ним до Самаровского яму ис Тобольска и на Самаровском яму остался, и после де того приехал на Обдор, и бил челом об отпуске к Русе, и объявил в таможене денег своих рублей с тритцать. И товарыш де ево, Григорей, хотел с тех денег у него пошлину и он, Офонасей, товарыщу своему говорил, чтоб для Олешкины бедности с тех денег пошлины не имал, и с тех де тритцати рублей для бедности пошлин не взяли, а отпущен де тот Олешка к Русе бес товару.

А шурина де своего с Обдорской заставы к Русе через Камень с товаром, не взяв государевых пошлин, не отпускавал. И шурина у него на Обдорской заставе не бывало. И в Коде у князь Дмитрея Алачева шурин ево никакие мяхкие рухляди не покупывал и с ним ниоткуды шурин ево до Обдорской заставы не езживал. Только де ехал с ним з Березова до Обдорской заставы Усолья Вычегодского торговой человек Ортюшка Офонасьев, учил племянника ево грамоте. А тот де Ортюшка, как жил на Березове, торговал и у остяков мяхкую рухлядь покупал, и с того де у него товару на Березове и пошлину взяли. А с Обдорской де заставы поехал к Русе, а проезжая де грамота дана ему на Березове. А тот Ортюшка ему не племя.

А князь Дмитрея Алачева в допросе написано. В прошлом де во 146-м году, едучи ис Тобольска, купил у него, таможенного головы Офонасья Чебаевского, шурин Офонка Боброков шесть сороков соболей, пять тысяч белок, дватцать лисиц чернобурых, шестьдесят лисиц красных, а дал за все двесте рублей. А государевы де пошлины тот Офонка перевел на себя, а хотел пошлину с тое рухляди заплатить он. А он, князь Дмитрей, тое свою продажу объявил на Березове таможенным головам Офонасью и Григорью. А для объяви посылал человека своего и с тое де ево рухляди на Офонке пошлины взяты ль или не взяты, того он не ведает.

И в таможенных березовских книгах 146 году того Офонасьева шурина Чебаевского Офонки Боброкова и мяхкие рухляди, которую он купил у князя Дмитрея Алачева на двести рублей, не сыскано и пошлин с него не взято.

Там же. Л. 149—156.

(В январе 1642 г. были посланы царские указы в Соль Вычегодскую о доставке в Москву Афанасия Чебаевского и в Кевролу о доставке Григория Тарамшина.)

**1642 г. Не ранее января. Челобитная А. Чебаевского и
Г. Тарамшина с просьбой учинить царский указ по
их сыскному делу**

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси быют челом сироты твои Офонка Митрофанов сын Чебаевской да Гришка Тарамшин. В прошлых, государь, во 146-м и во 147-м годах по твоему государеву указу были мы, сироты твои, на твоей государеве службе в Сибири, на Березове и на Обдори, на Собской заставе, у твоего государева у таможенново збору в головишках, а с нами были для разсылок целовальники Тобольского города Родка Микулин, Петрушка Иванов Новоселов, Микитка Терентьев с товарищи, всех семь человек, и будучи, государь, те целовальники у твоего государева дела на Обдори и на Собской заставе Петрушка Новоселов, Микитка Терентьев, Жданко Яковлев своими рускими товары и хлебными запасы с рускими людьми и с иноземцы торговали, покупали всякие товары и мяхкую рухлядь. А мы, сироты твои, тех их товаров и торгу не ведали, потому что они, целовальники, нам, сиротам твоим, в таможенной избе своих покупных всяких товаров и мяхкой рухляди не являли. И как мы, сироты твои, с Обдори и с Собской заставы поехали на Березов, и те целовальники ехали с нами на том же дощанике. и как на Березов приехали и я, сирота твой Офонька, осталса на Березове для твоих государевых таможенных всяких дел. В Тоболеск с твоею государевою денежною казною и книгами поехал сирота твой Гришка. И те, государь, целовальники з Березова пошли со мною⁸ грешным на одном же дощанике. И не дошед, государь, Демьяновского яму извещали сироте твоему Гришке тобольские служилые люди Олешка Чюкмасов с товарищи да самаровские ямщики на целовальника на Микитку Терентьева, что тот Микитка везет свои товары на тех же твоих государевых подводах и я, сирота твой Гришка, тех Микиткиных товаров по их извету досматривал. И с тех ево товаров по оценке довелось твоих государевых пошлин протаможья взять дватцать восемь рублей тритцать три алтына полторы деньги. И те государевы пошлины, я, сирота твои, с того целовальника в твою государеву казну в Тобольску доправил, и в приходной книге те пошлины и

⁸ Имеется ввиду с Григорием Тарамшиным.

протаможье написаны. А Петрушка Новоселов да Жданко Яковлев своих товаров мне, сироте твоему Гришке, досматривать не дали, учинились сильны и, не дошед Тобольска они, целовальники, те свои товары склади з дощаника и оставили в Бронникове деревне у Шестака, а чей сын тот Шестак, того не ведает.

Да в том же, государь, в прошлом 146-м году ехал из Нарыма к Русе мимо Березова чрез Камень Исака Ревякина прикащика ево Степанко Оверкиева седелец Завьялко Иванов с мяхкою рухлядью по нарымской проезжей грамоте. И на Березове таможенной целовальник, которого оставливал в таможенной избе в ту пору, как мы, сироты твои, были на Обдоре, Родка Микитин тому Завьялку дал на мяхкую рухлядь на нарымскую покупку ис таможени в съезжую избу выпись за своею рукою воровски для своей бездельной корысти. А про нарымскую Завьялкову грамоту сказали, что будто та грамота измокла, и строки иные испортились, и ехать было по той грамоте тому Завьялку нельзя. А та, государь, Завьялкова нарымская проезжая грамота не мокла и цела, и строки в ней не испортились, только в той грамоте воровано, в мяхкой рухляди в числе скребено и приправливано. Чаят у него, Завьялка, сверх нарымской проезжей грамоты было мяхкой рухляди в лишке. И тот целовальник Родка Завьялку в том сноровил. И та, государь, нарымская Завьялкова грамота под отпускну прислана к тебе, государю, к Москве. И о том ево, Родкине, воровстве и о их целовальникове торгу, что оне торговали безошлинно, мы, сироты твои, тебе, государю, писали и те, государь, целовальники рьяся на нас, сирот твоих, что мы, сироты твои, на них о том писали, и что с Микитки Терентьева пошлину взяли, те целовальники, Петрушка и Жданко и Микитка с товарищи, на нас, сирот твоих, в Тобольску князю Михайлу Темкину Ростовскому с товарищи извещали и челобитную подали ложно, будто мы, сироты твои, твои государевы таможенные дела делали не по твоему государеву указу. А мы, сироты твои, тебе, государю, радели и всякие твои государевы таможенные дела делали и десятинной збор збирали по твоему государеву указу и прибыль тебе, государю, всякую учинили и от тово их ложново извету и челобитья мы, сироты твои, в Тобольску волочились года с полтора. А ныне за тем же делом волочился я⁹ на Москве многое время. А сыск, государь, про то дело был и из обысков перечневая выписка выписана. А тебя, государя, и боярина князя Бориса Михайловича Лыкова дьяки не доложат, и нам, сиротам твоим, и по се места в том деле твоего государева указу не учинят.

⁹ Описка, должно быть «волочимся мы»

Милосердный государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй нас, сирот своих, вели, государь, нам, сиротам своим, в том деле свой царской указ учинить, чтоб нам, сиротам твоим, от тово их напрасно да ложново челобитья в конец не погинуть. Царь государь, смилуйся.

Там же. Л. 177—178.

Материалы розыска о деятельности обдорских таможенных голов Г. Тарамшина и А. Чебаевского, проведенного в Сибирском приказе¹⁰

...

И Офонка Чебаевской и Гришка Тарамшин по допросу сказали, будучи де они на Обдори, на Березове тобольских целовальников Петрушку Новоселова с товарищи по государеву таможенному делу с собою призывали по вся дни. И пошлины имали с ними вместе и от дела их не отсылали. Только де те целовальники своею дуростью их не слушали и для государевы таможенные пошлины на отъезжей короул не ездили. И они де за то их непослушанье наказание им чинили, в том де волен Бог да государь. А Пашко де, откупщик, с товарищем отдавали на откуп квас по тобольскому наказу и не пиво. А пива де Пашка не варил, и вынима было у него и заповеди с него править не за что. А зернью де он, Гришка, не игрывал, то де все целовальники.

...

Да на целовальниках на тобольских посадцких людей на Родку Микулина да на Васку Костина по березовским же таможенным книгам 146-го и 147-го и 148-го году начтено и в Тобольску доправлено 41 рубль 22 алтына 5 де.

А счотного списка ис Тобольска воевода князь Петр Пронской с товарищи, как тех обдорских таможенных голов считали, и по чему начли, и что при тех таможенных головах на Обдорской заставе на государя всяких пошлин в зборе было и перед прежними головами, на чье они место присланы, прибор ли или недобор был, того не ведомо, потому что ис Тобольска воеводы князь Петр Пронской с товарищи тех счотных росписей ко государю не прислали.

И в нынешнем во 150-м году февраля в 25 день по помете на отпуске, которая из Тобольска прислана ко государю к Москве об отпуске тех же таможенных голов Офоньки Чебаевского да Гришки

---

¹⁰ Публикуется в извлечениях, так как значительная часть этих материалов является выписками из розыскных дел, проводившихся тобольскими воеводами.

Тарамшина, послана государева грамота в Тоболеск к воеводам ко князю Петру Пронскому с товарищи. А велено им счетную роспись, как они тех обдорских голов Офоньку Чебаевского да Гришку Тарамшина по приходным и по расходным книгам считали и что на них по тому сходу доправили, прислать ко государю к Москве.

А на Москве по справке в Сибирском приказе в приходном столе и в приходной книге в присылке в неокладной мяхкой рухляди во 148-м году ноября в 28 де написано, по отписке из Сибири березовских и обдорских заставочных голов Офоньки Чебаевского да Гришки Тарамшина присланы ко государю 6 соболей с хвосты, что взяты у промышленного человека у пенежанина у Олешки Федорова да 6 ж соболей с хвосты, что взяты у торгового человека у костромити у Федки Петрова без сибирской цены. А по московской оценке тем соболям Олешки Петрова 6 соболей с хвосты цена 10 рублей с полтиною, Федки Петрова 6 ж соболей с хвосты цена 8 рублей с полтиною.

А просчет тех таможенных голов Офоньки Чебаевского да Гришки Тарамшина в отписке ис Тобольска воеводы князя Петра Пронского с товарищи написано, что березовских и обдорских таможенных и заставочных голов Офоньки Чебаевского и Гришки Тарамшина по их таможенным по приходным и по расходным книгам считали они сами.

И тому де их счету на тех на [та]моженных годов, на Офоньку Чебаевского да на Гришку Тарамшина приходным и расходным книгам начтено и в Тобольску в государеву казну на них доправлено начотных денег 22 рубли 21 алтын 4 денги.

И у выписки в Сибирском приказе Офонка Чебаевской допрашиван про Офонку Боброкова против князь Дмитриевых речей Алачева для того что в Тобольску та статья не допрашивана и не очищена. Сказывал он в Сибири, что шурина з Березова через Камень не отпускал и в Коде у князь Дмитрея Алачева шурина ево товару не купливал. А ехал де з Березова до Обдорские заставы Усолья Вычегоцкого торговой человек Ортюшка. А в князь Дмитриеве скаске Алачева написано, что купил у него князь Дмитрея в Коде мяхкие рухляди на двесте рублей шурина ево Офонькин Офонька Боброков, и он для чево тое Офонкину куплю утаил и в таможенные книги не записал, и пошлин с него не взял.

И Офонька Чебаевской в роспросе сказал, ехал де ис Тобольска через Березов Усолья Вычегоцкого торговой человек Ортюшка Офо-

насьев, ему не шурин, только одново с ним города. И тобольская проезжая грамота у него, у Ортюшки, была. А с ним, Ортюшкою, ехал в гулящих отец его, Ортюшкин, Офонька Боброков. И на Березове тот Офонька приехал с сыном с Ортюшкою, а как де тот Ортюшка с отцом своим, с Офонкою, из Тобольска приехали на Березов, и того ж дни попреж его приехал на Березов из Коды князь Дмитриев человек Алачева Оверка прозвища Загеба и явил рухлядь. А сказал, велел де ему тое рухлядь продать на Березове князь Дмитрий Алачев. И они де у него ту рухлядь велели целовальнику Родке Микулину с товар пересмотрить и в книги записать, и оценить, и та де у него рухлядь оценена и в книги записана. А Ортюшка де Офонасьев по тобольской проезжей явил денег 200 рублей. И того же дни пришли к ним в таможеню на отъявку тот усалец Ортюшка Офонасьев да князь Дмитриев человек Алачева Оверка Загеба. Сказали что он, Ортюшка, на те деньги, что с собою из Тобольска по проезжей привез, на Березове у князь Дмитриева человека Алачева у Оверки Загебы сторговал ту рухлядь, которую он явил продать. И та де его явка в таможенных книгах того ж числа записана. И с тою де они рухляди на государя и десятую пошлину взяли деньгами ж, по гривне с рубля. И та их явка и десятая пошлина и в таможенных в Березове книгах записана ж. А дорогою ль едучи тот Ортюшка к князь Дмитрея Алачева ту рухлядь сторговал или у человека его на Березове, того де он не ведает. Только тое рухлядь первое на Березове явил продать князь Дмитриев человек Алачева, а не Ортюшка явил. А те таможенные книги за рукою целовальников Родки Микулина на Березове и в Тобольску таковы ж. Да подал с тех книг выписку и с тобольской с проезжей грамоты спиской в свое место за рукою.

А в выписи написано 146-го году июля в 10 день приехал из Коды князь Дмитриев человек Оверка прозвища Загеба, новокрещен. А с ним послал князь Дмитрий на Березов продать мяхкой рухляди 5 сороков соболей по оценке на 96 рублей, 10 лисиц бурых, 35 рублей да 50 лисиц серых и красных и черночеревых, 12 росомак, 6 шуб белых, исподишко соболье ношено, 84 горнастая, 2020 белок, 4 лосины. Всего той у него рухляди по таможенной оценке на 218 рублей на 20 алтын. И с того у него мяхкой рухляди государева десятая пошлина на Березове взята деньгами 21 рубль 27 алтын по 6 денег. А тое он, Оверка, мяхкую рухлядь продал на Березове Ортюшке Офонасьеву, усольцу, на те деньги, что привез с собою по тобольской проезжей грамоте.

А в списке с тобольской проезжай грамоты написано, 146-го стольник и воеводы князь Михайло Темкин Ростовской с товарищи отпустили ис Тобольска мимо Березов к Руси торгового чело- века Соли Вычегоцкой Ортюшку Офонасьева. А в оценочной за рукою таможенного головы Ондreja Гостева в отпуске с ним то- больские покупки 150 лисиц красных, испод пупчатой поношен, по тобольской оценке на 100 рублей на 11 алтын на 4 денги, да у него ж 200 рублей денег. И с тое у него мяхкие рухляди, из денег десяты не взято, потому что у него, Ортюшки, взята государева десятая пошлина в Тобольску в ево провозу с русского товару во 145-м году. А ту он рухлядь покупал в Тобольску на те товарные деньги.

Да у сей же выписки на Москве Гришка Тарамшин и Офонька Чебаевской против целовальничья Петрушкина извету Новоселова допрашиваны для того, что в тобольском сыску про ту статью до- просу не написано, как они Офонька и Гришка были в таможенных головах и при них на Обдорской заставе служилые люди им на откупщика на Пашку, что он держал хмельное питье, извещали А они, Офонька и Гришка, для своей корысти того питья у него не вынимали ль, а которое и вынимали, и то им назад отдавали ль и заповеди с них наимали ль. И целовальников Петрушку Новоселова с товарищи к государеву делу с собою не припущали и к себе их не призывали ль, и таможенные пошлины без них имали, и целоваль- ники им про то говорили ль, и они, Гришка и Офонька, целоваль- ников Петрушку Новоселова с товарищи за то батоги били ль, и будучи у государева дела зерною он, Гришка, играл ли.

Лета 7151 года февраля в 15 де по государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича всеа Руси указу память дьяку Дмитрею Карпову. В прошлом во 147 м году по государеву указу были в Сибири на Обдорской заставе в таможенных головах Усолья Выче- гоцкого Офонька Чебаевской да кевролец Гришка Тарамшин. А велено им, Офоньке и Гришке, у торговых и у служилых людей, чево у них в проезжих грамотах будет не написано деньги и всякую мяхкую рухлядь имать на государя и деньги отдавати в государеву казну в Тобольску, а рухледь присылати к государю к Москве. И в Тобольску на тех на таможенных голов, на Офоньку и на Гришку, извещали тобольские посацкие люди, которые с ними, с Офонькою и з Гришкою, на Обдори ж были в целовальниках Петрушка Ново- селов с товарищи.

...

По указу у сибирских служилых и у торговых и у промышленных людей пенье всякие мяхкие рухляди и денег на государя не имали для своей бездельные корысти и отдавали тое пенную мяхкую рухлядь и деньги служилым и всяким людем назад, а взяли от того посулов девяносто два рубля. За то воровство учинить ему, Офоньке, наказанье битие по торгом кнутом нещадно, чтоб на то смотря неповадно было иным вперед так воровать, будучи у государева дела в таможенных головах посулы имать и пенную мяхкую рухлядь отдавать. А учиня ему наказанье, на нем же, на Офоньке, доправить и за Гришку Тарамшина на выборных людех те деньги, что они в посулах взяли вдвое, с тово восемьдесят четыре рубля. А будет половины тех денег на Офоньке доправить не на ком, и те деньги за нево доправить на выборных же людех и велеть те деньги, что доправлены будут на Офоньке или за нево и за Гришку Тарамшина на выборных людех ис поморских городов воеводам прислать ко государю, к Москве, в Сибирской приказ. А что в обысках написано глухо, что имали оне ж, Офонька и Гришка, в посулы денег и кабалы и бельи шубы у всяких людей, и челобитчиков о том на Москве *на них* не бывало.

Там же. Л. 204, 207, 210—215, 217, 221, 226, 227.

2

1634 г., 7 апреля. Проезжая грамота Дружине Сутупову в Мангазею

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в сибирские города воеводам нашим и дьяком и таможенным и заста-вочным головам. Бил нам челом гостинные сотни торговой человек Богдан Щепоткин. А сказал, в нынешнем де в 150-м году отпускает он, Богдан, через Камень в Мангазею на Обдор для торгу и соболи-ного промыслу приказщика своего Дружинку Сутупова. А с ним будет десять пуд меду, патоки, и нам бы ево пожаловати, велети приказщика ево, Дружинку, с тем медом в Мангазею пропустить и торговать тем медом до тех мест, покаместа тот мед изпродаст. И воеводам нашим и дьяком и таможенным и заставочным головам гостинные сотни Богдана Щепоткина приказщика ево Дружинку Су-тупова с тем медом в сибирские города велети пропускати без за-держки, и торговати ему тем медом до тех мест, покаместа он тот мед изпродаст. А наши пошлыны с того меду велети у него имати

по нашему указу. А того смотрети и беречи накрепко, чтоб тот <Федка> *Дружинка* отнюдь меденные корчомы не держал. Писан на Москве лета 7150 го апреля в 7 день.

Другой почерк: отпущено за приписью диака Микифора Шипулина.

РГАДА Ф. 214. Оп. 3. Д.65. Л. 467

3

Обыскная книга таможенных и заставочных голов Л. Плесовского и П. Ружникова 26 июня — 20 августа 1635 г.

Книга 143-го году по государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича всеа Руси указ на Обдорской и на Собской заставе таможенным головам Луке Плесовскому да Третьему¹¹ Ружникову. Как поедут ис сибирских городов из верхних и из Мангазеи воеводы и дьяки, и писмяные головы, и жены их, и дети, и племянники, и люди их мимо Обдорской и Собской заставы к Русе через Камень, велено у них обыскивать накрепко соболей или лисиц и куниц, бобров и шуб собольих и лисьих, горлатных и черевых и всякой мяжкой рухляди. И у торговых и у промышленных, и у служилых людей, как поедут ис сибирских городов к Русе через Камень, и у них осматривать и опрашивать накрепко воеводцкой и дьячих, и писмяных голов посыльней мяжкой рухляди и денег. И по обыску у воевод и у дьяков, и у писмяных голов, и у жен их, и у детей и у племянников, и у людей их тое мяжкую рухлядь и по допросу у торговых и у промышленных, и у служилых людей, что сыщется, велено имать на государя и отсылать ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю к Москве.

Июня в 26 день ехали ис Сургута за государевою казною к Москве служилой человек Пятунык Яковлев. И на Березове в таможене по спросу таможенного головы Первого Ружникова да целовальников Меншево Лосева, Ивана Дехтеря тот Пятунык сказал: «Есть де у меня посылка сургутцкого воеводы князя Петра Львова тритцать восемь соболей да тритцет девять бобров, а соболи и бобры за государевою сургутцкою печатью». И те соболи и бобры взяты на государя. А соболи были в суме за печатью, а у соболей печати государевы не было, печать у суммы, а бобры за [государевою] печатью.

Того ж дни взято у сына боярского Томского города у Федора Иванова сына Пущина по его скаске посылки Томского города дьяка Ондreja Строева шесть соболей, и у тех соболей печать как ярлык.

¹¹ Описка, должно быть «Первому»

Июля в 4 день ехал к Русе через Камень ис Томского города московской подьячей Сава Ищлин. И на Собской заставе таможенные головы Лука Плесовской да Первой Ружников да тобольские целовальники Иван Корюк, Завьял Дмитриев, Еремей Балин у того Савы допрашивали накрепко посылочные мяхкие рухляди и денег воеводцкие и дьячи и писмяных голов. И тот Сава в роспросе сказал: «Есть де со мною дьяка Ондreja Строева посылочных осмьдесят рублей денег да испод шапочной пупчатой, окол соболей, да шапка лисьих лапок красных». А сказал тот Сава: «Послал де те деньги с Томского города дьяк Ондрей Строев к Москве за долг Богдану Семенову сыну Змееву пятьдесят рублей денег да Стрелецково приказу дьяку Ивану Нестерову дватцет рублей по кабалам да шатерничьему Олексею Семенову Карбышеву десет рублей бескабально, а испод шапку послал де Ондреев человек Строева». И те у него, Савы, деньги и испод, и шапка взяты на государя.

Того ж дни ехал к Русе через Камень ис Томского города москвитина гостиной сотни торгового человека Исака Ревякина приказчик Ортюшка Васильев. И на Собской заставе спрашивали таможенные головы у того Ортюшки про посылную воеводцкую и дьячью и писмяных голов мяхкую рухлядь. И Ортюшка сказал у себя: «Есть де со мной посылка томского воеводы князя Микиты Егупова Черкасского сто дватцет лисиц красных, десет лисиц бурых, две шубы собольих, пластинные, да шуба ж соболя малая и посылная рухлядь за государевою печатью Томского города, и в проезжей грамоте та его посылная рухлядь написана с ево, Ортюшкиною, рухлядью вместе». И те у него лисицы и шубы взяты на государя по своему осмотру. У одной шубы печать на воску «человек на коне», у другой шубы на печате «полатка», а у третьей шубы печать помялась. И у шуб ярлыки, у одной написаны: «Посылка Енесейсково острогу воеводы Ондreja Племянникова», у другой шубы на ярлыке написано: «Князю Михаилу Микитичю». И на тое посылную рухлядь тот Ортюшка принес росписку, сказал: «Роспись де мне дал на поезде томской воевода князь Микита Егулов Черкасской». И та роспись подклеена туто ж у его, Ортюшкины, скаске в сей книге.

Июля 29 день ехал з Березова к Русе через Камень воевода Олексей Офонасьевич Мешков-Плищев. И на Обдорском устье на заставе таможенной голова Лука Плесовской да целовальники Иван Корюк да Еремей Балин у того воеводы обыскивали мяхкой рухляди. И по своему обыску взяли на государя шубу волчью, ферези песцовые черные, рукава белых песцов да ферези недопесчатые черных

песцов, по конец рукава наставлены белым, две шубы песцовые белых песцов, да шуба недопесчатая хребтовые, и те шубы и фережи нагольные без пуху, да четырнатцеть шуб белых хребтовых бес пуху, да шуба ж белья хребтовая, пух постельней, два рукава недособолье, и в пластинах три шубы черевны бельи, тисы(?) черевьи бельи. У него же найдено в перине шуба горносталя, три хребта лисьи чернобурые, испод шапочной, лапки лисьи черные с пухом бобровым два соболя с хвостами, три соболя без хвостов, дватцеть две лапки лисьи черные. У него ж найдено в трех хомутинах восемь лисиц чернобурых, дватцеть шесть соболей. Да в коробки найдено тритцеть четыре соболя с хвостами, сорок четыре соболя без хвостов, шуба соболя, рукава бельи, в плечах вставлено черева черных песцов, бес пуху, да шуба пупчатая, рукава — лапки соболя и бес пуху ж. У него ж в подушки найдено восемь аршин пуху бобрового портищного, хребет лисицы чернобурые да лисица чернобурая с лапками задними, да бурые лисицы, лоскут чамровой, восемнатцеть пупков соболях да подскор пупчатой шапочной. В пуховике найдено шуба горносталя, в другом пуховике две шубы лисьи красных лисиц бес пуху, шуба песцовая черных песцов с пухом стежено, на ветоши холщевой, да розсомака. Да в мехе холщавом в пуховом найдено две шубы горносталя, рукава бельи черевьи да лоскутье бобровое и соболье, лисье и пупчатое мелкое, да шуба белья черевья. Да у сына ево, у Алексея, взято две шубы бельи хребтовые да шуба белья без рукав, шуба песцовая хребтовая, белых песцов, под лазоревым индяком с пухом, свяски зеленой шелк, пять шуб белых хребтовых, у одной в тех же шубах рукава не пришиты, в пластинах. Да у другою сына, у Федора, взято шуба, хребет, лапки песцовы черные да полы у той шубы черевьи, песцовые черные, без рукав да шуба лапчатая белых песцов, около черные лапки с пухом, шуба песцовая хребтовая белых песцов бес пуху, рукава в пластинах не пришиты, две шубы бельи хребтовые пес¹² пуху ж. У людей ево взято у Евтюги шубка горносталя да бобр рыжей, да кошлок подделаны, у Ивашка Тотарина взято два исподишка шапочные один пупчатой, другой лапчатой, лапки соболя да подскор соболей. А то у нево найдено в хлебе, а сказал: «Свое, а не посыльнее» Да шубейко белье облюшное малое. А в проезжей у нево не написано, и то у нево взято на государя.

Августа в 6 день ехали из Енисейского острогу к Русе через Камень торговой человек Степанко Иванов Левонтьев Усоляя Вычегоцково да Олексея Золотова приказчик Пронька Тихонов. И на

¹² Описка, должно быть «без»

Обдорской заставе таможенные головы у того Степанка и у Проньки спрашивали про посыльную мяхкую рухлядь. И тот Степанка сказал у себя посыльной мяхкой рухляди енисейсково воеводы Ондreja Племянникова шесть сороков тритцеть два соболи.

А Пронька сказал у себя того ж воеводы Ондreja Племянникова посылки пятьсот хвостов соболюх да десеть остредей соболюх, двести осмьдесять четыре горностаишков мятых, тринатцеть горностаев сшиты пластинки, да сорок черев белых, шапка девья хвостовая соболюх, о четырех околах, да кошлок, подделаны тритцеть бобров черных, шестнатцеть бобров красных, тритцеть кошлоков, три подчеревеси бобровые, четыре подволоки лыжные бобровые, две розсомаки. И та у них посыльная мяхкая рухлядь взято на государя.

Того ж дни на Обдорской заставе по обыску таможенных голов у мангазейсково воеводы Григорья Орлова, у человека его Куломка Нагаетина найдено в суме ферези пупчатые под киндяком ценинным с пухом да шапка пупчатая, окол соболей, вершек черчатой, нашив-ка серебряная. И то у него взято на государя.

Августа в 20 день ехал мимо Собскую заставу к Русе через Камень Нарымского острогу воевода Иван Загоскин. И по обыску таможенных голов найдено у него в чемодане двои ферези пупчатые, поволокены, одне ферези желтыми дорогами, свяски зеленой шелк, другие ферези зелеными дорогами поволочены, нашивка плетенец немецкой. И то у него взято на государя.

На Обдоре же взято на государя у Лучки Семенова з братом, у важан, сверх проезжей шестнатцеть пупков соболюх. Да у гулящего человека у Олешки Трифанова, устюжанина, десеть пупков. У Пятунки Семенова, пинежанина, взято дватцеть семь рублей восмнатцеть алтын. У Данилка Костянтинова, устюжанина, дватцеть рублей, сверх проезжей грамоты взято. У промышленного человека у Ивашка Савинова, важенина, девять рублей чetyрнатцеть алтын чetyре день-ги. У промышленного человека у Офонки Верещагина шестнатцеть рублей три алтына две день-ги. У Дорофейка Мокеева двенатцеть рублей шестнатцеть алтын. У всего по сей книге денег посылочных дьячих и что взято у промышленных сто шестдесят пять рублей осмнатцать алтын чetyре день-ги. И те промышленные люди сказали в роспросе: «Те де у нас день-ги свои, а непосылочные».

А по сей книге что взято денег и по государеву указу те день-ги отнесены на Березове в съезжую избу и отданы воеводе в съезжую избу и отданы воеводе Офонасью Михайловичю Толчанинову.

РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Д. 80. Л. 1—10 об.

Обыскная книга таможенных и заставочных голов**Л. Плесовского и П. Ружникова****10 сентября 1635 г. — 11 июля 1636 г.**

Книга Обдорской и Собской заставы 144-го году. По государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича всеа Руси указ таможенным и заставочным головам Луке Плесовскому да Первому Ружникову, как поедут из верхних ис сибирских городов и из Монгазеи воеводы и диаки и писмяные головы и жены их и дети и племянники и люди их и мимо Березов и Обдорской и Собской заставы к Русе через Камень, и у них велено досматривать накрепко соболей и лисиц, и бобров, и шуб собожьих и лисьих и всякой мяхкой рухляди и денег, и у торговых и у промышленных и у служилых людей, как поедут ис сибирских городов к Руси через Камень по государеву указу, по тому ж воевоцкой посылней мяхкой рухляди и денег у них досматривать накрепко и вина и меду и табаки. И их торговых людей своей мяхкие рухляди и денег досматривать сверх их проезжих грамот по тому накрепко. И по досмотру тое мяхкую рухлядь у воевод и у дьяков, и у писмяных голов, и у жен их, и у детей, и у племянников, и у людей их, и у торговых, и у промышленных, и у служилых людей велено иметь на государя и отсылать ко государю, к Москве. А деньги и вино, и мед, и табак иметь и отдавать на Березове воеводе Офонасию Толочанову в государеву казну в съезжую избу.

Сентября в 10 де прислан ис Тобольска на Березов тобольской сын боярской Филип Оболянинов. А велено ему ехать в Березовской уезд в Обдорскую волость и в Куноватцкую для государева сысканого дела, что пограбили самоедь на Камени государеву кузнецкую казну. И тот Филип на Обдор поехал сентября в 28 день. И генваря в 12 день тот Филип Оболянинов с Обдори на Березов приехал назад. И после ево приезду февраля в 26 день приехал из юрт подгородной остяк Паныдко, а у него по досмотру целовальников Ивана Корюка объявилось в провозе тритцеть девять песцов белых да шуба горносталя без пуху. И тое мяхкую рухлядь взяли в таможду, и в таможене таможенной голова Первой Ружников того остяка Паныдка допрашивал, чья у него та рухлядь. И Паныдко сказал: «Рухлядь де не моя, давал де мне те песцы подделывать и тое шубу шить тобольской сын боярской Филип Оболянинов».

Да во 144-м году же году марта в 29 де тот же Филип Оболянинов поехал для того ж сысканого дела в Березовской же уезд в

Казымскую волость. И после того Филипа апреля в 8 де пришел в таможенную березовский казак Пашка Падерин и сказал в таможенному голове Первому Ружникову: «Положил де у меня тобольской сын боярской Филип Оболянинов, поедучи в Казымскую волость сумочку за своею печатью, а велел де мне тое сумочку до себя поблюсти, а в сумочке де я не ведаю что у него положено и яз де то блюду все, чтоб мне в том в государеве пене не быть».

И таможенной голова Первой Ружников по его, Пашкине, скаске послал таможенных целовальников Ивана Корюка да Завьяла Дмитриева, да Василья Теркомельца к тому Пашке на двор и велел тое сумочку у того Пашки взять и принести в таможенную ж. И таможенные целовальники Иван Корюк с товарищи тое сумочку з двора от Пашки принесли за печатью того Филипа.

Апреля в 21 день как тот Филип приехал ис Казымской волости и таможенной голова Первой Ружников велел быть в таможенную тому Филипу Оболянинову и ево допрашал, та сумочка и печать у сумочки ево ли, Филипова, и Филип сказал: «Сумочка де моя и печать у сумочки моя ж, а положил де тое сумочку у того Пашки на збережение яз, Филип, с мяхкою рухлядью». И по досмотру головы Первого Ружникова и целовальников Ивана Корюка с товарищи в той сумочки объявилось мяхкие рухляди пять бобров да шуба горносталя без пуху, да шуба же горносталя с пушишком з бобровым. И тот Филип в таможенную тое своей мяхкой рухляди, что привез остяк Паныдко, и что объявилось в сумочке, ответу не дал, у кого он тое мяхкую рухлядь имал или покупал, и продавцов налицо не поставил и имяне им не сказал. И та ево мяхкая рухлядь вся взята на государя.

Да июня в 1 день по досмотру же целовальников Ивана Корюка с товарищи у того же Филипа Оболянинова объявилось на его подворье мяхкой рухляди пятьдесят один песец белые да семьдесят белок, да шуба белья хребтовая без пуху, да шубейко белье малое. И той мяхкой рухляди тот Филип отводу не дал же, у ково он тое мяхкую рухлядь покупал и продавцов на лицо не поставил же. И те ево песцы и белки, и шубы взяты на государя.

Июня в 28 день ехал ис Томского города к Русе через Камень мимо Собскую заставу ярославца Аникия Скрыпина прикащик Ивашко Офонасьев. А у него по досмотру сверх проезжей ево грамоты объявилось одиннатцеть рублей семь алтын две деньги денег. И на Собской заставе таможенные и заставочные головы Лука Плесовской да Первой Ружников того Ивашка допрашивали, чьи у него

деньги, ево ли или чьи посыльные. И тот Ивашко сказал в роспросе: «Деньги де мои, а не посыльные, а везу де их для проезду своего». И у того Ивашка те деньги, одиннатцеть рублей семь алтын две деньги, взяты на государя.

Да у него ж, Ивашка, сверх же ево проезжей грамоты объявился кавтан соболей с пухом, покрыт мухояром ветхим черчатым. И тот у него кафтан взят на государя и протаможье на нем за то взято же. И писаны те протаможенные деньги в обдорских в приходных книгах в его проезде.

Июля в 11 день таможенные и заставочные головы Лука Плевоской да Первой Ружников с целовальники досматривали у промысленных людей Максимка Юрьева да у Пронки Степанова, да у Ивашка Иванова, да у Исачка Мартемьянова, да у Якуньки Васильева, волочась в лотке русского товару и велели судно розкрыть. И усмотрел березовской служилой человек Рогожка Макарьев, у их судна плавает на воде мешечик. И тот Рогожка мешечик с воды перенял, а в мешечки зашит табак тертой. А тот табак в мешечке весь промокл, водою мокр. А того неведомо ис коих лодок тот табак на воду выкинут. И за то в пеню тот Максимко с товарищи, что у судна ево табак взят. И по государеву указу сажены на день да на ночь в тюрьму, и взято на нем, Максимке, и на товарищах ево пени с человека по два рубли по четыре алтына по полуторе деньги, всех денег взято десеть рублей дватцеть один алтын полторы деньги.

А табак высушили и весом того табака полфунта з двумя золотниками.

И обоего денег, что взято у Ивашка Офонасьева да у Максимка Юрьева с товарищи дватцеть один рубль дватцеть восемь алтын полчетверты денги.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1 Кн. 80. Л. 38—44 об.

5

Не ранее 23 декабря 1640 г. — не позднее 11 февраля 1641 г.

**Челобитная обдорских таможенных и заставочных голов
Д. Котельникова и Ш. Степанова с просьбой о разъяснении
правил сбора пошлин**

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси из Сибири сироты твои Березова города на Обдорской заставе таможенные и заставочные головы Митка Котелников, Шумилко

Степанов челом быют. В прошлом, государь, во 148-м году в Тобольском городе дан нам, сиротам твоим, государев наказ за приписью дьяка Ондreja Галкина как збирати на Обдорской заставе твоя государева десятуя и проезжая и печатная пошлина. И в том твоём государеве наказе написано: «Которые торговые и промышленные люди поедут из сибирских городов к Руси через Камень с товары с соболями и со всякою мяхкою рухлядью и з денгами, а на Обдорской заставе торговать не учнут и тех людей пропускати по тем же проезжем грамотам, ис которых городов им даваны от воевод за твоими государевыми печатми. А проезжие и печатные пошлины у тех людей с соболей и со всякой мяхкой рухляди имать не велено, что с тех товаров десятая и печатная пошлина взята в тех городех, ис которых они отпущены, чтоб им в сибирских городех с тех своих товаров печатная пошлина платить было не вдвое, в том бы им убытков лишних не чинить». А в приправочной, государь, книге 147-го году, которую нам отдали прошлые заставочные головы Офонасей Чебаевской да Григорей Тарамшин написано, которые торговые и промышленные люди ехали из Монгазеи по монгазейским проезжим грамотам за твоею ж государевою монгазейскою печатью с соболями и со всякою мяхкою рухлядью <на Русь>, а на Обдорской заставе не торговали ж, и те, государь, у них соболи и всякая мяхкая рухлядь приценевана при монгазейской с прибавкою, и проезжие грамоты переписываны, и печатная пошлина имана по деньге с рубля неведомо почему. И мы, сироты твои, сверх наказу против приправочной книги с монгазейских с торговых и с промышленных людей, которые люди и не торговали соболями, и всякую мяхкую рухлядь приценивали ж и проезжие монгазейские переписывали ж и печатную пошлину по денге с рубля имали ж. А которые, государь, торговые и промышленные люди ехали мимо Обдорскую заставу с соболями и со всякою мяхкою рухлядью ис Тобольска и с Томского, из ыных сибирских городов, и из Енисейского, и с Лены по проезжим грамотам, а на Обдорской заставе не торговали, те люди до нас, сирот твоих, с товары своими в прошлом во 147-м году и при нас во 148-м году отпущаны против твоего государева наказа. А соболи и всякая мяхкая рухлядь не приценивана и проезжие не переписываны. И о том нам, сиротам своим, впредь что ты, государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, укажешь. А в Тобольском государь мы, сироты твои, о том твоим государевым воеводам докладывали, и оне нас, сирот твоих, в Тобольском указу не учинили, а без твоего

государеву указу тое твоей государевы печатные пошлины против прошлых таможенных голов правочных книг не иметь не смели. А с Москвы, государь, ис Казанского дворца нам, сиротам твоим, твой государев наказ декабря по 23 де не прислан.

Отметка о подаче: 149 г февраля в 11 де падал тобольской сын боярской Иван Астраханец.

Помета: Выписать о той пошлине не из московского и ис тобольского наказов как о той пошлине не указано. А тех прежних голов Офонася Чебаевского и Григорья Тарамшина велеть с приставы прислать к Москве.

РГАДА Ф. 214. Д. 65. Л. 303—304

6

1654/55 г. Челобитная Березовского подьячего Матвея Романова с просьбой послать его с таможенными головами на Собское устье и Обдорскую заставу

Государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа великия и малыя России самодержцу бьет челом холоп твой Березовского города съезжей избы подьячишко Матюшка Романов. По твоему государеву указу велено быть на Березове и в Собской и на Обдори в таможене в подьячих трем человеком Дмитрею Шахову да Первому Маркову да Василию Давыдову, и из них по твоему государеву указу велено з Березова посылать в летнее время в Собскую заставу и на Обдор с таможенными головами в таможеню в подьячие двух человек. В нынешнем, государь, во 163-м году судом божьим один подьячей Первой Марков, которой ездил с таможенными головами в Собь и на Обдор умер. А я, холоп твой, на Березове сежу у твоего государева дела в съезжей избе с товарищем своим с Иваном Дружининым Самдраг. В то летнее, государь, время на Березове в твоей государеве в съезжей избе бывает твоих государевых дел мало, мочно те дела в съезжей избе ведать и одному подьячему.

Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа великия и малыя России самодержец, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне, холопу твоему, у своего государева дела на Березове в съезжей избе в подьячих в зимнее время быть по-прежнему, а в летнее время вели, государь, меня, холопа своего, посылать з Березова вместо прежнаво таможенново подьячева Первово Маркова в Обдорскую заставу в таможеню в подьячие. И тебе, государю, стану служить на Березове в съезжей избе и в таможене и

в Соби и на Обдори с прежним твоим государевым жалованьем с прежним окладом. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета на обороте: Дать грамота против челобитья.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 496. Л. 70—70 об.

7

1655 г., 30 декабря. Указ об удовлетворении просьбы М. Романова

От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великие и малые России самодержца в Сибирь на Березов воеводе нашему Сергею Андронниковичю Малово. По нашему указу велено быть на Березове у нашего дела в съезжей избе в подьячих в зимнее время подьячему Матвею Романову по-прежнему, а в летнее время <указав ему> *послать* ево, Матвея, <з Березова посылать> с таможенными головами в Собское устье и на Обдорскую заставу. И как к тебе ся наша грамота придет и ты б подьячему Матвею Романову велел быть зимою у нашего дела в съезжей избе, а летом велел ему, Матвею, быть у нашего дела в Собском устье и на Обдорской заставе *в таможене* с таможенными головами в подьячих.

Писан на Москве лета 7164 г декабря в 30 день.

Там же. Л. 71

8

1655 г., не ранее 20 сентября — 1656 г. не позднее 26 января. Отписка березовского воеводы С. Малово об изъятии денег из обдорских таможенных доходов на жалованье служилым людям

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа великия и малыя Росии самодержцу холоп твой Сережка Малово челом бьет. В нынешнем, государь, во 164-м году сентября в 20 день боли¹³ челом тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа великия и малыя Росии самодержцу, а мне, холопу твоему, на Березове в съезжей избе Березова города дети боярские Олексей Лихачов, атаман Иван Аргунов, служилые люди пятидесятник Васка Чомпин и во всех березовских служилых людей и ружников и оброчников место подали челобитную, а в челобитной их написано, в прошлых де годах по твоему государеву указу

¹³ Описка, должно быть «били»

имываны были у обдорских таможенных голов из обдорских таможенных доходов на Березове деньги и им, березовским служилым людям, в твое государево денежное жалование в их оклады давано. А ныне де с Москвы на Березов твоего государева денежного жалования нынешнаго 164-го году сентября по 17-е число ничово не послано и им де березовским служилым людям бес твоего государева денежнаго жалования с стыда и з голоду будет помереть и, чтоб нам, государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа великия и малыя России самодержец, их, березовских служилых людей, пожаловали велели бы на Березове из обдорских таможенных денег¹⁴ у обдорских таможенных голов у Герасима Протасьева да у Якова Родионова мне, холопу своему, взять и в твое государево денежное жалование в их оклады на прошлые на 162 и на 163 год для ради их великие нужи и бедности роздать. И я, холоп твой, по челобитью березовских и служилых людей сына боярсково Олексея Лихачова с товарищи у обдорских таможенных голов у Герасима Протасева да у Якова Родионова собских и обдорских таможенных доходов, видя их, служилых людей, прямую скудость взял на лицо пятьсот семдесят сем рублей дватцать алтын полчетверты деньги. И сколько, государь, денег березовским служилым людям и ружником и оброчником на прошлой на 162 год их оклады додал все сполна, а на 163 год им же, березовским служилым людям и ружником, и оброчником, велел роздать твоево государева денежнаго жалования по невелику. А иные деньги велел я, холоп твой, оставить на всякие березовские неокладные расходы, а для того, государь, у таможенных голов у Герасима Протасьева да у Якова Родионова я, холоп твой, те собские и обдорские таможенные зборные деньги на Березове в твою государеву казну взял, что, государь, в прошлом во 163 м году и в нынешнем во 164 м году с Москвы ис Тобольска на Березов против пометново списка денег ничово не прислано, а которые, государь, деньги при мне, холопе твоём, собраны были на Березове в таможную, и те деньги я, холоп твой, роздал березовским служилым людям в твое государево жалование в их оклады на нынешней на 164 год для твоей государевы даурские службы.

Резолюция: Писать <тебе> в Тоболеск велеть те заставочные деньги на Березове давать березовским *служилым людям* ружником и оброчником в жалование, а в Тоболеск их не возить, только голову считать в зборе и в расходе в Тобольску и на Березов о том

¹⁴ Описка, должно быть «денег»

письть велети деньги давать березовским служилым людям и ружником и оброчником в жалованье.

Отметка о подаче: 164 г генваря в 28 день з березовским казаком с Елисеем Лукьяновым

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 496. Л. 203—205.

КОММЕНТАРИИ

Документ 1

Сыск о злоупотреблениях таможенных и заставочных голов А. Чебаевского и Г. Тарамшина по челобитным тобольских посадских людей, служивших вместе с ними на Березове, Обдоре и Собском устье проводился трижды. Первое расследование было проведено тобольскими воеводами М. Темкиным-Ростовским и А. Волынским осенью 1638 г. Второе следствие было поручено новым тобольским воеводам П. Пронскому и Ф. Ловчикову осенью 1639 г. Третье разбирательство проводилось в Москве Сибирским приказом в 1641—1642 гг. А. Чебаевский и Г. Тарамшин были вызваны в Москву. Очевидно, этот вызов был связан и с событиями, изложенными в документе 5.

Документ 2

«чтоб тот Дружинка отнюдь меденые корчомы не держал»

Речь идет о частном производстве и продаже спиртных напитков. В XVII в. к спиртным напиткам относились водка и спирт, мед, пиво, брага хмельная. Для общего обозначения всех алкогольных напитков применялось слово «вино».

Документ 3

Львов Петр Дмитриевич, князь, был на воеводстве в Сургуте с 1633 по 1635 гг. Очевидно, уже готовясь к отъезду из Сибири и учитывая ограничения для воевод и их семей на вывоз пушнины, П. Львов пытался с данной оказией вывезти незаконно часть своих мехов.

Строев Андрей Евдокимович служил дьяком в Томске с 1633 по август 1635 г.

Егулов-Черкасский Никита Иванович, стольник, князь служил воеводой в Томске с 1633 по август 1633 гг.

Племянников Андрей Андреевич служил воеводой в Енисейске с 1633 по 1635 гг.

Плещеев (Мешок) Алексей Афанасьевич был на воеводстве в Березове с 1633 по 1635 гг.

Загоскин Иван Андреевич служил воеводой в Надыме с 1633 по 1635 гг.

Толчанинов Афанасий Михайлович назначен воеводой в Березов 21 января 1635, находился на этой должности с 1635 по 1639 гг.

Сведения о сроках службы воевод и дьяка были взяты из кн.: Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 152, 155, 162, 167, 176).

Документ 4

«И вино и мед, и табак иметь и отдавать в государеву казну»

Тема «вина, меда и табака» отсутствует в преамбуле обыскной книги лета 1635 г. (Документ №3), а появляется только в данной обыскной книге осени 1635 — лета 1636 гг. Возможно, это связано с тем, что летом 1635 г. у таможенных голов не было прецедента, чтобы об этом вспомнить, а следующим летом такая ситуация возникла.

Данная запись в преамбуле книги свидетельствует о том, что в Сибири существовала государственная монополия на торговлю этими товарами. Официально курение и распространение табака в России было запрещено. В 1633/34 г. царем Михаилом Федоровичем был подписан указ, предписывавший самое суровое наказание, вплоть до смертной казни, «чтоб нигде русские люди и иноземцы всякие табаку у себя не держали, и не пили, и табаком не торговали» (См.: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986. С. 160). Несмотря на этот запрет само правительство продавало табак в Сибири. (См.: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Комментарии. Л., 1987. С. 175—176). В 1646 г. были предприняты практические шаги по организации табачной торговли за Уральским хребтом, но в декабре 1648 г. сибирский эксперимент закончился. В статье 11 главы 25 Соборного уложения 1649 г. запрет 1633/34 г. был восстановлен. Существует мнение, что на практике правительство более мягко относилось к частной торговле табаком и к употреблению табака, чем это было провозглашено указом 1633/34 г. (См.: Соборное уложение 1649 года. Л., 1987. С. 134, 397—398). Запись от 11 июля 1636 г. в публикуемой обыскной книге также свидетельствует об этом. Для

таможенных голов было очевидным, что табак был выброшен с лодки Максима Юрьева и его товарищей. При наказании Л. Плесовский и П. Ружников руководствовались государственным указом, согласно которому М. Юрьев был посажен на сутки в тюрьму и оштрафован по 2 руб. 12 коп. 1,5 деньги с человека.

Также необходимо обратить внимание на то, что конфискованные меха и деньги должны были отправляться в Москву, а вино, мед и табак передавались в государственную казну на Березове. Следовательно, предполагалось, что местные власти от лица государства могут это реализовывать.

Документ 6

Дмитрий Шахов — служил подьячим на Собской и Обдорской заставах с 1638 г. с таможенными головами А Чебаевским и Г. Тарамшиным. Среди многочисленных обвинений в адрес последних тобольские посадские люди заявили, что Д. Шахов попал на эту должность незаконно благодаря своим родственным связям с головами (см. документ № 1). В связи с этими обвинениями он был отстранен от таможенной службы в 1639 г. Но поскольку обвинения были безосновательными, Д. Шахов обратился с просьбой провести расследование по данному факту (см.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 83. Л. 424) Судя документу № 6 справедливость восторжествовала, в 1654/55 г. он служил в прежней должности.

Словарь

Ведать — знать.

Воровать — преступить законы, совершить любое преступление.

Горлатный — мех с горла зверя.

Доправить — выполнить до конца, получить долг полностью.

Дощаник — речное парусно-гребное одномачтовое судно.

Живот — имущество.

Заповедь — приказание, наказ, повеление.

Зернь — азартная игра в кости.

Изгона, изгонь, изгони — обида, насилие.

Индяк (индиг) — синяя краска.

Испод — подкладка.

Кабала — обязательство.

Камень — Уральские горы.

Коч — северорусское морское судно, приспособленное для речных плаваний.

Кошлок — молодой бобер, бобренок.

Мягкая рухлядь — меха, пушнина.

Лагунчик — бочка, боченок.

Лалетин, лалич — житель г. Лальска.

Нагольный — непокрытый тканью, сделанный из одного меха.

Недопесчатые — сделанные их меха молодого или летнего песка, с неполной остью.

Неокладные расходы — городские расходы, которые не были запланированы центральной властью и на них не было целенаправленного финансирования из Москвы.

Неявленный товар, деньги — непоказанный на таможене.

Новокрещен — представитель аборигенного населения, принявший православие.

Окол — опушка у шапки.

Пеня - штраф.

Пластинная — сделанная из меха, срезанного со спины животного.

Поволока — тканое покрытие.

Поволочены - покрыты.

Подскор — мех крытой шубы.

Подчеревеси (подчеревье) — мех с подбрюшья животного.

Пожитки - имущество.

Полтя свиного мяса — полтуши свиньи.

Пометный список — список лиц, получавших государственное жалование; список расходов, запланированных центральной властью на предстоящий год.

Посул — взятка.

Портищное — сделанное из ткани, предназначенной для шитья одежды.

Правеж — наказание с целью получения долга.

Править — наказывать с целью получения долга.

Приценка — увеличение цены, набавка к цене.

Продажа — разорение.

Прошал — просил.

Пупчатый — часть шкурки зверя, вырезанная с брюха.

Оброчники — лица, получавшие государственное жалование.

Ружники — лица, получавшие государственную ругу, т.е. средства на содержание, например, церковно- и священнослужители.

Рьясь — злясь, горячась.

Седелец (сиделец) — лавочник, торгующий в лавке хозяина.

Ферезь — верхняя комнатная одежда без перехвата и воротника.

Черевьи — мех с брюха животного.

Черес — кошель в виде рукава, в котором носили деньги, опоясываясь под одеждой.

Ценинный — окрашенный в цвет ценины (полива, мурова).

Черные книги — черновики, черновые записи.

НАДЫМСКИЙ ГОРОДОК В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ XVII—XVIII ВВ.

С 1998 г. на территории ЯНАО под руководством О.В. Кардаша проводятся регулярные археологические раскопки Надымского городища, расположенного фактически на острове, образуемом протоками р. Надым, в 25 км от впадения реки в Обскую губу. Богатейшая коллекция предметов материальной культуры XVII века и более раннего времени (аборигенного и русского происхождения) делает этот археологический памятник уникальным и во многом ключевым для уяснения этноконтактов в районах между низовьями Оби и Тазом [1].

Археологическое обследование Надымского городища естественным образом приводит к мысли обнаружить его следы в письменных источниках. Комплексное изучение легендарной Мангазеи (русский город на р. Таз, существовал в 1601—1672 гг.) является здесь ближайшим и соблазнительным примером. Однако если при исследовании Мангазеи в начале было «слово» (еще до археологических раскопок история Мангазеи была воссоздана в работах П.Н. Буцинского и С.В. Бахрушина), то в основе интереса к Надымскому городку лежит «дело», т.е. изучение его материальных остатков. И на этом несходство Мангазеи и Надымского городка только начинается. Образно говоря, среди массива архивного материала «мангазейские» и «надымские» документы похожи соответственно на лопату и иголку в стоге сена.

Поиски Надымского городка в библиотеках и архивах приводят к убеждению, что он «расположен» на перекрестке по крайней мере трех научных тем: 1) Этнической истории автохтонного населения Нижнего Приобья; 2) Истории русской колонизации Северо-Западной Сибири в XVI—XVII вв.; 3) Истории географических открытий, связанных с освоением Северного морского пути. Пожалуй, первым интерес к Надымскому городку проявил М.И. Белов, известный историк географических открытий и землепроходческого движения в Сибири. Изучая морские и сухопутно-речные пути в Мангазею, М.И. Белов пришел к выводу о существовании Надымского городка уже в XVI в. и о его важном транзитно-торговом значении. В своей большой работе о Северном морском пути М.И. Белов писал: «Сла-

вой торгового города на Оби (возможно, до построения Мангазеи) пользовался Надым, расположенный среди кочевьев ненцев, на полпути от Березова к Тазовской губе. Надым, как один из самых северных торговых пунктов Обско-Тазовского района, привлекал к себе внимание купцов выгодностью своего положения» [2]. Заметим, что весь процитированный текст — не более чем догадки М.И. Белова, который, впрочем, и сам признавал, что о судьбе Надымского городка «почти ничего не известно» и что его предположения основаны на более поздних данных лейтенанта Д.Л. Овцына.

Дмитрий Овцын командовал одним из отрядов Великой Северной экспедиции и имел задание пройти морским путем из устья Оби к устью Енисея. После трех неудачных попыток Д.Л. Овцын в навигацию 1737 г. осуществил свое историческое плавание. Наше исследование архивных материалов экспедиции Овцына подтвердило наличие в них фразы, уже известной М.И. Белову, и не обнаружило новых данных о Надымском городке. Описывая свое первое плавание вдоль южного побережья Обской губы (июнь 1734 г.), Овцын, в частности, рапортовал: «И прошед прежней городок Надым, которой разорен от самоеди, ниже онаго верст со сто выгрузя из дощеников морской провиант и припасы на дубель-шлюпку» и т.д. На этой, собственно, информации и строил свои предположения М.И. Белов. Исходя из своих научных интересов, он был склонен считать городок в низовьях Надыма русским торгово-промысловым поселением.

Еще более М.И. Белов укрепился в этом мнении после находки в 1969 г. рукописи середины XVII в. (так называемого Пинежского летописца), в которой есть краткая запись о промысловой экспедиции из Поморья в районы Мангазеи, начавшейся в 1597 г. По словам летописца, «Юрье Долгушин устьцылемец да пан литовской полоненик да Смирной Пинежанин лавелец первые Мунгазею проведали: Надым реку, а на другой год Таз реку» [3]. Основываясь на этой фразе, М.И. Белов высказал следующее предположение о городке на Надыме: «В XVI в. там было построено какое-то поселение, очевидно находилась стоянка торговых и промышленных людей — опорный пункт для тех, кто шел на реку Пур и Таз. Возникло это становище раньше города Мангазеи и в какой-то мере заменяло его, являясь своего рода центром промыслового освоения Обско-Пуровского района» [4]. От локализации этого поселения на Надыме М.И. Белов по вполне понятным причинам уклонился.

Как мы могли убедиться, оба сообщения (Овцына и автора Пинежского летописца) не дают никаких надежных оснований утверждать, что в XVI—XVII вв. на р. Надым существовал русский городок. Зато после недавней публикации на русском языке путевых описаний первого историка Сибири Г.Ф. Миллера стало ясно, о каком городке упоминал Овцын. Будучи в Березове в 1740 г., Миллер собирал устные сведения о реках, расположенных восточнее Оби. Среди информаторов историка были остяки и самоеды Березовского уезда. Очевидно, с их слов Миллер записал сведения о существовавшем до 1730 г. остяцком поселении на западной стороне р. Надым, в 25 верстах от ее устья. Здесь проживало 40 семей остяков, которые «из-за угрозы нападений самоедов... укрепили пункт острогом из палисада»; городок носил название Nadingwasch. Миллеру сообщили, что в 1730 г. большинство остяков Надымского городка умерли от голода, а оставшиеся 10 человек перебрались в Обдорск; «с того времени острог вместе с юртами разрушился» [5]. Нет сомнений, что информация и Овцына, и Миллера относилась к одному и тому же остяцкому городку в низовьях Надыма.

Итак, располагая достоверными свидетельствами о гибели Надымского городка в 1730 г., мы имеем все основания искать его в более ранних документах. Между прочим, из сообщения Пинежского летописца отнюдь не следует, что участники экспедиции 1597 г. видели сам городок или зимовали там. Как мы помним, речь шла о том, что они «проведали» реку Надым. Возможно, первое упоминание Надымского городка в письменном источнике следует искать в документе, написанном на английском языке. Известно, что после появления в 1553 г. в устье Северной Двины английских судов в Лондоне была образована торговая Московская компания, агенты которой получили разрешение действовать в России. Менее известно, но бесспорно, что еще задолго до похода Ермака русские поморы совершали торгово-промысловые экспедиции в низовья Оби и районы к востоку от нее (чего автор Пинежского летописца, видимо, не знал). В 1584 г. служащий Московской компании Энтони Марш, находившийся в Москве, получил письмо от четырех русских промышленников-поморов, которых он (за спиной компании) нанимал для торговой экспедиции на Обь. Письмо сохранилось до нашего времени в английском переводе, и туземные названия нижеобских городков, перечисленных в нем, подверглись двойному искажению — в русском и английском звучании.

Промышленники назвали пять известных им городков, расположенных в низовьях Оби. Tesuoi Gorodok находился, по словам поморов, в устье р. Пады. Еще Г.Ф. Миллер зафиксировал, что р. Собь имеет самоедское название Padi-ja, а недалеко от ее впадения в Обь ранее находилась остяцкая крепость Соб-ваш. Во втором поселении (Nosoro-gorodok) легко опознается Носовой городок — резиденция обдорских князей. Нас в данном случае интересует последний городок, расположенный, как можно предположить, на освоенном пути русских промышленников в далекую «Мунгазею». В источнике сказано: «Пятый — Надежная (Nadesneaa), т.е. крепость спокойствия и доверия. Она стоит на реке ниже всех других городков и ближе к морю» [6]. Если вспомнить записанное Миллером название городка на Надыме (Nading-wasch), то не будет большой ошибкой предположить, что в русском звучании название городка трансформировалось в слово «Надежный».

К сожалению, между известием 1584 г. и следующими достоверными упоминаниями Надымского городка в русских источниках XVII в. существует большой хронологический пробел. В капитальном труде Б.О. Долгих, основанном на материалах ясачного учета XVII в., нет ни отдельной Надымской волости, ни собственно Надымского городка в составе Обдорской волости [7]. Тем не менее этот городок, трудноуловимый для русской администрации, существовал и формально входил в состав обширной Обдорской волости Березовского уезда. Письменных свидетельств об этом немного, и они заслуживают пристального внимания.

В 1643 г. березовскому воеводе была подана челобитная от имени всех остяков Обдорской волости, которых представляли князцы и «лучшие люди». Среди них перечислены «Моличко да Ермачко Мамруковы, Дурачко Корзепов, Нюптейко Надымской» и т.д. То, что имя Нюптейки следовало сразу за именами обдорских князей Мамруковых и их родственника Корзепова, свидетельствует о высоком статусе Надымского городка среди других поселений волости. О чем же просили самые северные ханты? Они жаловались на постоянный голод, так как с 1631 г. «от больших вод рыбного промысла не стало», и «остяки жены и дети свои для голоду продавали в работу». Обдорские ханты вспоминали, что раньше они добывали пушнину для уплаты ясака, меняя сухую рыбу и рыбий жир на меха, которые привозили к ним тундровые самоеды. Теперь, с прекращением торга с ненцами, им нечем было платить ясак, почему они и просили отсрочки в уплате. Заодно ханты просили ссудить

им из государственной казны муки, чтобы они «с женишками и с детишками с голоду в конец не погибли». К сожалению, нам не известно, как отреагировали на эту просьбу березовские власти [8].

В 1644 г. обдорский князец Молик Мамруков, приехав с ясаком в Березов, привез интересные для русских властей новости. Он рассказал, что по заданию обдорского ясачного сборщика Федора Игнатьева ездил по первому зимнему пути «на тундру и в Надым искать и призывать на Обдор с твоим государевым ясаком самоедь; и наехал де он, Молик, в Надыме обдорсково самоедина роду Ивасиды Сензехома». Тот поведал ему о том, как он рыбачил в низовьях Таза, где встретил ненца из своего рода Кырпу. Последний видел в Тазовской губе «у Пуровсково острову» разбитый коч (русское морское судно), о чем и рассказал Сензехому. К слову сказать, это был казенный коч из хлебного каравана 1643 г., когда, вследствие крушений в Обской губе, ни одно судно не дошло до Мангазеи. После отъезда Молика из Надыма там появился Кырпа «и в Надыме сказывал он... те ж речи Обдорские волости надымским остяком Тынину Нюптееву да Небаху Ленгиеву» [9]. Что можно извлечь из нашего документа? То, что существовал остяцкий Надымский городок, где не появлялись русские ясачные сборщики, но куда приезжал обдорский князец «призывать» самоедов к сдаче очередного ясака в Обдорске. Сами же самоеды, судя по всему, бывали в Надыме часто. Очевидно, что «лучшие люди», управлявшие жителями Надымского городка, передавали власть по наследству — Нюптейке Надымскому наследовал Тынин Нюптеев.

В другом документе кратко упоминается о том, что в 1651/52 г. «по государеву указу на Березове за воровство» был казнен Небах Ленгиев [10]. Надо сказать, что в XVII в. термин «воровство» включал в себя весьма широкий спектр преступлений, в том числе и любое противодействие русским властям. В чем конкретно обвинялся «лучший человек» Надымского городка Небах Ленгиев, нам неизвестно. Кстати, ясачный учет остяков Надымского городка все-таки велся: по очередному опросу березовских властей в 1650 г. «подросли в ясак» (т.е. достигли возраста 15 лет) Тыни Нюптиева брат и шурин [11].

В феврале 1652 г. в Березов был привезен ненецкий князец «Большой Карачейской земли» Пось Хулеев, уже вторично захваченный в Обдорске в качестве аманата (заложника). Вместе с ним в березовскую тюрьму были водворены еще три ненца. Сразу вслед за аманатами в Березов прибыли обеспокоенные остяки северных

районов уезда и подали в письменном виде челобитную, в которой просили освободить заложников. Просьба опять же мотивировалась тем, что они покупают у карачейских самоедов меха для сдачи в ясак; последние же, напуганные захватом заложников, перестанут появляться в Обдорске. Состав челобитчиков был обрисован так: «Березовского уезду Обдорские волости и иных волостей ясачные остяки князец Моличко Мамруков с братьями да Надымского городка Тынинка Нюптиев, Смагинко Шеголков с товарищи и во всех Обдорской волости и Надымского городка и иных волостей ясачных остяков место» [12]. Очевидно, что Надымский городок занимал какое-то особое место среди других остяцких городков Обдорской волости. «Лучшие люди» Надымского городка выступают перед русской властью почти на равных с обдорским князем, сохранявшим и при русском подданстве лидирующую роль среди северных остяков.

Можно предположить, что фактическая независимость Надымского городка от обдорских князей Мамруковых была обусловлена его расположением в районе кочевий ненцев Низовой стороны. В XVII в. «воровская юрацкая самоедь» проявляла значительную военную активность, доставляя немало хлопот русской администрации трех уездов — Пустозерского, Березовского и Мангазейского. Стремительные набеги самоедов веером простирались во всех доступных направлениях — западном, южном и восточном, а эпицентром, консолидировавшим северных кочевников для походов, были надымско-тазовские районы, прилегавшие к Обской губе. Лидирующую роль в походах сибирских тундровых ненцев играли князцы рода Большие Карачеи. Жертвами этих набегов становились и русские, и остяки, и самодийцы лесных родов. Надымский же городок тундровые самоеды, даже при конфликтах с обдорскими остяками, не трогали.

В 1656 г. на южном берегу Обской губы произошла трагедия, без которой, однако, не появился бы еще один документ, где зафиксирован Надымский городок. В ноябре 1656 г. мангазейский воевода Ларионов получил от местных ясачных ненцев тревожные сведения о судьбе судна, ушедшего к устью Оби. Вообще-то в августе этого года из Мангазеи отправились два коча, но в Обской губе они разлучились. Один коч «ушел на море», а второй из-за встречных ветров был вынужден вернуться в Мангазею. Первый коч, на котором в общей сложности находилось 40 человек, пропал. И вот Ларионов получил известия, согласно которым юрацкие

самоеды убили 40 русских людей, а коч сожгли. Произошло это «осенью перед снегом», недалеко от устья Таза, где «стояли те русские парусом покрыты на берегу». Самоеды какого именно рода учинили столь кровавое побоище, было не совсем ясно [13].

Одновременно сведения об истреблении людей с пропавшего коча начали поступать со стороны тундры и в Березов. Первым известие об этом получил атаман Иван Аргунов, прибывший в ноябре 1656 г. в Обдорск для сбора ясака. Аргунову же сообщил об этом не кто иной, как уже упоминавшийся князец Пось Хулеев, тогда же подошедший к Обдорску. Последний обвинил в нападении на коч род Адеров. По его словам, на коче были «многие люди». Аргунов доложил березовскому воеводе, что приезжали с ясаком ненцы и других родов, но ничего определенного узнать от них не удалось, потому что в Обдорск они не пошли, а «пометали» ясак на лед Полуя. Чтобы получить достоверные сведения о судьбе коча, березовский воевода указал Аргунову «послать с Обдори в Надым к морю русских служилых людей и обдорских ясачных остяков» [14]. Таким образом, данный документ совершенно определенно говорит, что Надымский городок был расположен у «морья» (т.е. в низовьях р. Надым, где его и обнаружили археологи). Выполняя приказ, Аргунов отправил в Надым двух казаков. Они благополучно съездили и, вернувшись, рассказали следующее. В Надымском городке им удалось расспросить лишь двух приезжих ненцев. Те сообщили только о коче с соболиной казной, которому из-за встречных ветров пришлось вернуться в Мангазею. А больше они якобы ничего не знали. Очевидно, что между Обдорском и Тазом Надымский городок был единственным стационарным поселением. Нет сомнений и в его тесных связях с тундровыми самоедами.

В начале 1660-х годов среди остяцкого населения Березовского уезда зрел масштабный заговор, имевший целью захват города и установление власти обдорского князца Ермака Мамрукова под верховным сюзеренитетом потомка хана Кучума Девлет-Кирея. Планируемое нападение на город весной 1662 г. не состоялось, так как остякам не удалось привлечь в союзники обдорских ненцев. Это подтвердил сам Пось Хулеев, прибывший в Березов в феврале 1663 г. и заявивший, что он со своим родом не собирался участвовать в «измене» Ермака Мамрукова, несмотря на призывы последнего. Интересно, что среди организаторов восстания русские власти подозревали и некоего Смагина Щеголдаева, которого можно смело отождествить с «лучшим человеком» Надымского городка Смагин-

кой Щеголковым. Приведенный на Березове к пытке, Смагин рассказал, что ненцы уже захватили Пустозерский острог, и нарисовал масштабную картину избиения самоедами русских ясачных сборщиков в Мангазейском уезде. Сведения эти были по большей части ложными, но интересен сам источник слухов о действиях ненцев в местах, разделенных огромными расстояниями. Только Надымский городок мог являться таким своеобразным аккумулятором разных новостей, приносимых из ненецких тундр. Судьба же самого Щеголкова-Щеголдаева оказалась трагичной. Воевода Давыдов, явно превысив свои полномочия, вынес по итогам следствия смертный приговор 14 осяткам, представлявших все 9 волостей Березовского уезда. Их список открывали князец Ермак Мамруков и Смагин Щеголдаев [15]. Это, кстати, недвусмысленно свидетельствует о значимости Надымского городка в глазах русской администрации.

В 1678 г. сыновья Пося Хулеева Маулка и Игонка привели под Обдорск около 400 воинов разных родов тундровых ненцев и 6 дней осаждали городок. Самоеды имели намерение «князца Гынду Моликова с товарищи убить и всех обдорских остяков разорить». Услышав о посылке из Березова на помощь Обдорску отряда казаков, вожди самоедов «побежали на прежние свои жилища, откуда пришли — с мангазейской стороны из Надыма» [16]. Очевидно, что между тундровыми ненцами и надымскими хантами существовали прочные связи, основанные на взаимовыгодных услугах.

Не приходится сомневаться, что в XVII в. ненцы, имея они желание, могли бы легко выжить хантов с низовьев Надыма. Нам пока неизвестно, что послужило причиной распада этого союза к 1730 г. Как мы помним, согласно информации Г.Ф. Миллера, остяки Надымского городка вымерли от голода. По данным лейтенанта Овцына, который побывал в Надымской губе в 1734 г., городок разорили самоеды. Эти известия, видимо, не противоречат друг другу. Нарушение политического союза и хозяйственных связей с тундровыми самоедами, которые, возможно, взяли островной городок в осаду, могли легко привести к тотальному голоду населения Надымского городка.

Несколько особняком в ряду известий о Надымском городке стоят картографические данные чертежей С.У. Ремезова. В так называемой «Хорографической книге» Ремезова (рубеж XVII—XVIII вв.) содержится чертеж «Море Мангазейское с урочищи» [17]. На этом чертеже, довольно далеко от устья Надыма, есть условное обозначение — кружок с точкой. Этим знаком Ремезов обозначал укреп-

ленное поселение. Рядом идет пространная подпись: «От усть губы вверх до городка ход парусом 8 ден, до низ 3 дня». Рядом с обозначением городка находится еще один условный знак — буква «в» в кружке и подпись «надымская». Это означает, безусловно, «волость Надымская». Чертеж С.У. Ремезова противоречит всем известным письменным источникам. В своей другой картографической работе («Чертежная книга» Сибири 1699—1701 гг.) Ремезов несколько по иному изобразил поселение на Надыме. В верховьях реки он поместил юрты (но не городок!) Надымские с подписью: «До Обдорска водным зимним путем 7 дней хода». Ремезов явно имел ввиду зимний путь по р. Полуй, чьи верховья изображены у него рядом с верховьями Надыма. Приходится констатировать, что реально существовавшего в низовьях Надыма городка Ремезов не знал, а в целом о поселениях на р. Надым имел смутные представления.

Представляется, что остяцкий городок в низовьях Надыма являлся крайним форпостом ранней экспансии угров на территории Нижнего Приобья. Вспомним, что княжество Обдор и «обдорцы» уже зафиксированы в мирном договоре, заключенном в Усть-Выме в 1484 г. между югорскими князьями и русской стороной. Отмеченная для XVII в. связь между обдорскими князьями и Надымским городком не представляется случайной. Угры проникли в бассейн Надыма с запада, со стороны Обдора, когда местное самодийское население было достаточно слабым, чтобы противостоять пришельцам. Будет нелишним напомнить, что еще в 1525 г. самоеды, «которые живут по реке Оби», жаловались московскому князю Василию III, что их «воюет» югорский князь Кутыгей [18]. Надымские остяки сумели создать хозяйственный и политический симбиоз с более древним самодийским населением, в основном не смешиваясь с ним этнически. Но уже в XVII в. ситуация изменилась. С переходом к крупнотадному оленеводству тундровые самоеды обрели военное превосходство и возможность консолидации. В 1730 г. остяцкое население в низовьях Надыма было или уничтожено, или изгнано.

Впрочем, ненадолго. Когда этнографы утверждают, что ханты появились в бассейне р. Надым довольно поздно, то речь идет, с нашей точки зрения, о второй миграции. Исследователь северных хантов Е.В. Перевалова пишет: «Бассейн р. Надым был самой отдаленной северо-восточной территорией расселения хантов, где они появились на последнем этапе своего продвижения на север (при-

близительно в XVIII—XIX вв.) [19]. Совершенно обоснован вывод Е.П. Мартыновой, обратившейся к архивным источникам: «Материалы статистического учета коренного населения конца XVIII — середины XIX вв. (ревизские переписи) показывают, что по Надыму проживали остяки-ханты, приписанные к Надымскому городку» [20]. Начиная с работ Г.Д. Вербова (1930-е гг.), этнографы, обращаясь к хантыйскому населению р. Надым, проследили процесс его постепенного «оненечевания», ярко выраженный уже в начале XX в. Однако во второй половине XVIII в. в низовьях Надыма проживали именно остяки, еще не утратившие своих языковых и культурных особенностей.

Таким образом, письменные источники воссоздают следующую ситуацию: в 1730 г. древний Надымский городок (нынешний объект археологического изучения) был заброшен, а ревизия 1783 г. зафиксировала в составе Обдорской волости «некрещеных остяков», приписанных к Надымскому городку. Надо учесть, что ревизские сказки 1783 г. составлялись путем опроса «лучших» остяков и самоедов согласно имеющимся данным предыдущей ревизии 1764 г. Это позволяет сделать вывод, что новый (или второй) Надымский городок существовал уже к началу 1760-х гг., а вторая миграция хантов в низовья Надыма имела место в середине XVIII в. Новый городок находился, предположительно, в устье р. Ярудей, т.е. тоже фактически в низовьях Надыма. Ориентированность брачных связей остяков городка также подтверждает это. В ревизской переписи 1783 г. в 19 случаях указано происхождение жен остяков Надымского городка. В 7 случаях жены принадлежали к самоедским родам (Карачеи, Ану-Карачеи, Ванюта), еще в 10 — были взяты из других остяцких городков (Обдорский, Выспослинский, Воксарский, Усть-Полуйский) и в 2 случаях происходили из самого Надымского городка [21].

От своих предшественников надымские ханты второй половины XVIII в. унаследовали как комплиментарные отношения с тундровыми самоедами, так и ориентацию на связи с хантами Нижней Оби (еще конкретней — Обдорской волости). Возможно, не следует считать 1730 г. резкой границей между двумя волнами миграций хантов в бассейн р. Надыма. Что касается старого Надымского городка, то его дальнейшее археологическое исследование откроет, возможно, и древность угро-самодийских контактов, и неизвестные страницы раннего проникновения русских промышленников на север Западной Сибири.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кардаш О.В. Надымский городок и русское освоение севера Западной Сибири в XVII веке (по материалам археологических исследований) // Русские старожилы. Тобольск-Омск, 2000. С. 60–62; Он же. Материальная культура населения низовий реки Надым в XVII – начале XVIII вв. (по материалам археологических исследований Надымского городища) // Самодийцы. Тобольск-Омск, 2001. С. 209–211.
2. Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. М., 1956. С. 108.
3. Копанев А.И. Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972. С. 80.
4. Белов М.И. Пинежский летописец о разведочном походе поморов в Мангазею // Рукописное наследие Древней Руси. С. 282–283.
5. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 260.
6. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1932. Т. 1. С. 187.
7. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.
8. Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сб. документов // Составители Вершинин Е.В., Визгалов Г.П. Екатеринбург, 2004. С. 26–27.
9. Там же. С. 32–33.
10. РГАДА. Ф. 214. Стб. 501. Л. 69.
11. Там же. Л. 70.
12. Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 39.
13. СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 21. Л. 246–247.
14. Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 44–45.
15. Там же. С. 56, 61.
16. Там же. С. 70.
17. The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov. Gravenhage, 1958. P. 115.
18. Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 11.
19. Перевалова Е.В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. С. 278.
20. Мартынова Е.П. К истории формирования надымских ненцев // Самодийцы. С. 136.
21. ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 43. Л. 101–103 об.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1

1643 г., не позднее августа 2. — Челобитная остяков Обдорской волости, в том числе Надымского городка, с просьбой об отсрочке в уплате ясака

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьют челом и плачутца бедные сироты твои государевы Березовского уезду Обдорские волости ясачные остяки Моличко да Ермачко Мамруковы, Дурачко Корзепов, Нюхтейко Надымской, Елдишко Тахтиев, Асилко Панляев, Козичко Кормалеев, Абызко Норисков и во всех товарищев своих обдорских ясачных остяков место.

С прошлого, государь, со 139-го года и по нынешней по 151-й год пришла на нас нужда великая: от больших вод рыбново [промы]-слу у нас не стало, терпим нужу ... по вся годы великой. И многие обдорские остяки [з же]нами и з детьми з голоду померли, а иные, государь, наша братья, остяки, жены и дети свои для голоду продавали в работу. И твоим государевым ясаком промышлять для голоду стало нечем. А в прежних, государь, годех, которого году летом больши рыбы добывали, и на ту сухую рыбу и на жир рыбей покупали у тундряные самоеди мяхкую рухлядь и платили твой государев ясак по вся годы. И в нынешних, государь, годех для голоду с тундры в Обдорскую волость к нам самоедь с торгом не приезжает. И у кого, государь, у нас есть и оленишка, и продать на мяхкую рухлядь некому. А лешево, государь, у нас промыслу в Обдорской волости нет, потому што у нас места тундряные и болотные, блиско к морю большему студеному. И ныне, государь, мы, сироты твои государевы, с тое ... и з голоду з женишками и детишками помираем голодною смертью, и твой государев ясак платить нечем, обнищали и обдолжали, наги и боси, и в конец погибли.

Милосердый государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси, пожалуй нас, сирот своих бедных, для нашии великие голодные нужи: вели, государь, нам дати в ясаке срок до 152-го году; и вели, государь, нам дати для голоду из своей государевой казны в цену муки, колько тебе, милосердый государь, Бог известит, чтоб мы, сироты твои государевы, з женишками и з детишками з голоду в конец не погибли и вперед твоего государева ясаку не отбыли.

Государь, царь, смилуйся, пожалуй.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 123. Л. 239—240. Подлинник.

2

1644 г., не ранее мая 21. — Отписка тобольского воеводы кн. Г.С. Куракина в Москву о разбитом в Обской губе коче и поездке обдорского князя Молика в Надымский городок

...В нынешнем де во 152-м году по первому зимнему пути посылал ево, Молика, с Обдори ясашной зборщик березовской сын боярской Федор Игнатьев на тундру и в Надым искать и призывать на Обдор с твоим государевым ясаком самоедь. И наехал де он, Молик, в Надыме обдорсково самоедина роду Ивасиды Сензехома, Сендомина брата. И сказывал де ему тот самоедин Сензехом, что в прошлом во 151-м и в нынешнем во 152-м году осенью по полой воде ловил он рыбу на реке на Тазу ниже Мангазейского города во днище. И осенью де ... [фрагмент текста утрачен] посыланы были из Тазовского города служилые люди в лотках на низ по реке по Тазу смотреть с моря кочей, которые кочи пошли в Мангазею из Сибири в прошлом во 151-м году. И ждали де кочей до заморозу, и кочи де в Мангазею и в Таз реку не бывали. И тот де самоедин Сензехом поехал на оленях с реки Таз к своему роду к самоеди ж и наехал де он самоедина своего ж роду именем Кырпу, Ямова брата. И тот де Кырпа сказывал ему, Сензехому, что видел он в Тазовской губе в нынешнем во 152-м году по первому зимнему пути у Пуровсково острову коч розбитой, да у коча две бочки полны вина, и того де он вина не имал, а русских людей у коча не видал никово. Да тот же де самоедин Кырпа сказывал ему, Сензехому: слышал он от иной самоеди же, что на том коче ехал в Мангазею дьяк Григорей Теряев, и с тово де коча русские люди пошли пеши зимним путем в Мангазею, а иные де кочи рознесло без вести.

Да после де его, Молика, приезжал самоедин Кырпа в Надым же. И тот самоедин Кырпа, Ямов брат, которой про то сказывал самоеди Сензехому, и в Надыме сказывал он, Кырпа, те ж речи Обдорские волости надымским остяком Тынину Нюптееву да Небаху Ленгиеву.

И я, холоп твой, Гришка писал на Березов к воеводе к Мелентью Квашнину, а велел ему про те кочи проведать подлинно, а проведав — отписать в Тоболеск тотчас. И з Березова воевода Мелентей

Квашнин в Тоболеск ко мне, холопу твоему, Гришке маия по 21 число не писывал. А какову, государь, отписку воевода князь Петр Ухтомский в Тоболеск писал, и мы, холопи твои, тое отписку послали к тебе ко государю под сею отпискою.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 134. Л. 435—436. Подлинник.

3

1656 г., не ранее декабря 26 — 1657 г., не позднее февраля 10. — Отписка березовского воеводы С.А. Малова о разбитом в Обской губе коче и посылке казаков в Надым

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу и государю царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии холоп ваш Сережка Малово челом бьет. В нынешнем, государь, во 165-м году послал я, холоп ваш, з Березова в Березовский уезд в Обдорскую волость для вашево государева ясачнова збору березовского казачья атамана Ивана Аргунова. И в нынешнем же, государь, во 165-м году ноября в 26 день писал ко мне, холопу вашему, с Обдори атаман Иван Аргунов: приезжали де на Обдор к городку карачейская самоедь князец Пось Хулеев и сказывал он, Пось, самоедцкому толмачю Проньке Пустозерцу: слышал де он, Пось, от карачейсково ж самоедина, что розбило де коч на море за Руским заворотом, а на коче де были многие русские люди. А того де они, самоедь, подлинно не ведают, из Монгазеи ли тот коч шел с вашею государевою ясачною казною или в Монгазею с хлебными запасы. И тех де русских людей убила обдорская ясачная самоедь роду Адер Онтай с товарищи трех человек, а достальные де русские люди побиты ль или живы — того де он подлинно не ведает. А к нему де, Ивану, в Обдорский городок он, Пось, чтоб ево подлинно про то распросить, сам не поехал и иной самоеди не прислал.

И я, холоп ваш, писал з Березова к нему, Ивану, на Обдор, а велел ему, Ивану, для подлинново ведома послать с Обдори в Надым к морю русских служилых людей и обдорских ясачных остяков, где тот коч розбило и какие люди на том коче были, и из Монгазеи ли они ехали с вашей государевою ясачною казною или в Монгазею с хлебными запасы, и есть ли хто тех русских людей живых или они все побиты. И декабря, государи, в 26 числе писал

ко мне с Обдори атаман Иван Аргунов на Березов, что посылал де он, Иван, для проводыванья того коча в Надым к морю березовских служилых людей Федьку Пустозерца да Гришку Нестулцова. И приехав де они, Федька и Гришка, из Надыми ему, Ивану, сказали: приезжали де к ним в Надым два монгазейские самоедына и в роспросе де им, Федьке и Гришке, сказали: которой де коч в прошлом 164-м году отпущен был из Монгазеи с вашею государевою казною, а на том де коче был монгазейской сотник Дементей Тишков с служилыми людьми, и они де за большими ветрами за море не попали и воротились назад в Монгазею и до Монгазеи де доехали здорово. Да он же, Иван, писал ко мне: после де тово приезжала к Обдорскому городку на реку на Пулуй многая карачейская самоедь с ясачным платежем. И он де, Иван, к той самоеди посылал самоедцково толмача Проньку Пустозерца и служилых людей и обдорских остяков и велел их с вашим государевым ясаком призывать в городок, чтоб они ваш государев ясак платили в городке. И они де, самоедь, в городок с ясачным платежем не пошли и в том им отказали, что де им в городок идти нельзе для того, что де они заворовали и видели де они на море на кошке стоит коч, а в том де коче бочка с солью, а ино людей в нем ничево нет. И убили де они, самоедь роду Адеров, гуляючи околь моря, с тово коча русских людей два человека. И против де тово коча нашли срублену рускую избушку и край моря на дороге семь нарт, только де они в той избе и у нарт русских людей не видали. И сказали де им те речи, ваш государев ясак пометали на реке на Пулуе на лед и сами де они, самоедь, и розъехались. А поймать де было ему, Ивану, их, самоедь, или иной какой промысел учинить было над ними немочно, потому что де их, самоеди, приехало людно и к городку де блиско не едут.

И то, государи, знатно, что тот коч послан был ис Тобольска в Монгазею с вашими государевыми хлебными и всякими запасы. И как, государи, на море тот коч розбило, и тех служилых людей та карачейская самоедь всех побила, а ваши государевы хлебные и всякие запасы по себе розвозила. А в зимнее, государи, время тое карачейские самоеди сыскать немочно, потому что они, самоедь, люди кочевные, в зимнее время живут, переходя на оленях с места на место, от Березовского уезду в дальних местех к морю и по сухим речкам и по тундрам. А естли вы, государи, изволите для сыску тое самоеди служилых людей послать, и тое самоедь в летнее время сыскать будет мочно, потому что та самоедь в летех

выезжает для рыбных ловлей край моря и живет по островам. А
преж, государи, сего та самая ворovala ж: многие ваши государе-
вы казны на Камени грабила и русских людей побивала ж. И по тое
самоядь посылали сыскивать на море в кочах в летнее ж время. И о
том ты государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа
Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец и государь царевич и
великий князь Алексей Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя
Росии мне, холопу своему, как укажете.

На л. 10 об. отметка о подаче: 165 г. февраля в 10 день
подал березовский казак Васька Котельников.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 503. Ч. 1. Л. 10—13. Подлинник.

ХРИСТИАНСКОЕ ОСВОЕНИЕ ОБДОРСКОГО КРАЯ

Обдорский край, состоявший первоначально из Обдорской волости на севере Березовского уезда, а потом включивший и весь Ямал, занимал особое положение на территории Северо-западной Сибири. Его районы позднее других вошли в сферу русского влияния и в наименьшей степени испытали давление русской государственной и социальной систем. Народы Обдорского края, ханты, манси и ненцы, известные по русским источникам XVII в., как «остяки» и «самоядь» хотя и подверглись христианизации, но сам этот процесс начался значительно позднее и имел свои особенности.

Отношение российского общества и государства к религиозным традициям народов Сибири в XVII в. было аналогично тому, какое формировалось и у других христианских народов и государств, сталкивавшихся с нехристианскими традициями населения колонизируемых территорий. Это, с одной стороны, — страх перед неизведанным феноменом, а с другой — естественное любопытство. Политика Русского государства характеризовалась сдерживанием распространения православия в среде народов Сибири и отсутствием миссионерской деятельности на протяжении всего XVII в. Опасаясь вооруженных выступлений со стороны коренных народов, правительство придерживалось точки зрения, что лучше иметь дело пусть с некрещеным, зато мирным населением.

Что касается Русской православной церкви, то она, хотя и была заинтересована в религиозном просвещении народов Сибири, не располагала в XVII в. необходимыми средствами для осуществления этой миссии и была в этом отношении подчинена власти светской. Наконец, на протяжении всего XVII в. законодательство запрещало использование насильственных методов крещения, однако поощряло добровольное принятие православия знатью и предусматривало привилегии для новокрещенов. Этому во многом способствовала система аманатства, получившая широкое распространение в ходе колонизации края. Подолгу проживая в русских городах, аманаты постепенно приспосабливались к новому образу жизни, перенимали элементы русской культуры, в том числе и религиозные традиции.

Несмотря на политику ограничения крещения среди народов Сибири, в районах постоянных контактов с русскими сложился слой

новокрещенов как в результате нарушения правительственных указов, так и за счет добровольного принятия крещения. Практически все случаи добровольного крещения были связаны с тем, что человек попадал в экстремальное положение. Пленение, истощение или полная утрата родовых угодий, сиротство, совершение преступления и неудачи в попытках завести семью создавали ситуации, из которых крещение предоставляло простой, а возможно и единственный выход. Православие создавало для таких людей, выпавших из родной среды или вступивших с ней в конфликт, возможность начать совершенно новую жизнь — жизнь служилого человека. Основной задачей, стоящей перед местной администрацией, как светской, так и духовной, было не допустить возвращения принявших православие к прежним верованиям. В частности, в грамоте митрополита Тобольского и Сибирского Павла, направленной в 1681 г. игумену Феодсию по поводу новокрещенов, предписывалось наблюдать строго за тем, как твердо хранят веру. Те, кто все же возвращался к прежним традициям и ритуальной практике, должны были быть заключены в монастырь в качестве наказания до тех пор, пока не покаются [1].

Самой северной точкой, где источники зафиксировали случаи крещения в XVII в., являлся Обдорск — центр Обдорской волости, входившей в состав Березовского уезда. Обдорский князь был приглашен для крещения в Москву, а в Обдорске была воздвигнута церковь во имя Василия Великого уже в 1602 г. [2]. Позднее Василий Обдорский был казнен по обвинению в участии в антирусском восстании и церковь осталась без прихожан. Какое-то время она еще посещалась проезжими русскими людьми, но к середине XVII в. прекратила свое существование.

Начало миссионерской деятельности: опыт всеобщей христианизации

Впервые вопрос о целенаправленном крещении народов Сибири был поднят уже в 1700 г. Этого, кстати, требовали и геополитические интересы России в Сибири, поскольку на духовное влияние среди сибирских народов претендовали буддисты Китая и мусульмане Османской империи. Петр I велел подобрать нового митрополита в Сибирь, «не только доброго и благого жития, но и ученого, дабы он, будучи митрополитом в Тобольске, мог, Божиею помощию исподволь, в Китае и в Сибири, в слепоте идолослужения закоснелых человек приводить в познание истинного Бога». В ре-

зультате в 1702 г. в Сибирские митрополиты был рукоположен Филофей Лещинский.

При этом Петру, вероятно, было любопытно, что все-таки представляли собой пресловутые сибирские шаманы. И в 1702 г. березовскому воеводе был отправлен указ: «послать в Москву трех или четырех человек шаманов, которые бы совершенно шаманить умели... вести их бережно и велеть им взять с собою, что к тому шаманству надобно и их не страшать, а сказать, что им будет... жалование». Воевода выполнил приказ лишь частично. Два ненца-шамана были доставлены в Березов в январе 1703 г. и допрошены в съезжей избе о том, «какое за ними есть шаманство». Позднее воевода разочарованно писал в Москву: «И те шаманы в бубен били и кричали, а иного... шаманства за ними нет никакого. И я к Москве послать их не посмел, чтоб в проезде от Березова до Москвы тех шаманов в кормех и подводах... казне лишней истраты не было, а в других волостях шаманов не сыскано». Из Москвы воеводе гневно указали, что он был неправ, не послав шаманов, и если впредь не пришлет «ради своих каких отговорок, то на нем будет доправлена пеня»[3].

Уже в январе 1701 г. появился указ Петра I «о расширении в сибирских иноверцах святого крещения до самого государства Китайского», позднее эта политика была подтверждена указами 1703, 1706, 1710 и 1711 гг. Царь предписывал местным властям оказывать всяческое содействие духовным лицам, направляемым в Сибирские города в «ясашные вагулскую и остятскую земли... для призывания и приведения чрез проповедь слова Божия в душеспасительное крещение и истребления по юртам мнимых их богов шайтанов, кумирниц и протчих нечестивых чтилищ...»[4]. Таким образом, начало XVIII в. ознаменовалось миссионерской кампанией в Сибири, которая означала политику массового крещения северообских народов и разрушение священных мест и изображений божеств, которым поклонялись народы Сибири.

Выполняя указ Петра о крещении народов Сибири, Митрополит Тобольский и Сибирский Филофей Лещинский летом 1704 г. совершил поездку из Тобольска в Березов, с целью составить представление о возможностях начала крещения народов Сибири. Во время этой поездки он встречался с обдорским князем Тучабалдой и ляпинским князем Шекшей. Оба князя согласились принять крещение при условии, что на то будет царский указ и сохранение власти на подведомственных им территориях. Интересно, что в это

время глава Тобольской Епархии, вероятно, еще не видел возможности скорого начала массовой христианизации народов Сибири. В челобитной на имя царя, составленной в 1706 г., митрополит просил об издании царского указа по поводу крещения народов Сибири; о наборе 10-20 детей для обучения в Березове Божественному писанию; о посылке грамот ляпинскому и обдорскому князьям с указом креститься, на оговоренных ими условиях; и о том, чтобы «...у остяков з ыдолов подати братии для того, что они, остяки не хотя за идолов подати давать, хотели идолов сами палить»[5]. То есть, митрополит просил царя задействовать экономические рычаги, с тем, чтобы побудить народы Сибири перестать поклоняться своим богам.

Мероприятия по массовому крещению и христианизации народов Сибири в действительности начались после приезда в Сибирь в качестве нового губернатора в 1711 г. князя М.П. Гагарина. Именно он был автором знаменитого указа от 7 июня 1710 г., в котором митрополиту предписывалось: «выбрав по своему рассмотрению из монахов, или из священников, человека доброго, и велеть ему... ехать вниз великой реки Оби до Березова и далей, и где найдут по юртам остяцким их прелесные мнимые боги шайтаны, тех огнем палить и рубить и капища их разорить, а вместо тех капищ часовни строить и святые иконы поставляти, и их остяков приводить ко крещению и ко познанию единого в Троице истинного Бога; и которые остяки малые и великие веруют и крестятца, тем остякам нашего великого государя милость ясашные доимки все оставлять указали, и впредь не спрашивать... А если возможно, то того ради исправления, и самому тебе богомольцу нашему ехать в вышеписанные места и приводить тех идолопоклонников ко истинной ко христианской вере. А ко крещению им кафтаны белые и рубашки из нашей казны и хлеб, по рассмотрению, такожде давать указали. А естли кто Остяки учинят противность сему нашему великого государя указу, и тем будет казнь смертная. А о споможении тебе в том в Тобольске к воеводе Ивану Бибикову писано, что к той посылке, или к вашему богомольца нашего походу понадобится, велено ему отправить противу твоего от него требования, в скорости»[6]. Именно в этом документе содержалась программа массовой христианизации коренных народов Северо-Западной Сибири.

В русле проведения этой политики в 1712 г. состоялась первая поездка митрополита Ф. Лещинского из Тобольска на север, в Белогорскую волость, Шоркарские юрты и Кодские городки, в ре-

зультате которой было крещено около 10 человек[7]. Григорий Новицкий принявший участие в миссионерской поездке митрополита Ф. Лещинского в 1713 г. писал, что обряды крещения были благополучно проведены в Васпукольских, Казымских, Шоркарских и Белогорских юртах. В Атлыме миссионеры сначала встретили отпор, но потом ханты согласились креститься[8].

Во время миссионерских поездок 1714 г. массовые крещения — более полутора тысяч человек — были произведены в Березове. Миссионеры продолжали придавать большое значение крещению князей, предполагая, что это будет способствовать принятию крещения и подведомственными им людьми. В 1714 г. в Березове были крещены сын обдорского князя Гынды — Тайша с женой, князь Никифор Еуров из Подгородной волости, князь Дмитрий Юзорин из Казымской, князь Игорь Данилов из Куноватской, Матвей Шекшин из Ляпинской[9].

Й. Мюллер, пленный капитан шведских драгун, сосланный в Сибирь после Полтавской битвы, принял участие в миссионерской поездке митрополита Ф. Лещинского. Обещая при первой возможности написать историю массового крещения хантов в 1713 и 1714 гг., он сообщил о том, что это произошло благодаря тому, что большая часть хантов была собрана вся вместе, и если бы не это, то розыск их по лесам занял бы, по меньшей мере, лет десять.[10] Что же заставило хантов собраться в город для крещения? Г. Новицкий, сообщил об этом лишь то, что: Обдорская, Сосьвинская, Ляпинская и Куноватская и прочие волости «властью томошних (т.е. березовских — Е.Г.) комендантов правительствуются» и многие жители этих волостей собрались в Березов и приняли крещение[11]. Из этого можно сделать предположение, что жители были собраны в Березов властью коменданта. В первой четверти XVIII в. действовал институт аманатства. В русских городах в распоряжении властей всегда имелось несколько аманатов — заложников из числа представителей знатных семей, которые служили гарантией покорности оставшихся на свободе. Так что от «приглашений» комендантов и воевод обычно не отказывались, дорожа судьбой родственников — аманатов. Кроме того, об использовании принуждения в ходе массового крещения в Березове в 1714 г. существует и прямое свидетельство. Один из окрещенных в это время, обдорский князь Тайшин, сообщил о том, что «в православную христианскую веру крестил ево неволею, насильно стольник Иван Бибиков»[12].

Практика сбора жителей в назначенном месте и удержание их там до приезда архиерея была использована во время массового крещения хантов Обдорской волости, произведенного в июле 1717 г. Для проведения этой акции обер-комендант Иван Фомич Бибииков направил в Обдорскую волость березовского сына боярского Никифора Палтырева. В грамоте, переданной Н. Палтыреву, говорилось «ехать тебе с Березова в Обдорскую волость для того: в нынешнем 717 году, по указу в.г., будет в тое Обдорскую волость для крещения иноземцов преосвященный Федор, митрополит Тобольский и всея Сибири, и будут они иноземцы награждены великого государя жалованием. И тебе Никифору будучи в тое Обдорскую волость, велеть Остяком быти к приезду преосвященного Федора, митрополита Тобольского и всея Сибири, в готовности, чтоб они остяки никуда не разбежались; тако ж бы и в Обдорском городке Остяки все были в Собрании»[13].

Чтобы сделать сам факт принятия крещения привлекательным, использовалась практика раздачи подарков при крещении. Отправляясь в миссионерскую поездку в 1718 г. Схимонах Федор набрал подарков на 200 рублей. Поскольку откладывать поездку было невозможно, а губернатор был в Москве, то Федору пришлось взять из домово́й архиерейской казны лазаретные деньги, по поводу чего позднее был послан отчет в Синод. В документе говорилось, что в качестве подарков за крещение выдавались «сукна, лучшим людям волостным князям и ясаулом красные иностранные а подлейшим (имелись в виду люди не знатных родов — Е.Г.) сермяжные и холст, котлы, топоры, ножи, иглы и прочая»[14]. Подарки, как видно, представляли собой предметы повседневного спроса. Однако практика эта прекратилась уже во второй половине 1730-х гг. В 1837 г. выходит указ, согласно которому по всей стране прекращалась выдача подарков новокрещеным[15].

Достаточно долго оставались в силе судебные льготы для новокрещеных. В 1721 г. был издан указ, согласно которому «сибирских новокрещеных, впадших до крещения в вины, хотя они к розыску и будут приличны, разыскивать и наказания чинить не велено, а велено только объявлять публично, что оное им оставляется за восприятие греческого исповедания веры». [16] Такая практика существовала вплоть до второй половины XIX в. и была отменена указом 1866. [17]

Кроме того, тем, кто принял крещение, предоставлялись льготы. Еще в указе 1710 г. предписывалось: «которые остяки малые и

великие веруют и крестятца, тем остякам наша великого государя милость - ясашные доимки все оставлять указали, и впредь не спрашивать, и в доимочных книгах тое их доимки вынести, чтоб тем доимки не помянулись»[18]. Позднее, в 1720 г., Сенат попытался усилить привлекательность крещения тем, что вместо отмены долгов по ясачной повинности ввел трехлетнюю льготу во всех платежах. В указе говорилось: «во всяких государственных сборах и в изделиях давать льготы на 3 года, дабы тем придать к восприятию веры греческого закона лучшую охоту». Кроме того, эта льгота действовала в отношении не только тех, кто принимал крещение после указа, но и успевших окреститься до его выхода[19].

Тем не менее, формальное и порой насильственное крещение аборигенов привело к созданию напряженной ситуации в крае и началу активного противодействия крещению. Обдорские ханты и ненцы совместно выступали против находившихся в сфере влияния русской власти и принявших крещение соплеменников. Уже в январе 1714 г. ясачные ханты Куноватской волости сообщали в челобитной, что «пустозерская самоеядь» собирается совершить разбойный набег на ясачных Ляпинской волости. Учитывая высокую вероятность нападения, им было послано «для береженья» 6 служилых людей[20].

Спустя два года, в 1716 г. князь ляпинской волости Семен Кушкирев, от имени всех подведомственных ляпинских хантов сообщал о том, что набег все-таки состоялся: «...приходила из-за Камени воровская Пустозерская самоеядь и пограбили на 300 рублей и 300 оленишков отогнали, одного человека до смерти убили, а иных поймав взяли, и руки и ноги переломали и с собою возили, и нас рабов ваших угрожают смертным убийством. Ныне собираются вновь придти в Ляпинскую волость, оленей забрать и всех побить»[21]. Одновременно с челобитной Ляпинского князя в Березове было получено сообщение от Сургутского воеводы о намерениях Березовских ненцев подговорить хантов Сургутского уезда напасть на города Сургут и Березов осенью 1716 г., когда начнут сено ставить, разорить их, а жителей и коменданта убить. [22] В феврале 1717 г. уже Казымские ханты жаловались Березовскому воеводе на разбойные нападения ненцев. Так, ясачный хант Полновацких юрт Казымской волости заявил на Березове о том, что «наехали в их Юинский (Юильский — Е.Г.) и Памыцкой (Помутский — Е.Г.) городки воровская низовская Самоеядь и отогнали у них 60 оленей... и одного пастуха забрали». Ханты обращались с просьбой к Березовскому начальству устроить погоню за ненцами и вернуть оленей[23].

Зимой 1718 г. земли ляпинских хантов снова подверглись разорительному нападению. Согласно сведениям, сообщенным ляпинским князем Семеном Матвеевым, который в это время находился в Тобольске для сдачи ясака «с ясачной и поминочной казной», события, развернувшиеся в Ляпинской волости, были действительно ужасающими. Князь так описал весь этот кошмар: «...приезжали ко мне в Ляпинскую волость Низовская воровская самоедь. Побивали остяков и двух человек убили до смерти и над теми убиенными наругались, груди спороли и тайные уды отрезали и клали им в уста. И говорили им Обдорский князец Тайша Гындин, где де увидите ляпинского князца Семена, и его де поднимите на копыя, а крови де его на пол не роняйте, тут де его и смерти предайте, для того де: почто де он прежде нас крестился? А нам от того великая беда починилась, а над женами и детьми нашими наругались и в снег бросали нагих для того, что доведывались наших пожитков и всякого хлебного и харчевого припасов, и котлов, и топоров, и одежды, и обутков, и оленей, и пограбили без остатку те вышеозначенные в той всей волости всякия припасы; и от того я, раб ваш, от города в далном разстоянии, мало не помер голодною смертию и со всеми волостными новокрещеными остяками»[24]. Любопытно, что одной из причин конфликта указывался факт принятия несчастным князем Семеном крещения раньше Тайши Гындина. Учитывая полное разорение хозяйства и опасение за свою жизнь, князь Семен Матвеев просил разрешить ему переселиться в Тобольск. В июле 1718 г. он писал в своем прошении: «Всемиловитейший государь! Прошу вашего величества, да повелит ваше державство меня раба вашего, для моего конечного разорения, отпустить в Тоболеск, а со мною товарищем отпустить ляпинского же новокрещеного остяка Федора Саблина да березовского остяцкого толмача Михаила Телицына»[25].

Рейды ненцев в эти волости повторились в 1722 г., сопровождаясь убийствами, сожжением ляпинской церкви — символа русского господства, надругательствами над крещеными, грабежами и угоном оленей[26]. В те же годы ненцы совершали набеги на Подгородную а потом снова на Куноватскую волость Березовского уезда, сопровождавшиеся грабежами и убийством нескольких крещеных хантов. Только после вмешательства березовского воеводы набеги на некоторое время прекратились.

Таким образом, в Обдорском крае в сравнении с другими территориями Северо-западной Сибири, сложилась особенно напряжен-

ная религиозная ситуация и отрицательное отношение к крещению. Когда в 1726 г. схимонах Федор (Ф. Лещинский) предпринял попытку крещения в Обдорской волости, он встретил решительный отпор. Вооруженные луками ханты забросали судно миссионеров стрелами и не дали им возможности высадиться на берег[27].

В тех случаях, когда удавалось окрестить представителя знати, миссионеры получали серьезный аргумент в увещании остальных. Поэтому они приложили все усилия для обращения членов княжеской семьи, и в итоге, сын воинственного обдорского князя Тайши, Мурза, стал Василием Тайшиным в 1726 г.[28]. Вместе с тем, митрополит Антоний и губернатор Долгорукий жаловались на то, его братья «в своей волости остяков крестить не дают и сами не крестятся»[29]. Как и прежде была использована мера «задержания». Схимонах Федор предложил князю Долгорукому взять обдорского князя Василия в Тобольск, памятуя, что подобная практика, ранее уже применявшаяся в 1713 и 1714 гг., позволила достигнуть желаемой цели[30]. Князя Василия действительно держали в Тобольске довольно продолжительное время и отпустили домой к семье, только в расчете на то, чтобы он «прибыв в дом свой, жену и детей окрестил, также имел бы старание и о тех, которые в его волости живут некрещены, чтоб как возможно оных увещевал и к крещению приводил»[31].

Крещение знатных лиц обставлялось по-особому. Например, когда появилась возможность окрестить очередную группу из обдорских князей, то для этого случая предполагался приезд духовных лиц из Тобольска. В указе 1741 г. из Тобольского архиерейского дома Березовскому заказчику предписывалось: «Ежели тамошний господин воевода будет требовать ево закащика или других кого священниц для крещения обдорского князя с ево подчиненными, то б по тому требованию удержаться до прибытия преосвященнейшего Никодима митрополита Тобольского и Сибирского сюда в Тобольск, а как его преосвященство прибудет то чаятельно, что от его преосвященства отправлен будет туда знатной и из некоторых духовных персон учительной и проповеди слова божия достойной человек»[32]. Если представители местной знати долгое время не соглашались принимать крещение, в их отношении применялись методы принуждения. Так, губернская канцелярия распорядилась «обдорского князьца Мурзина...у которого отец и мать просвещены св. крещением..., сыскать в Тобольск для увещания и восприятия им св. крещения»[33]. В результате и сын Василия Тайшина был крещен, получив имя Василий Мурзин[34].

Однако попытки обратить народы Обдорского края в христианство не оставлялись. В 1731 г. иеромонах Зиновий проводил крещение обдорских хантов. В 1751 г. березовский казак Федор Иванов сообщал по этому поводу, что «назад тому лет с двадцать (т.е. около 1731 г. — Е.Г.) ездил он ...Обдорской волости в Шурышкарские юрты» и что в его бытность приезжал наместник иеромонах Зиновий во оные Шурышкарские юрты для крещения остяков». Сам Иванов был восприемником при крещении ханта Тади Асутова из Вылпасланских юрт, все остальные жители юрт не были крещены[35]. Позднее стремление местных священников окрестить хантов Обдорского края любыми способами также не давало положительных результатов. Все чаще местные власти должны были прибегать к насилию. Так в 1744 по сообщению хантов к ним приезжал поп Кирьянов, чтобы «крестить их неволею» в Обдорском остроге. Пытаясь укрыться от принудительного крещения, многие сбежали из острога. Те, кому это не удалось вынуждены были подчиниться силе. При этом нежелавших креститься священник Кирьянов, по словам хантов, велел сечь березовыми прутьями «толщиною перста по три, бесчеловечно и от тех побои один остяк Курмандеев чрез пятеры, а другой Федор Поляков чрез двои суток и померли»[36].

Церковное строительство

В рамках намеченной князем М.П. Гагариным и поддержанной Петром I программы массовой христианизации народов Северо-Западной Сибири в XVIII в. началось и активное строительство церквей на территории хантыйских волостей. В сентябре 1713 г. после успешно завершеного миссионерского сезона князь М.П. Гагарин издал указ о строительстве церквей в Березовском уезде. Согласно этому указу, новокрещеным Березовского уезда следовало «построить церкви Божии, в каждой волости по церкви». Активное строительство церквей началось уже в первой четверти XVIII в., однако в Обдорской волости первая церковь была открыта только в 1751 г. Сначала, сразу после крещения членов княжеской семьи в Обдорске в 1746 г. была заложена деревянная церковь во имя Василия Великого. Однако ее строительство затянулось на несколько лет, так что освящена она была только в 1751 г.[37]. Церковь эта в виду ее большой государственной значимости была ружной, хотя политика в отношении обеспечения церквей новокрещенных к этому времени уже изменилась, и если храм для новокрещенных и основывал-

ся, то он должен был полностью состоять на обеспечении своего прихода.

Для удобства церковного управления в Сибири, вся территория епархии была разделена на духовные заказы, объединявшие приходы новокрещенцов. Территориально духовные заказы почти совпадали с границами уездов. В составе Березовского заказа в последней четверти XVIII в. находились приходы церквей Василия Великого в Обдорске, Христорождественской в Сартынье, Успенской — в Полновате, Троицкой — в Кушевате, Спасской церкви — в Шоркальской волости. Кроме того, некоторые группы крещеных хантов проживали на территории русских приходов и были приписаны к церквям, прихожанами которых являлись в основном русские жители. Это церкви Одигитрии и Рождества Богородицы в Березове.

При выборе места строительства церкви учитывалось несколько факторов. Одним из универсальных, использовавшихся миссионерами разных времен и в отношении разных народов мира, было строительство культовых сооружений: крестов, часовен, церквей на месте разрушенных или перенесенных дохристианских священных объектов. Таким образом, церковь пыталась использовать прежнее ритуальное пространство народов Сибири, наделяя его новым содержанием.

Все расходы по возведению и содержанию церквей лежали на плечах государства, а не церковных организаций, что, впрочем, логично, учитывая отношения церкви и государства в стране. Слабая степень развития церковных организаций в Сибири и зависимость церкви от государства, административная и особенно, финансовая, ставили деятельность местных священников в большую зависимость от местных властей. Поэтому неудивительно, что, осуществляя политику распространения православия, духовные деятели должны были постоянно обращаться за помощью к светским властям.

Борьба с традиционной религиозностью

Хотя формально крещение хантов считалось свершившимся фактом уже в первой четверти XVIII в., даже участникам миссионерских экспедиций было очевидно, что предстоит сделать еще очень много для ослабления традиционной религиозности и утверждения христианства среди окрещенных. Важной частью борьбы с традиционными верованиями хантов стало уничтожение изображений объектов культа. «Сибирский апостол», как позднее называли Ф. Лещинского, и его последователи ревниво выполняли свою христианскую

миссию. Изображения божеств, которым сибирские народы поклонялись, приносили жертвы и с которыми связывали свое благополучие, поверглись уничтожению. Основные священные места, расположенные вдоль русла Оби, были разрушены во время миссионерских экспедиций Ф. Лещинского в 1712-1718 гг. Эта практика не прекращалась и в дальнейшем.

Однако, что касается северных территорий Обдорского края, то здесь священные места не пострадали, во всяком случае, сообщений об их разрушении в источниках не встречается.

Что касается нарушения новокрещеными норм христианской жизни, то за это следовало наказание. Например, в 1725 г. новокрещеный Ендырской волости Березовского уезда, Григорий Айда Койкин, был «бит батоги нещадно» в Березове, а божество, которому он с братьями поклонялся, было также вывезено в Березов и сожжено. Иногда, не доводя дело до высших инстанций, священники сами наказывали новокрещеных. Обычное наказание — битье плетью назначалось за несоблюдение постов, захоронение по старым обычаям (без приглашения священника), непосещение церкви, хранение изображений божеств и поклонение им, совершение жертвоприношений[38]. В Обдорской и Подгородной волостях Березовского уезда в середине XVIII в. функции надзора за новокрещеными должны были выполнять князь Василий Гындин и Яков Непкин[39].

Духовные власти не без основания опасались, что новокрещеные, даже если сами не принимали участие в жертвоприношениях, могли снабжать своих не крещеных соплеменников скотом или специальными предметами, даже будучи уверены, что они приобретаются с целью принесения в жертву местным божествам, и уж, конечно, не поторопятся сообщить об этом начальству. Зная об этом, митрополит Антоний сделал выписку из императорского указа в 1739 и разослал ее по заказчикам о том, чтобы: «которые из них новокрещеных хотя сами собою такового суеверия и неупотребляют но про то суеверное действо ведая не донесут или паче еще в том какой способ продажею в жертву скота или иных каких вещей чинили за то учинить им снесшись с со светскими командами публичное наказание»[40]. В Березовском уезде, где проблема возвращения к прежним религиозным традициям стояла особенно остро, должность ответственного за надзор за новокрещеными исполняли старосты, специально назначенные в каждых юртах. Функции, возложенные на них, определялись специально разработанным Наставлением. Согласно этому документу, старосты должны были следить

за исполнением христианских норм своими подопечными соплеменниками, постоянно заботиться об их обучении христианским нормам и своевременно сообщать священнику о случаях несоблюдения этих норм. Староста за невыполнение последнего правила подлежал штрафу[41].

Одной из характерных черт миссионерской деятельности в XVIII в. было то, что религиозные традиции народов Сибири рассматривались как общение с дьяволом, поэтому священники вели непримиримую борьбу с приверженцами прежних религиозных традиций. Возвращение новокрещенных к традиционной ритуальной практике также воспринималось как «безбожное злочестие» и «общение с сатаной». Поэтому неудивительны жесткие меры, применявшиеся местным духовенством. Они считали, что, разрушая религиозные традиции народов Сибири, они боролись с самим дьяволом, и компромиссов в такой борьбе быть не могло и методы подходили все без ограничения.

Количество случаев возвращения хантов к своей традиционной религиозной практике было настолько велико, что в 1741 г. Сибирская губернская канцелярия постановила провести следствие по поводу всех, обвиненных новокрещенных Березовского ведомства, которые «были явлены» в «знании с сатаной и во отступании в прежнее злочестие и суеверие и всякой противности церкви святой». По окончании следствия предписывалось публично наказывать виновных и брать с них подписки. В указе говорилось: «винным в тамошних же местах где кто обретаецца при собрании протчих новокрещенных остяков на страх другим чтоб впред содержали они восприятую ими православную христианскую веру твердо и непоколебимо и верили в единого трипостасного бога а в прежнее свое злочестие и идолопоклонство не отпадали и не совращались учинить публичное жесточайшее наказание кнутом и по наказании взять с них как с мужеского так и женского пола людей крепкие под смертную казнь подписки». Если и после этого где-то находили изображения божеств и обустроенные священные места, их содержимое следовало «со всем их приклады зжечь»... «а заветчиком тех капищ и идолослужителям потому ж учинить жесточайшее публичное наказание кнутом безо всякой пощады дабы никому им новокрещеным того чинить впредь было неповадно»[42]. Подобным наказаниям были подвергнуты новокрещенные ханты Куноватской и Ляпинской волостей за «учиненные их противные по восприятию святого крещения вере христианской непорядки яко то за держание

ими шайтанов коим по прежнему своему безбожному злочестию на разных молбищах единодушно всегда сатане жертву приносили и оленей на тех молбищах тому сатане в жертву отдавали и приноси от них по своему легкомыслию душевредному и проклятому суеверию в надежде получить нечаянного на ползу здравия»[43]. В 1745 г. двое новокрещеных Мозямских юрт Казымской волости были биты плетью и посланы навечно трудниками в Кондинский монастырь.

Для проведения превентивных мер березовскому заказчику Андрею Василеву из Консistorии была дана в 1750 г. инструкция, подготовленная уже при митрополите Сильвестре. Она требовала от заказчика «тайным и явным образом наведываться между крещеными не приезжают ли какие некрещеные для совращения от нашей веры в их злочестие, а паче абызы их и шайтаншики ежели где явится то таковым приезжать допускать запретить накрепко»[44]. Действуя в соответствии с указанием, заказчик выяснил, что новокрещенные Чалкиных юрт Подгородной волости Березовского уезда есаул Алексей Игнашкин с сыновьями Романом и Леонтием и Никита Легомов с сыновьями Прокопием и Иваном продали двух жеребят некрещеным Обдорским хантам для жертвоприношения. Заказчик провел дознание и в феврале 1754 г. направил выписку из правления Березовского духовного заказа в Березовскую канцелярию, чтобы там нерадивым новокрещеным с сыновьями «на страх другим учинить публичное с барабанным боем гражданское наказание»[45]. В Канцелярии наказание было в точности выполнено, о чем и было записано: «есаули с товарищами с барабанным боем бит плетью нещадно вместо кнута». Кроме того, с них были взяты подписки что к «прежнему злочестию» они обращаться не будут «под опасением смертной казни»[46].

К концу XVIII в. отношение к сохранившимся религиозным традициям народов Сибири претерпевает значительные изменения. Их перестали квалифицировать как общение с сатаной, а всего лишь как суеверие, проступок, безусловно, менее страшный с точки зрения христианства. Поэтому, если в первой половине XVIII в. за приверженность традиционной ритуальной практике следовало телесное наказание и арест, то со второй половины XVIII в. система наказаний значительно смягчается. Светские власти активно пытались предложить Консistorии перейти к чисто церковным наказаниям, особенно в тех случаях, когда несоблюдение христианских норм было связано с промысловыми нуждами населения. В 1754 г.

губернатор рекомендовал митрополиту ограничиваться в этих случаях «легкой церковной епитимьей»[47].

Таким образом, эпоха массовых крещений с использованием насильственных методов и разрушением священных мест народов Сибири завершилась. При этом в отличие от других территорий Северо-западной Сибири, Обдоский край оставался единственным, где продолжало сохраняться, и было официально признано существование значительного числа хантов и ненцев, придерживающихся традиционной религиозности.

Расцвет миссионерской деятельности: просвещение

Эпоха просвещения принесла новый взгляд на проблему существования религиозных традиций народов Сибири, а следовательно, иные задачи и методы реализации политики. Активные действия уступили дорогу более мягкому подходу к вопросам религии. В период правления Екатерины II тенденция к смягчению миссионерской деятельности стала вполне определенной. Одним из главных принципов политики провозглашалась веротерпимость, а запрещение на исповедование отличных от православия вер — «вредным для спокойствия и безопасности граждан пороком»[48].

Любопытно, что во второй половине XVIII в. осознание необходимости изменить методы политики в отношении новокрещеных осознавались и духовными лицами, и многие из них выступали инициаторами изменения форм. В 1763 г. березовский заказчик, например, писал в Тобольск, что новокрещеным его заказа «жестокое наказания учинить не можно, чтоб тем наказанием не утратить протчих, донныне в злочестии своем обретающихся остяков» и что их «к восприятию святого крещения...призывать лучше ласко-сердием»[49]. Миссионерами активно использовался такой метод убеждения, как наглядность и эстетическое воздействие — через разъяснение христианских сюжетов с помощью икон. Мало знакомые с христианской мифологией народы Сибири живо реагировали на саму картинку, как наглядное пособие. Один раз увиденное, действовало сильнее, чем много раз услышанное от священников-миссионеров, и не всегда полностью понятное. Как бы то ни было, метод наглядности и эстетического воздействия активно использовался миссионерами. В частности, известны случаи обращения с просьбой прислать из Тобольска «страшный суд господенн и воздаяние праведным и грешным на полотне для показа тем заблудшим

народам, дабы оне, зря на то могли б страх божий возыметь в сердцах своих и склонитца ко святому крещению»[50].

Несмотря на то, что крещение в Обдорском крае проходило в менее жестких формах, отношение к нему было негативным. Страх принудительного крещения и распространение слухов о готовящейся насильственной христианизации среди народов Северо-западной Сибири во второй половине XVIII в. привели к антирусским выступлениям[51]. Из-за угрозы таких выступлений в 1789 г. Сенат даже вынужден был временно вообще приостановить деятельность миссионеров в Северном Приобье. Страх перед волнениями аборигенов был настолько велик, что и 10 лет спустя Сенат ответил решительным отказом на предельно осторожное предложение Синода начать понемногу посылать в «инородческие» селения проповедников[52].

Традиции политики свободы вероисповедания в отношении религий сибирских народов, активно развивались в XIX в. «Устав об управлении инородцев», введенный в 1822 г. затрагивал и вопросы религии. В частности, в главе 5 говорилось: «Кочующие иноверцы пользуются свободою в вероисповедании и Богослужении»[53]. Более того, здесь же определялись и принципы действий священников. Российское духовенство в обращении с некрещеными должно было «поступать по правилам кротким, одними убеждениями, без малейших принуждений». Земское начальство обязано было «не допускать стеснения инородцев под предлогом обращения в христианскую веру». Вместе с тем, запрещено было препятствовать принятию христианской веры. Что касается самих новокрещеных, то Устав предусматривал ситуации, при которых они «по невежеству» могли оказаться «в упущении церковных обрядов». В этих случаях их не следовало подвергать наказаниям, а действовать только убеждениями и внушением, поскольку они «суть одни приличные в сем случаи меры». Наконец, епархиальное начальство должно было постоянно изыскивать меры по решению проблем получения церковных треб теми «инородцами-христианами», которые жили в удалении от постоянных церквей[54]. Положения Устава в отношении религиозных традиций на долгое время определили развитие религиозной ситуации в Обдорском крае. Духовенство на местах в меру понимания своего христианского долга, продолжало нелегкий, а порой и опасный труд по обращению народов, придерживавшихся религиозных традиций своих предков.

Важное место в решении проблемы христианизации в XIX в. заняли вопросы просвещения. Интеграция народов Сибири в импер-

скую структуру, несмотря на 300 лет российского правления, оставалась достаточно слабой. Одним из показателей этого было сохранение их религиозных традиций, несмотря на все старания миссионеров. Некоторые из идеологов христианизации придавали большое значение вопросам развития культуры и внедрения достижений европейской цивилизации в быт аборигенов. Подобный проект устройства миссии с культурно-благотворительными целями для народов крайнего Севера предлагал профессор А.И. Якобий. Того же мнения придерживался и известный исследователь Тобольского Севера А.А. Дунин-Горкавич. Он считал, что миссия «главною своею заботою должна считать не то, чтобы окрестить инородцев как можно больше, потому, что они после этого все равно остаются при прежних своих религиозных понятиях, а то, чтобы дать христианское направление всей их деятельности и принести им практическую пользу в их жизни»[55].

Полемика на страницах миссионерских, православных и светских изданий по вопросам взаимоотношения различных религий и православия и о роли государства в этом процессе, безусловно, дала положительные результаты. В Своде законов Российской империи в части, касающейся религий народов Севера, было записано: «сибирские инородцы, если не исповедуют Христианской веры, имеют свободу отправлять богослужение по их обрядам и обычаям, а православное духовенство в обращении их к христианству имеет поступать по правилам кротким, ограничиваясь одними убеждениями, без малейших принуждений»[56]. Что касается местной администрации, то ее представители обязывались «не допускать стеснения... инородцев под предлогом обращения их в Христианскую веру»[57].

Ко второй половине XIX в. в значительной степени изменился и состав приходского духовенства в Сибири. Это уже были не случайные ссыльные священники, которые были совершенно незнакомы с особенностями работы с народами Сибири. Духовенство второй половины XIX в. было представлено целыми династиями священников, которые всю жизнь провели в Сибири, были знакомы с традициями местного населения, лучше понимали проблемы христианизации и, наконец, были более терпимыми в отношении новокрещеных.

В XIX в. приходы Северо-Западной Сибири были распределены по церковным округам (благочиниям). В ведомстве Березовского церковного округа находились Петропавловская церковь с приделами во имя святых Василия Великого и Николая Чудотворца в Об-

дорске, построенная вместо церкви Василия Великого в 1823 г.; Троицкая церковь в Куноватской волости, перестроенная в 1884 г.

В 1840 г. в юртах Мужи появилась церковь Михаила Архангела. На необходимость построения церкви в Мужах обратил внимание епископ Евгений еще в 1829 г., когда объезжая вверенную ему епархию, обнаружил, что на участке от Березова до Обдорска расстояние между церквями достигает 500 верст. Характеризуя религиозную ситуацию в крае в донесении Синоду, епископ Евгений писал: «Жители тут одни остяки, хотя и крещенные, но по испытанию его вовсе не знают христианской веры, ниже имени Иисуса Христа»[58]. Было принято решение предложить хантам, живущим на этой территории, построить себе церковь. Однако те, «отозвались все единогласно недостаточным состоянием и одолжением имеющимся на них казне». В резолюции, принятой епископом, говорилось: «Как остяки за Березовом до Обдорска некрепки в вере, то и не можно от них ожидать построения церкви, но она необходима для утверждения их в вере». Решение было принято построить церковь в юртах Мужи исходя из следующих соображений: «1е, Юрты Мужи находятся по Малой Оби на половине тракта от Березова до Обдорску и от Обдорска до Березова; 2, в Мужай ежегодно бывает ярмарка, утвержденная гражданским начальством». Церковь должна была быть деревянной с как можно более простым фасадом и без всяких украшений[59]. Таким образом, нужды христиан хантов Березовского благочиния обслуживали 11 церквей.

Низовая (Обдорская) миссия

Одной из основных задач в деле просвещения народов Северо-западной Сибири оставалось продвижение христианства в районы расселения северных хантов и ненцев и усиление влияния христианства среди тех, кто уже был окрещен. В 1832 г. с этой целью в Обдорске была учреждена специальная Северная миссия под руководством иеромонаха Макария для обращения хантов и ненцев Обдорской волости[60]. Миссионеры, не имея опыта в общении с народами севера, ограниченные в средствах передвижения, в основном вынуждены были пребывать в Обдорске и крестить тех, кого им присылали обдорский заседатель, березовский городничий и земский исправник. За все время работы миссии в Обдорске ее сотрудники лишь несколько раз выезжали за пределы селения в юрты князя Тайшина, в сентябре посетили Ендырские и Войтважские юрты, в ноябре проехали до Березова, а декабрь 1823 — январь

1833 провели в Обдорске[61]. Народы Обдорского края настороженно отнеслись к началу действий миссионеров. Зная, что указа об обязательном крещении нет, они часто отказывались от предложений миссионеров, а порой и пытались препятствовать крещению тех, кто соглашался. В таких случаях миссионеры вынуждены были обращаться за помощью к представителям светской власти. Слухи, распространившиеся в связи с деятельностью миссионеров, чуть было не привели к срыву сдачи ясачной повинности в 1833 г.

По записям, оставленным иеромонахом Макарием, он вместе с помощниками очень рассчитывал на появление хантов и ненцев в Обдорске в период проведения там ярмарки и сдачи ясака в конце декабря — начале января. Однако по его словам, «каменные и низовые самоеды, узнав через некрещеных остяков, что в Обдорске миссия, и, по пронесенным между ними слухами, будто бы в Архангельской губернии тамошние самоеды миссией крещеные насильно» не хотели подъезжать в Обдорск, остановившись в 100 верстах от него. Только после того, как обдорский заседатель съездил к ним с уверениями, что никто их насильно крестить не будет, они стали появляться в Обдорске «с великой осторожностью и боязнью». Более того, прибывшему в Обдорск тобольскому губернатору Муравьеву ненцы заявили, что если миссионер Макарий не выедет из Обдорска, то они больше там не появятся из опасения, чтобы он их не крестил[62]. Учитывая сложность ситуации иеромонах Макарий был вызван в Тобольск для совещания по вопросу о дальнейшем существовании миссии.

Не видя никакой возможности для осуществления возложенной на него миссии, он в апреле 1833 г. подал рапорт архиепископу Афанасию о своей отставке. Иеромонах Макарий мотивировал невозможность ведения проповеди среди народов Обдорского края их кочевым образом жизни, из-за чего, по мнению иеромонаха, «невозможно иметь с ними близкого сношения, потребного для проповеди им Слова Божия». Макарий считал также, что и «язык их весьма недостаточен для объяснения истин христианской религии, отчего и крещеные остяки никакого почти понятия не имеют об оной». Наконец, «упорство... самоедов от принятия христианской веры» лишало миссионера всякой надежды обратить их[63]. В отдельном рапорте на имя архиепископа Тобольского, иеромонах Макарий просил предоставить возможность своим помощникам оставить миссию в Обдорске, поскольку и сам он из-за расстроенного здоровья не собирался туда возвращаться.

Синод, изучив сложившуюся в Обдорском крае ситуацию предписал не учреждать пока в Обдорске миссии, а послать туда священника, который бы смог привлечь к себе жителей края и подготовил почву для их крещения в будущем. Таким образом, жителям Обдорского края удалось отстоять свое право на традиционную религию и заставить представителей светской и духовной властей, пусть не надолго, но все же отступить.

Оживление миссионерской деятельности в Обдорском крае началось только в 1846 г. с посещения Обдорска архиепископом Тобольским и Сибирским Георгием и назначением в Обдорскую церковь молодого священника, уроженца Севера, Петра Попова, только что окончившего семинарию.

Большое значение для развития миссионерского дела в Обдорском крае после его недавнего полного провала имела и поддержка генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда. Будучи заинтересованным и внесшим личный вклад в дело просвещения народов Сибири, Г.Х. Гасфорд посетил Обдорск в 1952 г. Само это посещение уже сыграло свою роль в привлечении общественного внимания к Обдорскому краю. Но, что было еще более важным, так это то, что губернатор проявил значительный интерес к состоянию христианизации народов края. В своем отчете о поездке он писал: «...самоедов, принявших святое крещение, весьма мало; их религия и обряды состоят в поклонении единому Богу, иногда в виде идолов, а иногда в разных, поражающих взгляд предметах природы. Их жрецы или шаманы, пользуются невнимательностью нашего духовенства, не сопровождаящего инородцев при перекочевках в тундрах, уговаривают народ не изменять веры отцов своих... и убеждают бродячее племя в особенности в том, что жертвы творцу можно приносить не в одних русских постоянных и часто весьма удаленных от их кочевий храмах, но во всяком месте...»[64]. Генерал-губернатор считал необходимым посылать в кочевья миссионеров более подготовленных, которые жили и перекочевывали бы с аборигенами; имея легкие подвижные престолы, совершали бы упрощенные церковные обряды; в главные христианские и царские праздники устраивали бы для своих прихожан небольшие угощения, соответствующие нравам и обычаям народа; лечили бы как людей, так и домашний скот от простых болезней и «старались бы вообще сделаться инородцам полезными и приятными»[65]. Таким образом, Г.Х. Гасфорд предлагал миссионерам не только принять кочевой образ жизни паствы, но и взять на себя функции, традиционно исполнявшиеся шаманами.

Миссионеры должны были объезжать территорию расселения своей паствы, отправлять требы, стараться окрестить тех, кто еще не был крещен и наставлять новокрещенных. От личности и инициативы миссионера зависело многое. Петр Попов, изучив особенности работы по распространению христианства в своем приходе (в составе 10000 человек и расстояниями до отдаленных юрт в несколько сотен километров), обратился в 1852 г. к генерал-губернатору Западной Сибири с просьбой об учреждении в Обдорске походной церкви для более успешного духовного окормления паствы. Спустя всего два года походная церковь была прислана в Обдорск[66]. Миссионерам приходилось проповедовать народам, ведущим кочевой образ жизни, и походные церкви были весьма к стати.

Эти походные церкви сыграли основную роль в деле крещения хантов и получили высокую оценку самих миссионеров. Сам Петр Попов так отзывался о походных церквях: «... жизнь оседлая пока еще для инородцев Северного края — перемена довольно тяжелая, она для них мучительна, и по бесплодию почвы страны суровой не может дать им тех выгод, какие доставляет им кочевая жизнь, следовательно, средством первоначальным и более удобным может быть только походная церковь. Проникая в самые отдаленные места, она принося свет христианского учения во все места, наполненные мраком заблуждений, свободно может рассеять его, смягчить нравы и обычаи народа и мало-помалу расположить его к жизни оседлой». Походная церковь, по мнению П. Попова, должна была возбуждать зрительные чувства народов Сибири «приличным благолепием, слух — приятным пением, нравственные чувства — благочестием и отличною нравственностью служителей церкви»[67]. О том, какое значение имела походная церковь для распространения христианства, писал в своем путевом журнале в 1870 священник Александр Тверитинов во время очередного объезда хантов своего прихода. «Нужно заметить, что походная церковь есть одна из первых потребностей при миссионерском служении. Присутствуя при богослужении, крещенные инородцы мало-помалу утверждают в христианской религии, не чуждаются храма Божия и язычники»[68].

Таким образом, вопрос о создании отдельной миссии в Обдорском крае снова стал активно обсуждаться в начале 1850-х гг. Архиепископ Евлампий, занимавший Тобольскую кафедру, предложил открыть миссию в Обдорске при Петропавловской церкви, увеличив для этого ее штат[69]. По решению Синода Обдорская миссия начала вновь действовать в 1854 г.

Местные светские власти в лице Березовского военно-окружного управления, созданного в том же году, и инородной управы должны были содействовать делу распространения христианства и грамотности, помогая решить вопросы с транспортом, и проводниками[70]. Как и в прежние времена, значительное внимание обращалось на религиозность князей, поскольку церковь, как и государство, старалась опереться на авторитет знати. Священник-миссионер Петр Попов, например, отмечая в своем журнале нерадивость обдорского князя Тайшина к христианству, вместе с тем сообщал, что именно на него было обращено более всего внимания[71]. От князя Тайшина священники ожидали помощи в деле распространения христианства среди тех, кто еще не был крещен. Стараясь привлечь князя к решению задач православной миссии, архиепископ Варлаам в 1865 г. взял с князя И. Тайшина письменное обязательство, с приложением именной печати, что он будет «исполнять христианские обязанности... и содействовать обращению в христианскую веру всех без разбору подведомственных ему инородцев»[72]. Однако в действительности князь не спешил проявить усердие. Во время объезда прихода в 1868 г. священник Петр Попов решил устроить крестный ход и попросил хантов приготовить местность на пути следования процессии. Однако, не полагаясь вполне на свою паству, он решил лично обойти их юрты, и обнаружил «полуизгнивших идолов, собранных в одну кучу, в числе которых были деревянные и каменные самой грубой обделки». На предложение священника уничтожить их, князь Тайшин ответил отказом, мотивируя его тем, что «они принадлежность некрещеных остяков, которым и самое место принадлежит, поэтому он не смеет их уничтожать»[73].

Петр Попов предполагал, что истинная причина отказа крылась в том, что князь был «сам суевер». С его мнением полностью согласился и священник Николай Герасимов. В заметках, составленных во время посещения резиденции князя Ивана Матвеевича Тайшина спустя 5 лет, в 1873 г. он так охарактеризовал его: «...князь Тайшин, хотя давно обращен к христианству и при случаях всегда показывает себя религиозным человеком, но на самом деле самый жаркий ревнитель грубых языческих суеверий; во время своей бытности в Обдорской иногда заходит в церковь и молится, по-видимому, как истинный последователь учеников Христовых, приехавши в свой аул, тотчас же приносит жертвы идолам; в начале лета перволовленную рыбу, как делают все истые язычники, приносит идолам в жертву, делает им идолам разные приклады»[74].

Имея опыт общения с хантами и ежедневно, в течение многих лет службы наблюдая развитие их религиозности, Петр Попов был глубоко убежден, что совместное проживание крещеных с теми, кто не принял крещение неимоверно осложняет задачи распространения христианства в крае. В 1868 г. он записал в своем путевом журнале: «Долг служения и благо инородцев, однако же, побуждают сказать о вреде совместного жительства крещеных с некрещеными. Оно не дает возможности уничтожить идолослужение первых, прикрывая правом последних»[75].

Миссионеры, занимавшиеся христианизацией народов Обдорского края, продолжали практику использования их традиционного ритуального пространства. Например, в 1868 г. священник Петр Попов, планируя маршрут крестного хода, специально наметил его так, чтобы пройти по священному месту хантов в районе летней кочевки князя Тайшина. И настоял, чтобы все без исключения прошли по этому пути. В своем путевом журнале он записал, что после богослужения был «совершен крестный ход по самым непроходимым для инородцев местам, где в прежние времена находились идолы самые главные. Во время крестного хода замечено было мною, когда дошли до самого центра чтимого места, то несшие иконы остановились и хотели обойти его, но пристыженные, должны были пройти его, прошли все, не исключая женщин и детей...»[76].

Вероятно, обстоятельства взаимоотношений с обдорскими хантами и ненцами требовали предельной осторожности, поскольку даже за разрешением на уничтожение божеств, которым они поклонялись, священники порой обращались к архиепископу. Обнаружив во время объезда своего прихода в 1868 г. в Собских юртах ящичек с изображениями божеств-покровителей «в виде мужчины и женщины, одетых в зимнее инородческое платье», священник Петр Попов забрал приклад — 5 рублей и их самих, после чего обратился к архиепископу Тобольскому за разрешением уничтожить свою находку[77]. Однако когда священник Александр Тверитинов обнаружил действующее священное место в 30 саженьях от юрт Войкарских, население которых было уже крещено, он не раздумывая вместе с причетниками собрал в кучу само изображение и все его приклады и сжег публично в присутствии хантов»[78].

Деятельность миссионеров варьировалась, в зависимости от их собственных взглядов на миссию. Одни старались изучить язык паствы, другие действовали через переводчиков. Некоторые ставили своей задачей неустанную борьбу с проявлением нехристианской

религиозности хантов. В частности, помощник миссионера Петра Попова, Евфимий Пономарев писал в своем журнале в 1862 г.: «Со времени поступления моего на службу в Обдорск, обращал и теперь обращаю особенное внимание на истребление идолов, чтимых инородцами»[79]. И ему действительно удалось в 1857 г. уничтожить изображение одного божества, почитавшихся хантами в Нюронсовых юртах Войкарской волости[80]. Е. Пономарев неустанно собирал сведения о священных местах и божествах, почитавшихся хантами, с тем, чтобы их уничтожить.

Священники-миссионеры с походной церковью, одним или двумя помощниками — пономарем и иногда толмачом и несколькими рабочими совершали летом объезды прихода. Например, Петр Попов отправился объезжать свой приход в 1868 г. «с одним причетником, мальчиком (вероятно одним из своих учеников — Е.Г.) и с шестью рабочими»[81]. Обычно объезд начинался с посещения жилища князя. Более того, вероятно, существовало особое распоряжение на этот счет. Во всяком случае, именно на него в 1870 г. сослался в своем путевом журнале священник Александр Тверитинов, сообщив, что во время объезда прихода он остановился в кочевьях князя Тайшина «...имея в виду распоряжение епархиального начальства, преимущественно останавливаться при кочевьях князя»[82]. После этого следовали дальше по определенному маршруту, и если где-то заставали значительное количество аборигенов, собравшихся вместе, то ставили походную церковь. Хантов и ненцев оповещали о приезде священников и времени проведения службы, на которую они должны были явиться. После чего шли службы, отправлялись требы, до и после которых проводились беседы о житейских делах, сюжетах священного писания и церковной истории. После окончания богослужения, Петр Попов обычно посещал жилища крещеных и убеждал их ежедневно посещать церковь во время богослужения, раздавал кресты и иконы тем, у кого их не было[83]. Во время объезда прихода в 1869 г. священник Петр Попов после обычной службы в одном из поселений в верховьях р. Войкар обошел все 10 юрт, которые по его замечанию были «опрятные». Во время этого обхода священник «приводил в надлежащий христианский порядок имеющиеся у некоторых св. иконы, объяснял необходимость ношения крестов каждому, без исключения детей, и каждому не имеющему надевал на шею крест»[84].

Важным выводом, сделанным священником Петром Поповым на основе многолетнего опыта службы на Севере, был тот, что в каче-

стве духовных лиц в Березовском округе, где систематически недо- ставало духовенства, могли и должны были привлекаться местные жители, уроженцы края. В своем путевом журнале в 1882 он записал: «Одно только туземное, родившееся здесь, может быть пригод- ным для образования инородцев этого края»[85].

Активно использовался и метод наглядности. Не имея возможно- сти объяснить сложные для понимания хантов абстрактные понятия православного вероучения, священники часто обращались к иконам походной церкви для показа и толкования их сюжетов. Все они неизменно сообщали об успешности таких уроков. Священник-мис- сионер Евфимий Пономарев записал в своем путевом журнале в 1863 г.: «При собеседовании с инородцами, иконы иконостаса весьма помогают проповеднику, особенно в рассказах об истинах истори- ческих. Заметья это, я решился выписать историю Ветхого и Нового Завета в картинках, издание Золотова. С помощью этих руководств, если и не сумеешь выразить что-нибудь языком инородческим, то на картинке покажешь известное событие, как на самом деле. Не зная еще вполне отчетливо остяцкого языка, я при помощи иконос- таса несколько не стеснялся при передаче инородцам истин христи- анского вероучения»[86]. Миссионер-священник Иван Платонов в своем журнале в 1866 также делился положительным опытом ис- пользования икон для просвещения хантов. Однажды во время его миссионерской поездки в церкви после литургии осталось несколь- ко хантов с детьми, которые стали расспрашивать о лицах, изобра- женных на иконах. Миссионер сначала рассказал им вкратце о зна- чении иконы, затем и о жизни каждого лица, изображенного на ней. Ханты, по словам И. Платонова, внимательно слушали рассказ и после окончания беседы вместе с детьми «кланялись до земли» и «лобызали» иконы. С особым удовольствием, по свидетельству Ивана Платонова, ханты слушали историю и смотрели на иконы, на коих изображены апостолы Петр и Андрей, которые прежде...были про- стыми рыбаками»[87].

Сеть миссионерских институтов в Северо-Западной Сибири по- степенно расширялась: с 1865 г. по инициативе священников стали возникать миссионерские станы, в 1867г. в Обдорске была учреж- дена вторая походная церковь и Тазовский стан[88]. Миссионеры с походной церковью и причетниками должны были постоянно нахо- диться в разъездах по стойбищам для отправления богослужения и христианских треб у крещенных и обращать некрещеных. Тазовско- му стану, похоже, так и не суждено был стать оплотом христианства

в крае. Настоятель стана иеромонах Иринарх (Яхонтов) за два года пребывания в Обдорске так и не смог выбраться к месту назначения — устью рек Таза и Пура. После непродолжительного пребывания там священника-миссионера Николая Герасимова больше никто не жил, и он был окончательно заброшен[89].

Что касается самой Обдорской миссии, то и она порой переживала тяжелые времена. Посетивший Обдорск в 1882 г. ее бывший активный член Петр Попов, ставший к тому времени протоиереем с глубокой скорбью записал в путевом журнале: «...миссию Обдорскую нашел в полном состоянии разложения...бумаги, до миссии касающиеся, в хаотическом состоянии, дом миссионерский полным гнилости и смердящего запаха, в полном состоянии полуразрушения, а самого настоятеля миссии болеющим...»[90].

В 1885 г. при Обдорской миссии был открыт молитвенный дом в юртах Шурышкарских, построенный на средства березовского купца Окунева. Престол во имя святого Митрофана, епископа Воронежского и иконостас со всей церковной утварью были взяты из походной церкви Кондинской миссии. Задача крещения в деятельности миссий все больше отступала на второй план, многие были уже крещены, а некрещеные были осведомлены, что крещение — есть дело их свободного выбора.

Одной из особенностей распространения христианства на территории Обдорского Севера было то, что миссионеры чаще, чем в других местах готовы были идти на уступки обычаям традиционного образа жизни аборигенов. Христианство старалось приспособиться к Северу, вырабатывая и особый, северный вариант православной ритуальной практики, ритуального времени и ритуального пространства. В частности, в 1901 г. Консistorия вынуждена была выслать указ иеромонаху Иринарху, возглавлявшему миссию, о том, что крещение младенцев мирянами, ставшее довольно распространенной практикой, особенно среди зырян Обдорского края, могло быть проведено только если существовала реальная опасность для жизни новорожденного и того, что он мог не дожить до того времени, когда представится возможность его крещения священником. Более того, согласно канонам даже при совершении крещения мирянами по всем правилам, в случае счастливого выздоровления ребенка, обряд следовало «довершить» священнику, о чем сделать специальную запись в метрических книгах[91].

Процедуру подготовки к венчанию представителей народов Обдорского края также разрешено было упростить на основании про-

шения, поданного сотрудниками миссии в Синод. В постановлении говорилось, что ввиду «особенностей условий быта инородцев, населяющих район Обдорской миссии, их отдаленности от приходских церквей от 300 до 600 и более верст», частых отлучек для промыслов и кочевого образа жизни разрешить «духовенству всего низового края заменять троекратное оглашение одними теми сведениями, которые могут дать их инородческие управы или местные станы...что между брачующимися нет препятствий, указанных в обычной книге»[92].

Кроме того, миссионеры Обдорской миссии вынуждены были совершать венчания во время, которое в православной традиции для этого таинства не было предназначено — в самый разгар поста. Мотивируя свои действия спецификой кочевого жизни жителей Обдорского края, миссионеры просили Синод разрешить отступление от традиций, и Синод вынужден был и в этом пойти на уступки. В 1898 г. причту Обдорской Петропавловской миссии было разрешено проводить венчание в период поста в честь святых Апостолов Петра и Павла а два года спустя Синод разрешил миссионерам использовать для этого и Рождественский пост, указав «венчать браки новопросвещенных инородцев северного края, приезжающих на короткое время в село Обдорское в период времени с 25 декабря по 6 января, если не окажется возможности отложить венчание до другого установленного для этого церковного времени»[93]. Однако о каждом случае следовало сообщать в Консисторию и объяснять причины спешки с венчанием.

Безусловно, не всем, направленным в Обдорск миссионерам, одинаково хорошо удавалось выполнить возложенные на них обязанности в деле христианского просвещения народов Обдорского края. Например, настоятель миссии Сергей Миславский, назначенный в Обдорск в 1891 г., был уволен за свое скептическое отношение к перспективе обращения «инородцев» в христианство[94]. Вместе с тем, со временем среди сотрудников миссии стали появляться и представители народов Обдорского края. С 1894 по 1906 г. одним из активных деятелей миссии был хант Иоанн Егоров, занимавший должность дьякона, переводчика и школьного учителя. Им даже было составлено руководство по миссионерской деятельности в Обдорском крае «План миссионерских трудов миссионера Низовой миссии».

С 1898 г. при новом настоятеле Иринархе (И.С. Шемановском) начинается реорганизация Обдорской миссии. С этого времени ее

сотрудники были освобождены от исполнения приходских обязанностей в Обдорске и могли сосредоточиться на задачах миссионерских. Был организован миссионерский стан в поселке Хэ напротив Хаманельского мыса. Он стал местом постоянного пребывания одного из миссионеров, который должен был заниматься христианизацией вдоль берегов Обской губы и на Ямале. Помимо Хэнского стана были построены часовня в Надыме, молитвенные дома в Пуйко и Нанги. Путешественник и писатель К.Д. Носилов, несколько раз посетивший Обдорск в 1890-х гг. так описывал Обдорскую миссию: «Из общественных зданий с. Обдорском — прекрасно обставленная миссия, имеющая задачей не только просвещение ди-карей, но и образование их детей, для чего существует особая школа, с пансионом для учащихся, для богослужения миссия имеет собственный свой храм, старой постройки который содержится в образцовом порядке»[95].

Сотрудники Обдорской миссии совершали путешествия вдоль правого берега Оби до Гыданского полуострова, вдоль Бадарацкой губы и на полуостров Ямал. Миссионерам приходилось решать множество практических задач, каких в обычных условиях просто не возникало. Например, обеспечение новокрещеной паствы иконам вызвало определенные затруднения, так что вопрос этот специально обсуждался миссионерами на собрании 30 апреля 1903 г. До 1903 большая часть икон, приобретавшихся для новокрещеных хантов и ненцев, была изготовлена на жести, но, согласно сообщению настоятеля Обдорской миссии, продажу таких икон при церквях запретили. Изготовленные же на бумаге, особенно большого размера, были «нежелательны» из-за кочевого образа жизни северян, «как не отличающиеся практичностью материала». Поэтому настоятель миссии Иринарх предлагал ввести в употребление в миссии «бумажные же иконки 3х4 верш[ка], наклеенные на плотную папку и за стеклом для инородцев оседло проживающих и таковые же в деревянном с выдвижной крышкой футляре для кочевников»[96]. Кроме того, миссионер настаивал, чтобы во избежание опасности «забытия имен своих», новокрещенные снабжались бы иконами с изображением тех святых угодников, чьи имена получили при крещений. При этом, на обороте следовало делать печатную отметку о времени крещения[97].

В начале XX в. Обдорская миссия была усилена женской миссионерской общиной: для активизации миссионерской деятельности среди женского аборигенного населения Обдорского края в Об-

дорск в 1906 г. были посланы монахини. Их задачей, по мнению епископа Антония, было то, что у мужчины-миссионера вызывало затруднения, а именно, обучение новокрещенных девочек рукоделию, приучение их к чистоте и порядку, обучение грамоте и вере.

После отъезда из Тобольска игумена Иринарха, миссия стала постепенно утрачивать свою роль, как центра распространения христианства. Территория Ямала была охвачена миссионерской деятельностью лишь в его южных районах. Посетившие Обдорскую миссию в 1915 г. епископ Варнава и архимандрит Августин обнаружили значительные нарушения в ведении отчетности, особенно финансовой, а саму миссионерскую церковь запущенной.

Установление Советской власти, гражданская война и последовавшая за ней антирелигиозная кампания окончательно разрушили миссионерские институты, действовавшие на территории Обдорского края.

Развитие образования

Значительная роль в деле преодоления нехристианских религиозных традиций придавалась христианскому образованию детей. Одним из центров развития школьного образования среди народов Северо-западной Сибири явился Обдорск. В 1846 г. по инициативе священника-миссионера Петра Попова здесь была создана русско-туземная школа. Она помещалась в доме самого священника П. Попова, знавшего язык хантов и содержалась за его счет. Священник, будучи уроженцем Севера и прекрасно зная условия жизни народов Обдорского края, предлагал вместо запланированного в проекте губернского начальства приучения «инородцев через школу к огородничеству и полеводству», обратить внимание на рыболовство и оленеводство, как отрасли хозяйства более подходящие для жителей Севера. Он также предлагал прививать детям, принятым в школу, навыки кузнечного и плотницкого дела, в обучении чему могли оказать помощь и русские крестьяне[98].

Решение проблемы привлечения детей хантов и ненцев в школу Петр Попов связывал с созданием в Обдорске училища с государственным обеспечением учащихся жильем и питанием. Однако, несмотря на неоднократные обращения священника к Березовскому военно-окружному начальнику, и в 1863 г. такого училища создано не было. Официально миссионерская школа в Обдорске была открыта только в 1867 г. Учебный год в школе делился на два семестра: с 15 сентября по 23 декабря и с 15 января по 7 июня. О

характере преподавания можно судить на основании Настольного журнала Обдорской миссионерской школы за 1881 г. Ученики были разделены на две группы старшую и младшую, в зависимости от степени подготовки. В марте 1881 г. в школе обучалось 2 мальчика в старшей группе и три в младшей. В среднем в день проводилось по три урока по следующим предметам «чтение по-славянски», «из арифметики», «чистописание», «священная история», «чтение по-русски», «священное писание». Основными учебниками служили Азбука — для младшей группы, Священное писание и Катехизис — для старшей[99].

В 1882 г. Обдорская миссионерская школа была закрыта. Причиной были общий упадок миссии и смерть ее настоятеля и организатора школы игумена Аверкия. Вновь школа была открыта по просьбе миссионеров в 1885 г. на основании того, что в светскую школу, открытую по линии Министерства народного просвещения, коренные жители Обдорского края детей вообще не отдавали. Миссионеры совершенно справедливо обращали внимание властей на то, что «...инородцы со своими семействами ближе к миссионерам, чем к гражданской власти, и потому охотнее отдают своих детей в миссионерскую школу». В 1897 г. вспомнили и об идее П.Попова об организации училища. Был разработан ряд мер по усилению воздействия на духовный мир аборигенов, и в Обдорске была открыта школа с общежитием для 15 «инородческих» детей — прообраз будущих интернатов, но и на этот раз набрать учеников не удалось[100]. В конце концов миссионеры должны были пойти на крайние меры, выплачивая определенные суммы тем, кто соглашался послать детей в школу. Так, например, в фонде дел Обдорского миссионерского приюта хранятся расписки родителей в получении оплаты за направление детей на учебу. В частности, 27 января 1902 г. хант Кунжольских юрт Обдорской волости Федор Сибиров Сендом дал расписку священнику Ионанну Егорову в том, что он «отдавая детей своих Даниила и Сергея в инородческий пансион для обучения на 1902—1903 учебный год» получил на них пособие — 5 рублей. В случае если по какой-либо причине ему не удалось бы послать детей в школу, Федор Сибиров обязался деньги вернуть. Любопытно, что вместо Федора под текстом расписки подписался его сын Даниил Сибиров[101]. Документ был составлен и заверен печатью в Обдорской инородной управе, за что была взята пошлина в 5 копеек. Даниил, судя по его росписи, обладал не плохим почерком, и, вероятно, уже несколько лет обучался в школе. О другом

ученике пансиона, Константине Тогой, сыне ненца из рода Тогой, Ивана Вана Тогой, священнику И.Егорову удалось договориться только в апреле. Так что его отец за разрешение обучать сына получил от миссионера всего 3 рубля, в чем дал расписку[102]. Под распиской вместо отца подпись поставил его старший сын, тоже Иван Тогой, судя по ровному почерку тоже прошедший обучение в миссионерской школе.

Священник Петр Попов внес значительный вклад и в развитие письменности народов Сибири. Им, в частности, был создан «остяко-самоедско-русский словарь, редактированием которого, согласно записям в путевом журнале, он занимался с марта до июня 1867 г.[103]. Им же была составлена и Азбука для ненцев. Каждый раз, посещая жилища хантов, Петр Попов старался убедить их отдавать своих детей в школу. Однако редко кто соглашался, и даже в этих случаях, священник вынужден был с горечью признавать, желание обучать грамоте детей было «все же неискреннее»[104]. Священники, работавшие непосредственно с народами Обдорского края, были глубоко убеждены в необходимости распространения грамотности для укрепления христианства и старались уговорить хантов и ненцев, отдавать детей на обучение. Священник Александр Тверитин, например, записал в своем путевом журнале при объезде прихода в августе 1867 г.: «Грамотность же в деле просвещения инородцев — самое первое и необходимое условие; они до тех пор будут в грубом и невежественном состоянии и никогда не продвинутся вперед, пока дети их не будут грамотны»[105]. Поэтому сотрудники миссии усердно трудились над учебной литературой для детей народов Обдорского края. При Обдорской миссии была создана переводческая комиссия под руководством настоятеля иеромонаха Иринарха. Священник И. Егоров подготовил к изданию «Книгу для обучения самоедских детей читать и писать», «Книгу для обучения остяцких детей читать и писать. В 1900 г. была издана его «Емынг ястопса» — Священная история на хантыйском, а в 1903 г. Священная история по-самоедски и «Предначинательные молитвы». Родной язык учащихся продолжал привлекаться в школьном образовании вплоть до 1905 г., позднее от системы Н.И. Ильминского отказались, и образование было полностью переведено на русский. Миссионеры больше уже не делали попыток введения обучения на родном языке не только из-за отсутствия учебников и малого количества учеников, но и потому, что Русское правительство начало открыто проводить политику русификации.

Таким образом, целенаправленное распространение христианства в Обдорском крае началось только в первой четверти XVIII в. Процесс этот шел медленнее, почти без применения практики массовых крещений и разрушения священных мест. Тем не менее, именно народы Обдорского края оказали реальное активное, порой вооруженное сопротивление продвижению миссии на Север, что в значительной степени задержало христианизацию и повлияло на ее методы.

В XVIII в. крещеное население Обдорского края, как и на остальной территории Северо-Западной Сибири, подвергалось административным наказаниям за несоблюдение христианских норм и приверженность традициям нехристианской религиозности, но случаев применения насилия здесь было зарегистрировано гораздо меньше. Политика в отношении религиозных традиций народов Обдорского края развивалась в более мягких формах, чем в южных районах Тобольской губернии.

Миссионеры придавали большое значение крещению знати, использовали традиционное ритуальное пространство хантов и ненцев, наполняя его новым, христианским, содержанием. К числу основных методов, использованных для достижения целей христианизации, относились поощрительные, включавшие подарки, судебные и налоговые льготы. Вместе с тем, миссионеры вынуждены были использовать светские институты и административные меры, предполагавшие систему телесных наказаний, аресты и штрафы. Наконец, миссионерами активно использовались методы убеждения, наглядности и эстетического воздействия — через разъяснение христианских сюжетов с помощью икон.

Особенностью политики Русского государства в отношении религиозных традиций народов Сибири по сравнению с мировым и европейским опытом было то, что она диктовалась и контролировалась не столько духовными, сколько светскими властями. Слабая степень развития церковных организаций в Сибири и зависимость церкви от государства, административная и, особенно, финансовая, ставили деятельность местных священников в большую зависимость от светской власти. Поэтому неудивительно, что, распространяя православие, духовные деятели должны были постоянно обращаться к ней за помощью. Однако, несмотря на использования всего набора имевшихся в распоряжении миссионеров методов Обдорский край оставался единственной территорией Северо-Западной Сибири, где

официально значительная часть хантов и ненцев продолжала оставаться не крещеной вплоть до 1920-х гг.

Важную роль в проведении политики правительства в отношении религиозных традиций народов Сибири сыграло основание миссионерских институтов, действовавших вплоть до первой четверти XX в. Но и после этого отношения между миссионерами и народами Обдорского края развивались по-особенному. Миссионерская деятельность была приостановлена по настоянию ненцев, не желавших мириться с присутствием миссионеров в Обдорске. Таким образом, им удалось отстоять свое право на традиционную религиозность и заставить представителей светской и духовной властей, пусть не надолго, но все же отступить.

В XIX в. в дополнение к традиционным методам распространения христианства добавился и новый — просвещение народов Сибири. Активно создавались школы, готовились переводы текстов священного писания и молитв на языки хантов, манси и ненцев. Важным достижением миссионерской школы в Обдорске являлось то, что сотрудники миссии организовали преподавание не только традиционного набора предметов, связанного с обучением грамоте (чтению и письму), и закону Божьему, но и арифметики, которая редко присутствовала в учебных программах школ для представителей нерусских народов.

Развитие миссионерского движения в стране инициировало активную полемику в среде миссионеров и общественных деятелей о целях и методах православной миссии. Были выработаны принципы деятельности миссионеров, которые послужили руководством для осуществления миссии на местах. Государственный контроль за деятельностью миссионеров, с одной стороны, и активное обсуждение вопросов христианского просвещения широкой общественностью — с другой, привело к формированию относительно мягких форм деятельности православной миссии на территории Северо-Западной Сибири в сравнении с действиями западно-европейских миссионеров в колониях. Особенно ярко эта тенденция проявилась на территории Обдорского края. Миссионеры делали все возможное, чтобы приспособить христианство к условиям Севера, вырабатывая особый, северный, вариант православной ритуальной практики, ритуального времени и ритуального пространства. Именно здесь в наибольшей степени проявились лучшие качества миссионеров, создав условия, как для развития христианства, так и сохранения и творческого развития традиционной религиозности народов Обдорского края.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.5. Спб., 1842. № 69. С.101
2. См. Иринарх (Шемановский), иером. История Обдорской духовной миссии. 1854—1904 гг. М., 1906. С.1.
3. Цит. по: Иринарх (Яхонтов). Хронологический обзор достопамятных событий в Березовском крае Тобольской губернии 1032—1910 // Православный благовестник. М., 1912. С.86.
4. Цит. по: Древний город на Оби. История Сургута. Екатеринбург, 1994. С.218.
5. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн. 1451. Л. 584—585об.
6. Памятники Сибирской истории XVIII в. (Далее ПСИ) Книга первая. 1700—1713. Спб. 1882. №96. С. 413—414 .
7. См. Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов. XVII-XX вв. Екатеринбург-Салехард, 2005. С.235—236.
8. См. Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком. Новосибирск, 1941. С.74—75.
9. См. Огрызко И.И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. М., 1941. С.36.
10. См. Muller J. B. The manners and Customs of the Ostiacks, A nation that extends to the frigid Zone; How they were, in the Year 1712, converted from Paganizm to the Christian Religion of the Grecian Confession. With some curious remarks on the Kingdom of Siberia, and the Streights of Nassau or Waigats. Described by John Bergnard Muller, a Swedish Captain of Dragoons, in the Captivity: and sent by him to Petersburg the 12th of December 1716. // Weber F.C. The present state of Russia being an account of the government of that country, with civil and ecclesiastical; of the Czar's forces be sea and land, the regulation of his finances, the several methods he use of to civilize his people and improve the country, his transactions with several eastern princes, and what happened most remarkable at his court, particularly in relation to the late czarewitz, from the year 1714, to 1720. Translated from the High-Dutch. 1st ed. London, W.Taylor, 1722—23. P.92.
11. Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком... С.90.
12. РГИА. Ф.196. Оп.5. 1726 г. Д.253. Л.32 об.
13. ПСИ. Кн. II. №. 50. С. 179—180.
14. РГИА Ф.796. Оп.10. Д.494. Л.11.
15. ПСЗ. Собр. 2. Т.XII. № 10135.
16. Огрызко И.И. Христианизация народов Тобольского Севера... 57.
17. См. ПСЗ. Собр. 2. Т. XLI № 43138.
18. ПСИ. Кн.I. № 96. С.413—414.
19. ПСЗ. Т.V. № 3637.
20. ПСИ. Кн. II. 1713—1724. Спб., 1885. №9. С.33—34.

21. Там же. N32. С.107—108.
22. Там же. N33. С.108—109.
23. Там же. N46. С.170—171.
24. Там же. N52. С.180—181.
25. Там же.
26. См. Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.
Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С.293.
27. См. Огрызко И.И. Христианизация народов Тобольского Севера... С.42—43.
28. ГУТОГАТ. Ф. 144. Оп. 1. Д.45а. Л.2.
29. РГИА. Ф.796. 1724 г. Д.253. Л. 33.
30. См. Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком...С. 86—87;
Munkasci B. Vogul nepkoltesi Uuyjtemeny. Vol. IV. Рр. 122—127.
31. Цит. По Огрызко И.И. Христианизация народов Тобольского Севера... С.59.
32. РГАДА. Ф. 1446. Оп.1. Д. 25. Л. 23—23об.
33. Огрызко И.И. Христианизация Тобольского севера... С.41.
34. Там же. С.43.
35. Книжные сокровища Югры. Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска. Екатеринбург, 2003. С.27, 413—414.
36. Огрызко И.И. Христианизация Тобольского севера... С.43.
37. Книжные сокровища Югры... С.27, 413—414.
38. Огрызко И.И. Христианизация Тобольского севера... С.91.
39. Там же. С. 84.
40. РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д.42. Л. 1об.
41. Огрызко И.И. Христианизация народов Тобольского Севера... С.86.
42. РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д.42. Л. 3, 3об.
43. Там же. Л. 3об., 4.
44. Там же. Л. 1об.
45. Там же. Л. 2.
46. Там же. Л. 5, 5об., 6.
47. Там же.
48. Наказ комиссии о составлении проекта нового Уложения // ПСЗ с1649 г. Спб., Т. XVIII. 1767—1769. №№ 494—496. С.257.
49. Огрызко И.И. Христианизация народов Тобольского Севера...С. 99.
50. Там же. С.60.
51. См. Побережников И.В. Материалы по истории распространения слухов о насильственной христианизации среди коренных народов Востока России (XVIII—XIX вв.) // Проблемы административно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском ре-

гионе: исторический опыт и современность. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Март 1995 г. Тобольск, 1995. С. 89—93.

52. См. Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь... С. 266—267.

53. Устав об управлении инородцев // Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI — начало XX века). Тюмень, 1999. С. 89.

54. Там же.

55. Дунин-Горкавич А.А. О деятельности Обдорской духовной миссии // Нужды Тобольского Севера и меры для их удовлетворения. Шадринск, 1994. С. 66.

56. Свод законов Российской империи. Т. XI, Ч. 1. Спб., 1896. С. 156—157.

57. Там же. С. 157.

58. РГИА. Ф. 796. Оп. 115. Д. 1606. Л. 1

59. Там же. Л. 1 об.—2 об.

60. ПСЗ Т. XI. Собр. 2. № 9269.

61. Темплинг В.Я. Предисловие // «И здесь появляется заря христианства...» (Обдорская миссия 30-е — 80-е гг. XIX в.); Источники / Сост. Вст. ст. и коммент. В.Я. Темплинга. — Тюмень, 2003. С. 18

62. ГУТО ГА Т. Ф. 156. Оп. 25. Д. 9. Л. 113 об.—115.

63. Там же. Л. 118—118 об., 122—122 об.

64. РГИА. Ф. 797. Оп. 134. Д. 2064. Л. 2.

65. Цит. по: Мавлютова Г.Ш. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Северо-западной Сибири (XIX—начало XX века). Тюмень, 2001. С. 61.

66. См. ГУТО ГА Т. Ф. 156. Оп. 25. Д. 127 (5). Л. 390 об.; Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60—70-е гг. XIX в.) / Сост. и коммент. В. Темплинг, вступ. Ст. и коммент. С. Турова. — Тюмень, 2002. С. 50—51.

67. Там же. Ф. 402. Оп. 3. Д. 73. Л. 27—28 об.

68. Там же. 156. Оп. 26. Д. 643. Л. 15 об.; Путевые журналы миссионеров... С. 154.

69. РГИА. Ф. 797. Оп. 134. Д. 2054. Л. 24—25 об.

70. См. Иринарх (Шемановский), иером. История Обдорской духовной миссии. 1854—1904 гг. М., 1906. С. 202.

71. См. ГУТО ГА Т. Ф. 156. Оп. 25. Д. 127 (5). Л. 326 об.; Путевые журналы миссионеров... С. 19, 20.

72. См. Свешников Н.А. Христианизация народов нижнего Приобья // Ученые записки Енисейского государственного педагогического института: Вып. 3. (Серия историко-филологическая. — Енисейск, 1959. С. 96.

73. См. ГУТО ГА Т. Ф. 156. Оп. 26. Д. 431. Л. 25 об.; Путевые журналы миссионеров... С. 78.

74. Там же. Д. 707. Л. 112, 112 об.; Путевые журналы миссионеров... С. 181.

75. Там же. Д. 431. Л. 26; Путевые журналы миссионеров...С.78.
76. Там же. Л. 26, 26 об; Путевые журналы миссионеров...С. 79.
77. Путевые журналы миссионеров... С. 82.
78. Там же. С.91–92.
79. ГУТО ГА Т. Ф.156. Оп. 25. Д.127 (5). Л. 396; Путевые журналы миссионеров... С. 26.
80. Там же.
81. Там же. Оп. 26. Д. 431. Л. 24; Путевые журналы миссионеров... С.77.
82. Там же. Д. 643. Л. 13; Путевые журналы миссионеров...С.151.
83. Там же. Д.431. Л. 24об, 25; Путевые журналы миссионеров...С.78.
84. Там же. Д.542. Л. 114 об.; Путевые журналы миссионеров...С. 99.
85. Там же. Д.864. Л. 47 об.; Путевые журналы миссионеров...С.197.
86. Там же. Л. 399 об; Путевые журналы миссионеров...С. 32.
87. См. Путевые журналы миссионеров...С. 65.
88. ГУТО ГА Т. Ф. 156. Оп. 26. Д.590. Л.85; Д.651. Л.24.
89. Мавлютова Г.Ш. Миссионерская деятельность...С. 64–65.
90. ГУТО ГА Т. Ф.156. Оп.26. Д. 864. Л. 52; Путевые журналы миссионеров...С. 203.
91. ГУТО ГА Т. Ф.703. Оп.1. Д.2. Л.10–13.
92. Там же. Л. 12об.–13.
93. Там же. Л. 12, 12. об.
94. См. Мавлютова Г.Ш. Миссионерская деятельность... С.65.
95. ГАСО. Ф. 2757-р. Оп.1. Д. 786. 8 Л. 69
96. ГУТО ГА Т. Ф. 703. Оп1. Д. 2. Л. 51об.–52.
97. Там же. Л.52.
98. ГУТО ГА Т. Ф. 144. Оп.1. Д.10. Л. 46.
99. Там же . Ф.705. Оп.1. Д.1. Л.1–3об.
100. См. Дунин Горкавич А.А. О деятельности Обдорской духовной миссии//Нужды Тобольского Севера и меры для их удовлетворения. Шадринск, 1994. С.66.
101. ГУТО ГА Т. Ф. 705. Оп1. Д. 1. Л.1–1об.
102. Там же . Л. 2–2об.
103. См. ГУТО ГА Т. Ф. 156. Оп. 26. Д.431. Л. 24; Путевые журналы миссионеров... С.77.
104. Там же. Л. 26 об. 27; Путевые журналы миссионеров...С.79.
105. Там же. Д. 431. Л. 37 об.; Путевые журналы миссионеров...С.9.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРАМЫ ОБДОРСКОГО КРАЯ (XVII — НАЧАЛО XX ВВ.)

Считается, что первая церковь в Обдорском крае была поставлена в Обдорской заставе в 1600 или 1602 году [1]. Однако данная датировка основания обдорской церкви, принадлежащая Н.А. Абрамову, по замечанию В. Герасимова, является «ничем не подтвержденным свидетельством» [2]. Согласно все тому же Н.А. Абрамову, церковь построили в связи с тем, что в 1600 (или 1591 г.) принял крещение обдорский остяцкий князь, нареченный Василием. Отсюда посвящение церкви св. Василию (Василию Великому), святителю кесарийскому. Строилась церковь якобы «иждивением» князя Василия Тайшина [3], но далее его благочестие не простерлось. Князь Василий христианином являлся лишь формально, христианского вероучения и норм повседневной жизни не придерживался. Более того, в 1607 г. он пытается поднять своих соплеменников на открытое выступление против русских, а в итоге оказывается на виселице [4]. Потомки-приемники князя Василия Тайшина, равно как и их поданные, еще долго «пребывали во тьме язычества», время от времени пытались выдворить русских из Обдории. Одна из таких попыток была предпринята уже сыном князя Василия Мамруком в 1609 году. В связи с этим единственными прихожанами обдорской церкви, если она существовала, длительное время были только казаки—«годовальщики» Обдорского городка. Впрочем, какое-то культовое сооружение в Обдорском городке было наверняка. В этом отношении потребностям сменного казачьего гарнизона вполне могла служить небольшая часовня, службу в которой вели священники, изредка наезжавшие из Березова. Скорее всего, именно часовня, а не церковь изображена в Обдорском городке на карте С.У. Ремезова (1701 г.). В 1601 г. была основана «златокипящая» Мангазея. Первую мангазейскую церковь поставили в остроге (кремле) и освятили во имя Св. Троицы. В 1610 г. в Мангазее было уже две церкви [5]. Церковь во имя Св. Макария Чудотворца Желтоводского поставили на посаде. В 1625 г. там же на посаде возвели Успенский храм. Успенская церковь явилась по инициативе горожан и многочисленных торговых и промышленных людей, наполнявших Мангазею в 20-е гг. XVII века. Особенно большую лепту в строительство

храма внес «торговый человек ярославец Аникий Скрипин». В 1642 г. старейшая мангазейская Троицкая церковь погибла в пламени пожара. Однако между 1652 и 1660 гг. мангазейская кремлевская церковь Св. Троицы была восстановлена. Упразднены мангазейские храмы были одновременно с упразднением самого города в 1672 году [6].

При Петре I начинается массовая христианизация аборигенов Северо-Западной Сибири. Впервые вопрос о поголовном крещении аборигенов Сибири Петр I поставил в 1700 году. Царь сместил с кафедры сибирского митрополита Игнатия, по его мнению, не пригодного для этой миссии, и велел подобрать другого, «не только доброго, но и ученого, который, будучи митрополитом в Тобольске, мог Божиею помощью исподволь людей приводить в познание истинного Бога». В результате в 1702 г. в сибирские митрополиты был хиротонисан Филофей Лещинский. Филофей Лещинский на момент назначения на тобольскую митрополию являлся настоятелем брянского Свенского монастыря и был известен как ревностный проповедник, а также просвещенный деятель церкви, воспитанник Киевской духовной академии. Еще одним подготовительным мероприятием в деле христианизации аборигенов Севера стало открытие осенью 1701 г. князем М.Я. Черкасским в Тобольске по указанию Петра I духовной школы для обучения «поповских, дьяконских и церковных причетников детей словенской грамоте», для того чтобы «выучась и удостоясь в чин священства, народ учить» и заниматься миссионерской деятельностью. Посещали занятия и дети аборигенов (ханты, манси, ненцев). А в 1706 г. Филофей Лещинский писал к Петру I: «... свободно, без всякого страха неверным, которые ... к христианской вере обращаются и ребяток у них взять десяток и другой на Березове и учить их Божественного писания» [7].

Впрочем, это предложение митрополита Филофея было нацелено на перспективу, а в целом подготовка к массовой христианизации аборигенов Севера была к 1706 г. завершена.

Своеобразным: «Иду на вы!» стал указ от 2 декабря 1706 г., в котором двум остяцким князькам, ляпинскому Шекше и обдорскому Тучабалде, предлагалось добровольно принять христианство. Однако последние отказались прибыть в Тобольск для крещения. Хотя еще в 1704 г. обещали креститься Ф. Лещинскому во время посещения последним Березовского края. Этот эпизод, по-видимому, и послужил сигналом к началу массовой миссионерской компании. Возможно также, что к ее подготовке имеет отношение указ от

1706 г.: «чтоб чрез Собскую заставу из Сибири в Русь не пропускать а из Руси в Сибирь чрез оную заставу пропускать велено...» [8]. Смысл этого указа мог состоять в том, чтобы воспрепятствовать исходу за Урал потенциальных неофитов. Снаряженная в 1707 г. Ф. Лещинским миссия была малоуспешна, в Березовском и Сургутском уездах удалось крестить всего несколько человек. Начало следующего этапа христианизации Обского Севера пришлось на 1710 г. В этом году царским указом, ставшему к этому времени (1709 г.) схимонахом Федором, митрополиту Лещинскому повелевалось крестить аборигенов поголовно — «идолы огнем палить и рубить и капища их разорять». Ну, а тем из язычников, которые стали бы чинить препятствия христианизации соплеменников, указ обещал «казнь смертную». Указ от 1710 г. противоречил всему предшествующему законодательству в отношении инородцев Сибири, рекомендовавшему проявлять в отношении плательщиков ясака повышенную терпимость («ласку»). Скорее всего, инициатором беспрецедентных мер в отношении сибирских язычников был губернатор М.П. Гагарин, поскольку указ 1710 г. вышел из Сибирского приказа, судьей которого он являлся по совместительству. Недаром в 1711 г. Гагарин настоял на встрече со схимонахом Федором, по-видимому, с тем, чтобы убедить его не только возглавить миссионерскую компанию, но и организовать ее на началах указа 1710 года. В результате этих переговоров схимонаху Федору пришлось проститься с кельей в тюменском Троицком монастыре и вновь отправиться в низовья Оби. Ф. Лещинский крестил березовских остяков в миссионерских экспедициях 1712, 1713 и 1714 годов; пелымских вогулов — в 1714 и 1715 годах. В 1716 и 1718 гг. к христианству были приобщены сургутские ханты. В экспедиции 1714 г. Лещинский окрестил, помимо прочих, князька Куноватской волости Игоря Данилова и обдорского князя Тайшу Гындина (Тайшин — Мурзин), нареченного Алексеем. Тогда же были крещены куноватские остяки. В 1726 г. Филофей Лещинский посетил Обдорск. Однако миссия «сибирского святителя» оказалась безуспешной. Подстрекаемые своим князем — «христианином» Тайшиным Гындиным аборигены «не допустили его даже сойти на берег». Впрочем, согласно преданию, записанному в 80-х гг. XIX в., Филофею удалось причалить к берегу в ю. Кышпугорских в трех верстах от Обдорской заставы. Здесь он окрестил три семьи остяков [9].

Одним из результатов миссионерской деятельности митрополита Филофея стало строительство церквей и образование православных

приходов в инородческих волостях. По-видимому, в это время был поставлен Троицкий храм в Кушеватском погосте Куноватской волости. Хотя имеются свидетельства о том, что кушеватскую Троицкую церковь построили в 1730 году [10]. Во всяком случае, еще в 1740г. Г.Ф. Миллер отметил, что в «Кужевацком погосте..., кроме одного священника больше никто не живет, так как остяки, имевшие до основания церкви здесь большую летнюю деревню, рассеялись с тех пор по другим местам» [11]. В той или иной степени миссионерские усилия при поддержке властей продолжались до 70-х гг. XVIII века. Согласно бытовавшим в среде инородцев в XIX в. преданиям, чаще всего священников привозили с собой чиновники и казаки, прибывавшие из Березова для сбора ясака. Крестили только добровольцев, не прибегая к насилию [12]. В результате пусть во многом формально, но христианство утвердилось среди аборигенов Севера вплоть до Обдорска. Обдорск являлся своеобразным форпостом православия. Далее на север не было ни церквей, ни христиан. Православные таинства, если судить по метрическим книгам, в конце XVIII в. более или менее регулярно отправляли только остяки ближайших к Обдорску юртов [13]. Князь Василий Мурзин Тайшин принял христианство еще в 1742 г. в Тобольске, где его крестным отцом стал сам губернатор А. Сухарев. За одно с ним были крещены «брат его ... да две ево князца Мурзина по их закону жены и рожденные от них детей мужска полу двое, женска трое — всего восемь человек» [14]. В ознаменование этого события князь Тайшин якобы просил построить в Обдорске церковь. Вот как передаются эти события в «Обдорской приходской летописи»: «Первоначально в Обдорске церковь во имя Василия Великого с приделом Николая Чудотворца заложена строиться из круглого кедрового леса, в августе месяце 1746-го года по благославлению митрополита Антония тобольского, и освещена 1751 года, но на чье иждивение неизвестно. Впрочем, по преданию от старожиллов обдорских, известно следующее: некто князь обдорский будь-то бы Тайша путешествовал около тех времен в С. Петербург, где принял святое крещение и наречен Василий по восприемнике Иванович. Вскоре по крещении новопросвещенный князь Василий помер в С. Петербурге, откуда вскоре [...] предписано кому следовало построить в Обдорске во имя Св. Василия Великого храм на казенную сумму» [15]. Таким образом, народной молвой князь Василий был отправлен креститься в Санкт-Петербург вместо Тобольска, но в целом события середины XVIII в. изложены достаточно точно. Церковь действительно

строилась на казенный счет. На это были выделены деньги (около 100 руб.) и строительные материалы: «Сего июня 1747 году, отправлена из Березова вниз по Оби речке с березовскими казаками Осипом Редозубовым с товарищи с шести человеки покупная здесь к строению в Обдорску, где новокрещеный князец Василий Тайшин жительство имеет, церкви во имя святого Василия Великого; того ради по приплаве оной барки под городок велеть тебе, определенными при тебе казаками, оную барку изломать и втаскать на гору безоговорочно (а ежели которые в Обдорске имеются снасти пеньковые и мочальные прислать сюда немедленно)...». Иконами, книгами и другим «церковным благолепием» церковь также была обустроена за счет казны [16]. Да иначе и быть не могло. Прихожан, которые могли бы принять на себя расходы на постройку и обустройство в Обдорске храма, попросту не было, а аборигены по прежнему не выказывали особенного рвения в усвоении христианского вероучения. Постоянное русское население появляется в Обдорске не ранее 80-х гг. XVIII века.

К концу XVIII в. в Обдорском крае было 2 храма. В приходе Обдорской Васильевской церкви числилось 63 двора и 586 «душ обоего пола». Из них только 9 дворов — непосредственно в «Обдорском городке», остальные — в юртах: Собских, Вандиазских, Шурышкарских, Войкарских, Пелважских. К Кушеватской Троицкой церкви были приписаны 11 дворов «Кушеватского погоста» и еще 94 двора в «остяцких жилищах» [17]. В 1801—1803 г.г. Кушеватская церковь была перестроена [18].

В 1817 г. в Обдорске «по благословению архиепископа Амвросия» была заложена новая церковь вместо обветшавшей к тому времени Васильевской. Осветили новый храм в 1823 г. «во имя Первоверховных Апостолов Петра и Павла с приделами в теплой по правую руку Василия Великого и по левую сторону святителя Николая Чудотворца. Лес на оную церковь круглый был приплавлен Кординского монастыря экономическими крестьянами за 50 рублей ассигнациями. На всю постройку употреблено суммы пять тысяч рублей ассигнациями. Сумма сия была собрана от прихожан сего прихода и от разных доброхотодателей, к тому же лесу еще ба-рашного было приложено разными боголюбцами на сто пятьдесят рублей ассигнациями. Иконостас с образами в оной церкви весь новый и при нем лампада к местным образам и паникадило доставлены из Тобольска березовским купцом Александром Ивановым Нижегородцевым на свой капитал, а чего оный ему стоил докумен-

тов при церкви об оном нет. В теплой церкви иконостасы прежней церкви ...» [19]. Как видим, на сей раз обдоряне внесли на постройку храма немалую лепту. Способствовало тому увеличение постоянного русского населения и оживление экономической жизни края в связи с открытием Обдорской ярмарки. Да и позднее церковь не бедствовала, о чем говорят весьма приличные «кружечные» и «кошельковые сборы». Рекордным в этом отношении стал 1884 г., когда церковные доходы составили 14076 рублей. Деньги по тем временам более чем значительные [20]. Во второй половине XIX в. Обдорская Петропавловская церковь была самой богатой на сибирском северо-западе. В 1882 г. церковный капитал составлял 646 р. 81 к. наличными и 43661 р. «банковскими билетами». В это же время «столичный» для края березовский Воскресенский собор имел деньгами 199 руб. и банковскими билетами — 2050 рублей [21].

Во второй половине XIX — начале XX вв. в Обдорском крае начинается следующий этап храмового строительства. В 1885 г. в с. Кушеватском освятили новую Троицкую церковь [22]. Еще в 1840 г. в с. Мужы была освящена однопрестольная церковь во имя Св. Архистратига Михаила и Прочих Бесплотных Сил. Срубили здание церкви в Тобольске и на баржах сплавили до Мужей. В 1881 г. в Мужах начато строительство новой церкви, а зимой 1884 г. она была освящена. Теперь в церковь имела три престола — Архистратига Михаила, Благовещения Пресвятой Богородицы и Святителя и Чудотворца Николая. Однако уже 28 апреля 1884 г. оба храма старый и новый сгорели. Пожар был такой силы, что церковные колокола расплавились и «слились» [23]. Спасти удалось только иконы и престол со святым антиминсом. Только в 1891 г. в Мужах вновь была отстроена церковь «тщанием прихожан и благотворителей», а в ноябре 1892 г. церковь получила новый иконостас, однако уже в 1914 г. храм нуждался в ремонте [24]. О трагедии 1884г. по меньшей мере до 1913 г. напоминали две небольших деревянных часовни, поставленных на месте сгоревших храмов [25]. Еще в 60-е гг. XIX в. П. Попов предлагал устроить часовни (молитвенные дома) [26] «в разных пунктах инородческого населения» [27]. К этому времени в тундре стояла всего одна часовня на городище, оставшемся от «златокипящей» Мангазеи. Часовня стояла над могилой святого Василия Мангазейского. В 1871 г. миссионер Н. Герасимов посетил часовню и нашел, что «в ней всего оказалось вдвое. Икон до 12 разных, в том числе и икона Василия убиенного, свеч всех сортов ... очень много, фелонь, эпитрахиль, кадило, ла-

дан и даже есть угли. При входе в часовню на левой руке к стене гробница и под ней самая могильная яма мученика» [28]. Н. Герасимов отслужил в часовне литию и молебен, однако местные жители на богослужении отсутствовали за неимением таковых. Ближайшее становище тундровых кочевников Н. Герасимов и его спутники нашли только в 5-ти верстах от часовни, да и то было временным. Между тем, в тайге и тундре имелись «более центральные и более выгодные пункты для устройства ... часовен». П. Попов предлагал отстроить молитвенные дома в ю.ю. Воксарковых и Нангинских, где в общей сложности летом собиралось до 360 инородцев [29]. Однако проект П. Попова начинает осуществляться только в 80-е гг. XIX века. Еще в начале 80-х гг. XIX в. настоятель Низовой миссии Аверский хлопотал об открытии молитвенного дома в ю. Шурышкарских. Расходы по строительству часовни готов был взять на себя тобольский мещанин Уженцев, имевший неподалеку от ю. Шурышкарских промысловый стан, где он оседло проживал с начала 70-х гг. XIX века. К 1886 г. Уженцев заготовил большую часть строительных материалов: «619 лесин трех саженой в длину и от 6 вершков толщины в отрубе, 500 тесниц и барка, служившая для сплава муки». Вскоре молитвенный дом был построен, а в 1887 г. освящен. В 1893 г. его обозревал тобольский губернатор Н.М. Богданович и особо отметил заслуги Уженцева в деле возведения часовни. Впрочем, качество строительства было неважным. Уже в 1892 г. настоятель Обдорской миссии Е. Миловский нашел «внутреннее устройство» молитвенного дома «жалким» и считал, что «принимая во внимание климатические условия местного края» его необходимо обшить тесом [30]. В 1893 г. «жалкое» состояние Шурышкарской часовни привело к конфузу. Во время богослужения 14 марта с престола сколоченного кое-как, «качавшегося из стороны в сторону», свалилось Евангелие и из потира «сплеснулась божественная кровь» [31]. Однако и этот прескорбный случай не подвиг церковные власти к исправлению положения, в 1894 г. протоирей М. Путинцев, проследовавший с миссией через ю. Шурышкарские, отмечал, что в молитвенном доме «престол обветшал и расшатался» [32].

Еще один молитвенный дом был поставлен в селении Хэ в связи с открытием здесь миссионерского стана в 1899 году. Хэнский молитвенный дом освятили во имя Николая Мирликийского. Часовня имела четыре помещения, в иконостасе стояли «хорошего письма иконы». В конце XIX — начале XX вв. было открыто еще три

молитвенных дома. На р. Надым часовня была поставлена на месте, в свое время отмеченном отцом В. Герасимовым и профессором А. Якобием в их совместной экспедиции. Тогда они «водрузили на найденном последнем самом северном кедре крест, как знамя будущего миссионерского стана ...». Надымский молитвенный дом освятили во имя Николая Мирликийского и Гурия Казанского. Между Обдорском и Хэ, в местности Пуйко, часовня была воздвигнута на средства богатого рыбопромышленника А. Туполева. По его желанию часовню освятили во имя Божьей Матери Всех Скорбящих Радости. Другой рыбопромышленник С. Бронников выделил средства на строительство молитвенного дома на промысловом стане Нанги. Часовню освятили в честь Апостолов Петра и Павла. Замечательно, что в обеих часовнях были установлены ежегодные празднества св. Николаю Мирликийскому исконно считавшемуся на севере покровителем мореходов и промышленников. Между 1916—1918 гг. построили молитвенный дом в селении Норе. Вероятно в 1918 г. часовня была освящена во имя Василия Великого [33].

К 60-м гг. XIX в. обдорская Петропавловская церковь перестала удовлетворять нуждам постоянно растущего местного населения, так как при богослужении могла вместить не более 160 человек. Кроме того, хотя церковь была построена в 1823 г. «из превосходного кедрового лесу», к концу 60-х гг. она успела обветшать настолько, что грозила «опасностью падения». В 1869 г. были готовы план и смета на строительство новой церкви, а из числа прихожан и местного духовенства был создан специальный комитет для руководства возведением нового каменного храма. В 1893 г. трехпрестольный каменный храм был построен, а в 1894 г. освещен. На освещение каменной Обдорской церкви приезжал архиепископ Агафангел [34]. Главный престол освятили во имя Апостолов Петра и Павла, два других — в честь Св. Василия Великого и Св. Николая Чудотворца соответственно. Новую церковь построили «на площади в центре села» [35], а старая деревянная церковь, находившаяся на высоком берегу р. Полуй, была передана на нужды Обдорской миссии. Еще около 1886 г. ее «капитально исправили» [36]. Таким образом, миссия получила собственный храм. В 1904 г. миссионерскую церковь перестроили. На освещение новой церкви, приуроченное к 50-летию деятельности Обдорской миссии, прибыл епископ Антоний IV. Главный престол был освещен во имя Божьей Матери Всех Скорбящих Радости, правый придел — в честь Василия Великого, левый — во славу Св. Николая Мирликийского и Св. Гурия. В

этом приделе была установлена икона св. Гурия, архиепископа казанского и свияжского с частицей его мощей: «...84 пробы позолочена, со святыми мощами в особом ковчеге, привинченном к иконе. Риза серебрянная позолоченная чась ее под эмалью с простыми камнями. Подстамент в виде часовни, выкрашен под зеленый цвет. Наверху три креста позолоченные» [37].

Новые обдорские храмы были возведены во многом благодаря пожертвованиям прихожан и благотворителей, среди последних выделяются почетный гражданин Петр Федорович Плеханов, известный предприниматель А. Сибиряков и березовский купец Василий Абрамович Оленев, И.И. Корнилов, Ф.Н. Карпов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абрамов Н.А. Киприан, первый архиепископ Сибирский (1621-1624) // Абрамов Н.А. Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 98.; Иринарх (Шимановский) История Обдорской духовной миссии. 1854—1904 гг. М., 1906. С. 1.
2. НА ТГИАМЗ № 84. л. 1 об.
3. Абрамов Н.А. Там же.
4. Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов. Сост. Е.В. Вершинин. Екатеринбург, 2004. С. 14—17, 160—162.
5. Шемановский И. С. Избранные труды. М., 2005. С 129,131.
6. Обдорский край и Мангазея в XVII веке... С.176, 178.
7. Цит. по: Главацкая Е.М. Когда умолкнут все бубны ... или Сказ о том, как царь Петр решил крестить язычников Сибири // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Вып. II. Екатеринбург. 1998. С. 64.
8. РГАДА Ф. 415. Оп. 2. Д. 42.
9. Из истории Обдорской миссии: Источники. Тюмень, 2004. С. 175.
10. Там же. С. 148.
11. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. История Сибири. Первоисточники. Вып. VI. Новосибирск, 1996. С. 255.
12. Там же. С. 175.
13. ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. 699. Оп. 1. Д. 3. л. 363—372.
14. РГАДА Ф. 214. Оп. 5. Д. 2499. л. 1.
15. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 704. Д. 17. л. 11.
16. НА ТГИАМЗ № 84. л. 2.
17. Зольникова Н.Д. Ведомость 1781 г. о составе приходов Тобольской губернии // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). Новосибирск, 1989. С. 310.
18. Из истории Обдорской миссии ... С. 148. ; ТФ ГАТО Ф. 716. Д. 32. Л. 651—652.
19. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 704. Д. 17. л. 11—11 об.

20. Там же. л. 16 об. — 19 об.
21. Из истории Обдорской миссии С. 142, 154.
22. Справочная книга Тобольской епархии. Тобольск, 1913. С. 33.
23. ТФ ГАТО Ф.716. Д. 26. Л. 116 об., 141.
24. Вальгамов А. История церкви села Мужы // Ямальский меридиан. 2003. № 5. С. 38—39.; Описание церквей, находящихся в Тобольской губернии // Календарь Тобольской губернии на 1889 год. Тобольск, С. 49. ;ТФ ГАТО Ф. 716. Д.34. Л. 732—733.
25. Справочная книга Тобольской епархии... С. 35.
26. Молитвенный дом или часовня от церкви отличаются меньшими размерами и отсутствием алтаря.
27. «И здесь появляется заря христианства ...». С. 205.
- * В 1649 г. житель Мангазеи Степан Ширяев на болотистом «погорелом» месте, близ «съезжей избы» обнаружил «вышедший из земли» гроб. В гробу «было замечено нетленное тело». Мангазейский воевода Ф. Байков (1649—1651 гг.) по согласованию с духовенством велел перенести обретенные мощи в специально отстроенную часовню. Агиографическая легенда святого сложилась только на основании преданий. Согласно преданию, имя святого Василий, сын Федора, выходец из г. Ярославля, 19 лет от роду. В Мангазее он служил в лавке некоего купца, тоже ярославца. В 1602 г. в праздник Воскресения Христова, когда Василий был в церкви, неизвестные ограбили лавку. Хозяин-купец заподозрил своего приказчика в сговоре с ворами. Купец сначала сам «истязал и томил отрока», затем передал его на воеводский суд. Воевода Пушкин продолжил пытки. В конце концов Василий был замучен невинно. В 1670 г. мощи св. Василия Мангазейского были перенесены в Туруханский Троицкий монастырь, отстоявший от г. Туруханска (Новая Мангазея) на 30 верст. Празднование памяти блаженного мученика Василия Мангазейского приходится на 10 мая по церковному календарю. Образ св. Василия был написан иконописцем тобольского Софийского архиерейского дома Лукианом Филипповым в 1679 г.: «...человек млад, лицом светел, на нем срачица (рубаха — С.Т.) белая, бороды нет, волосы на голове светло-русые».
28. Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60—70-е гг. XIX века). Тюмень, 2002. С. 146.
29. «И здесь появляется заря христианства ...». С. 206.
30. ТФ ГАТО Ф. 716. Д. 32. Л. 460—460 об.
31. ТФ ГАТО Ф. 716. Д.32. Л.589—589 об.
32. Из истории Обдорской миссии. ... С. 150-151, 206, 213.
33. Волжанина Е. А. Религиозное общество в селе Норе: 1925—1930 годы // Историческое краеведение Ямала: Сборник. Омск, 2005. С.94, 96.
34. Там же. С. 48, 52.; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 704. Д. 17. л. 46 об. — 47.
35. Из истории Обдорской миссии. С. 96.
36. Там же. С. 169.
37. ГА ЯНАО Ф.2. Оп.1. Д. 1о5. Л. 44.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1

1884 г., декабрь 10 — Контракт березовского мещанина Н.Е. Монастырева с настоятелем кушеватской Троицкой церкви Ф. Истлевским на изготовление иконостаса

[Л. 193] 1884 года. декабря 10 дня. Я, нижеподписавшийся березовский мещанин Николай Екимович Монастырев, заключил сей контракт с настоятелем Троицкой церкви села Кушеватского Березовского округа священником Феодором Истлеевским в нижеследующем.

1-е.

Порядился я, Монастырев, сделать новый деревянный иконостас из совершенно сухого леса для кушеватской Троицкой церкви Березовского округа; фон иконостаса выкрасить кармином в разбел, колонны и полуколонны, а также указанную на чертеже резьбу вызолотить десятизолотниковым червонным золотом на полимент, для краски и полимента употреблять масло, а не клей. В верхнем ярусе написать пять икон в размере по чертежу. Во втором ярусе иконы выписать и покрыть лаком. Царские врата сделать резные, как указано в рисунке, и написать иконы над ними. Написать икону Тайной вечери, в южных и северных дверях написать иконы, сделать тумбы в иконоставе, выкрасить такую же краской, а в середине сделать резьбу вместо арабесок и вызолотить. Для заклиросных // [Л. 193 об.] икон сделать тумбы с киотами, какие означены в [...]с резьбою и позолотой.

2-е.

Материалы, как-то лес, краски, масло и золото и все прочее должны быть собственные мои, Монастырева.

3-е.

За всю договоренную работу в предыдущих статьях я, Монастырев, вырядил платы одну тысячу четыреста рублей серебром (1400 руб.).

4-е.

К работе я должен приступить с января 1885 года и покончить таковую к 15 сентября того же года, то есть 1885.

5-е.

Содержание пищею себя и своих рабочих я, Монастырев, должен свое собственное, а также до села Кушеватского и обратно до г. Тобольска проезда своего и рабочих и путевых издержек я требовать от него, Истлеевского, права никакого не имею, а должен производить из своего счета.

6-е.

В задаток выраженной платы я, Монастырев, должен получить триста рублей (300 руб.).//[Л. 194]

7-е.

Вместо залога в обеспечение проводимой мною работы я, Монастырев, предоставляю одобрительное ручательство на 650 рублей серебром.

8-е.

Размер иконостава, ширина и высота должны быть сообразно чертежу.

9-е.

Из вышеозначенной платы я, Истлеевский, обязуюсь оставить в городе Тобольске благонадежному лицу по особому условию для выдачи Монастыреву в январе 200 рублей и в марте 200 рублей, остальные по мере надобности.

10-е.

Равным образом я, Истлеевский, обязуюсь иконостас и прочие материалы доставить на свой счет до села Кушевата под производство дом Монастырева.

11-е.

Со своей стороны я, Монастырев, обязуюсь произвести всю работу в лучшем виде и добросовестно, в противном случае, если что окажется негодным, то я, Монастырев, должен переделывать.

12-е.

Условие это с обеих сторон мы обязуемся хранить свято // [Л. 194 об.] и нерушимо.

Условленный задаток триста рублей получил березовский мещанин живописец Николай Екимов Монастырев.

1884 года декабря 10 дня. контракт этот к свидетельству явлен в гор. Тобольске у маклерских дел [...] березовским мещанином Николаем Монастыревым, имеющим к совершению актов законную правоспособность, и в книгу актов записан в ст. под № 8[...]. Сбора в доход города взыскано семь рублей, в том подписом и приложением печати свидетельствуется.

За маклера Григорьев.

Записи. Пометы: 1. [Л. 193—194 об.] Березовского округа села Кушеватской Троицкой церкви настоятель священник Феодор Истлеевский подписуюсь.

2. [Л. 193—194 об.] К сему контракту живописец цеховой мастер березовский мещанин руку приложил Николай Екимович Монастырев.

3. [Л. 193] (у сего печать)

4. [Л. 194 об.] С подлинником верено Столоначальник Вас. Протасов.

ТФ ГАТО Ф. 716. ОП. 1 Д. 17. Л. 193—194 об.

Копия.

№ 2

1885 г., февраль 8 — Указ Тобольской духовной консистории о выдаче прихожанам мужевской Михайло-Архангельской церкви сборной книги для добровольных пожертвований на постройку нового храма вместо сгоревшего

[Л. 132] Указ Его императорского величества, самодержца всероссийского из Тобольской духовной консистории благочинному березовских городских и окружных церквей, настоятелю Воскресенского собора города Березова, священнику Иоанну Сургутскову.

По указу его императорского величества, Тобольская духовная консистория слушали: рапорт ваш, от 19 декабря минувшего года за № 697, с представлением общественного приговора прихожан село Мужевской Михайло-Архангельской церкви, коим они, прихожане, ходатайствуют о дозволении им производить сбор dobroхотных пожертвований на постройку нового, вместо сгоревшего, храма в селе Мужевском и о выдаче на сей предмет сборной книги на имя избранного ими сборщика березовского крестьянина Федора Чуп-

рова. И, по справке, приказали и епархиаль // [Л. 132 об.] ный преосвященный утвердил: согласно ходатайству прихожан село Мужевской Михайло-Архангельской церкви, выдать им на имя избранного сборщика березовского крестьянина Федора Чупрова книгу для сбора в течение одного года добровольных пожертвований по Тобольской епархии на предполагаемую постройку новой церкви, каковую книгу препроводить /и препровождается/ к вам, о. благочинному, для передачи по принадлежности, и предписать /и предписывается/ вам, во-первых, следующие за изготовленную сборную книгу деньги пятьдесят копеек взыскать с кого следует при выдаче означенной книги, и представить оные в конси // [Л. 133] сторию, а во-вторых — внушить мужевским прихожанам, чтобы они озаботились постройкою новой церкви и о разрешении оной не замедлили внести свое ходатайство к епархиальному начальству. Февраля 8 дня 1885 года.

Консистории член, протоиерей /подпись/

Секретарь Иван Унков.

Столоначальник В. Протасов.

ТФ ГАТО Ф.716. Оп.1. Д.26. Л. 132—33 об.

Подлинник.

№ 3

1885 г., февраль 12 — Указ Тобольской духовной консистории о порядке возмещения прихожанами мужевской цеокви средств, потраченных местным священником А. Норским, на строительство дома «для помещения приходского священника»

[Л. 116] Указ его императорского величества, самодержца все-российского из Тобольской духовной консистории, исполняющему должность благочинного Березовских городских и окружных церквей, священнику Иоанну Сургутскову.

По указу его императорского величества, Тобольская духовная консистория слушали: на рапорт настоятеля Мужевского прихода, священника Авраамия Норского от 29 марта прошлого года за № 33, о побуждении мужевских прихожан скупить выстроенный им дом для помещения приходского священника. Резолюция его преосвященства, от 11 апреля за № 1236, последовала такого содержания. Поручить благочинному собрать на месте обстоятель-

ные сведения о постройке дома священником Норским и о том, согласны ли прихожане возместить издержки по сей постройке, и таковые сведения представить в консисторию. К исполнению сей резолюции архипастыря послать вам, исполняющему должность благочинного, священнику Сургутскову указ, от 28 того же апреля за № 2673. В силу этого указа благочинный Сургутсков при рапорте от 24 декабря за № 705, представил в консисторию: во-первых отзыв священника Норского и во-вторых приговор мужевских прихожан. Из отзыва священника Норского видно, что дом // [Л. 116 об.] построен им в 1883 году, на собственный его счет, с употреблением лишь на постройку его 300 штук церковного строевого леса, взятого им с согласия прихожан крестьян, а от инородцев, которые не расположены ни к церкви, ни к духовенству, он такового согласия не просил. Затем, так как церковного леса недостаточно было для постройки дома, то он, Норский, купил для этого барку у тарского купца Окунева. При доме устроены некоторые службы, а именно: скотский двор, погреб и баня. Вся постройка дома со службами стоит ему более 800 рублей. В приговоре мужевские прихожане пишут, что священнику Норскому была возможность жить и в старом церковном доме и приступить к постройке нового не было доколе особой нужды, что у них в Мужевском селе ныне одновременно сгорели две церкви старая и новая, и что по этому им настоит крайняя необходимость позаботится об изыскании средств на постройку церкви. Но при всем том, они, прихожане Мужевской церкви, не отказываются от покупки устроенного священником Норским дома, а, так как дом этот выстроен на общественной земле и из леса их прихожан, оставшегося от постройки новой сгоревшей церкви, то они и оценили его в 500 руб. и соглашаются взять его за эту сумму, с тем, // [Л. 121] чтобы деньги 500 руб. уплачены были Норскому в продолжении пяти лет с 1886 года до 1891 года.

По справке приказали и епархиальный преосвященный утвердил: дом священника Норского устроен на общественной земле, с употреблением на постройку одного общественного материала, при этом священник Норский задумал сбыть свой дом мужевским прихожанам в такое время, когда у них сгорели в селе две церкви и когда им нужно позаботиться об изыскании средств на постройку новой церкви, поэтому разрешить священнику Норскому продать дом на сторону, или побудить прихожан, чтобы они купили у него дом для церкви за назначенную им цену 776 руб.,

с уплатою денег в два срока, консистория не может. А так как прихожане Мужевской церкви, в виду того, что дом священника Норского устроен частью из их материала, соглашаются взять его за 500 руб., с уплатою этих денег в течении пяти лет, потому уважению, что они с расходами на постройку новой церкви, не могут уплатить всех денег за дом одновременно, то советовать священнику Норскому, чтобы он, приняв во внимание затруднительное положение своих прихожан, уступил им свой дом за выдаванную им цену, то есть 500 руб. // [Л. 121 об.] с рассрочкою уплаты сих денег на пять лет, взяв предварительно от прихожан засвидетельствованный приговор в том, что они непременно уплатят ему деньги за дом в течении пяти лет. К объявлению настоящего распоряжения священнику Норскому послать /и посылается/ указ вам, благочинному, священнику Иоанну Сургутскому. Февраля 12 дня 1885 года.

Консистории член священник /подпись/

Секретарь Иван Унков.

Столоначальник /подпись/

ТФ ГАТО Ф.716. Оп.1. Д.26. Л. 116—21 об.

Подлинник.

№ 4

1885 г., февраль 23 — Рапорт причта и старосты мужевской Михайло-Архангельской церкви о намерении медь, оставшуюся от колоколов, расплавившихся в результате пожара церкви, употребить на изготовление новых колоколов или обменять на таковые

[Л. 141] Его высокоблагословению, господину окружному благочинному, священнику Иоанну Сургутскому причта и старосты мужевской Михайло-Архангельской церкви рапорт.

Сим покорнейше доносим вам, ваше высокоблагословение, что оставшаяся медь после пожару от слившихся колоколов, которой оказалось весу 25 пудов 20 фунтов, неходячей слившейся монеты, весом $18 \frac{3}{4}$ фунта, а всего 25 пудов $38 \frac{3}{4}$ фунта, на каковую просим почтительнейше вас испросить разрешения у епархиального начальства, чтобы послать оную медь на переливку колоколов или обменять // [Л. 141 об.] на таковые где следует.

Настоятель, священник Авраамий Норский.

Исправляющий должность псаломщика Леонид Попов.

Церковный староста Сергей Рочев.

№ 48, 1885 г. февраля 23 дня.

ТФ ГАТО Ф.716. Оп.1. Д.26. Л. 141—41 об.

Подлинник.

№ 5

1885 г., февраль 28 — Рапорт мужевских причта и прихожан о самоуправстве писаря Куноватской управы Первова

[Л. 147] Его высокоблагословению, господину окружному благочинному священнику Иоанну Сургутскову.

Причта и старосты Мужевской церкви рапорт.

Сим покорнейше доносим вам, ваше высокоблагословение, что в настоящее время в Мужах постройка молитвенного дома подходит к концу; поэтому в надежде что в скором времени будет совершаться божественная служба в оном, следовательно потребуются и трапезник благонадежный человек, который хотя в настоящее время и есть на виде и уже служит с 1-го октября минувшего года, но как в настоящее // [Л. 147 об.] время, со времени отрешения от должности церковного старосты Данилова, ближайший его родственник Куноватской управы писарь Первов окончательно вмешался или вторгся в наши церковные дела и что по сей час, как содержание трапезника и на дрова для церкви, денег не представляет, да, как слышно, не хочет и представлять. А по слухам, носящимся от прихожан инородцев, что писарь Первов деньги при положении ясака как на трапезника, так и дрова собирал. И затем писарь самолично говорил новому церковному старосте Рочеву, что деньги на жалование трапезнику будут уплачиваться чрез управу помесечно и то не по 4 рубля или 5 рублей за месяц, а на 2 рубля хочет приискать трапезника // [Л. 150] к Мужевской церкви. А между тем время идет вперед и деньги, не терпящие отлагательства, требуются теперь. По такому самоуправству писаря Первова у нас хотя и есть трапезник, избранный прихожанами [...] березовский крестьянин Егор Конев, который и по сей час не имеет приговора от управы, а затем такое самоуправство писаря Первова за непредставлением денег на трапезника, который вынудил по просьбе и по скудности его выдать из церковных денег за январь и февраль месяца по 5 рублей, всего 10 рублей, по не назначению остяков; равно и на дрова деньги самовольно не представляет на подряд, на который должен состо-

яться сход общественный заблаговременно, а не безвременно под-
ряжено для церкви для порубки дров. В силу необходимости мы
сим вынуждены покорнейше просить вас чрез кого будет следовать
водворить порядок о выше прописанных пред // [Л. 150 об.] метах,
то есть обязать куноватского писаря представить на содержание
трапезника и дрова деньги в свое время или прихожане инородцы
обязательно должны отводить эту должность натурою, то есть пред-
ставить на эту должность доброкачественного человека на основании
распоряжения епархиального начальства от 28 февраля 1863 года
за № 15.

Настоятель священник Авраам Норский.

Исправляющий должность псаломщика Леонид Попов.

Церковный староста Сергей Рочев.

1885 г., февраля 28 дня № 47.

ТФ ГАТО Ф.716. Оп.1. Д.26. Л. 147 - 150 об.

Подлинник.

№ 6

**1885 г., апрель 18 — Указ Тобольской духовной консистории о
разрешении выкрасить вновь выстроенную в
с. Кушеватском церковь**

[Л. 193] Указ Его императорского величества, самодержца все-
российского, из Тобольской духовной консистории исполняющему
должность благочинного березовских городских и окружных церк-
вей, священнику Иоанну Сургутскому.

По указу его императорского величества, Тобольская духовная
консистория слушали рапорт настоятеля и церковного старосты село
Кушеватской Троицкой церкви Березовского округа, от 22 марта за
№ 48, коим они просят разрешить им вновь выстроенную приходс-
кую их церковь выкрасить приличными красками на масле, а имен-
но: крышу, карнизы и купола белою, а главы и кресты желтою
красками, причем присовокупляют, что окраска церкви, стоящая
примерно до 150 рублей, будет производиться на счет пожертвован-
ной на сей предмет суммы и под их наблюдением. И, по справке,
приказали: согласно ходатайству настоятеля и старосты село Куше-
ватской Троицкой // [Л. 193 об.] церкви, дозволить им выкрасить,
как предложено, вновь выстроенную в их селе деревянную церковь
на счет пожертвованной на сей предмет суммы и под их наблюде-

нием; о чем для надлежащего распоряжения послать /и посылается/ указ вам, благочинному священнику Иоанну Сургутскому. Апреля 18 дня 1885 года.

Консистории член протоиерей /.../

Секретарь Иван Унков.

Столоначальник Вас. Протасов.

ТФ ГАТО Ф.716. Оп.1. Д.26. Л. 193—193 об.

Подлинник.

№ 7

1885 г., май 1 — Указ Тобольской духовной консистории, разрешающий использовать материалы, оставшиеся от старой кушеватской Троицкой церкви, для устройства новой

[Л. 173] Указ Его императорского величества, самодержца всероссийского, из Тобольской духовной консистории исполняющему должность благочинного березовских и окружных церквей священнику Иоанну Сургутскому.

По указу его императорского величества, Тобольская духовная консистория слушали рапорт причта и церковного старосты село Кушеватской Троицкой церкви Березовского округа, от 22 Марта за № 49. В рапорте этом помянутые причт и староста пояснили, что вновь строящаяся в селе Кушеватском вместо ветхой новая церковь к 1 числу ноября сего года будет готова к освещению. Просят дозволить им на предмет устройства печей в этой новой церкви разобрать печь старой церкви и выбрать из нее годный кирпич, которого будет более 1000 штук, употребить в дело при устройстве печей в новой церкви, что по ограниченным средствам для постройки церкви будет большим подспорьем, так как в тамошней местности 1000 штук кирпичей стоит от 25 до 30 рублей. От разборки же в старой церкви никакой остановки в богослужении не последует, так как дело идет теперь к лету, а между тем по устройстве печей в новой церкви помянутый кирпич останется без всякого употребления и /[Л. 173 об.] не принесет никакой пользы для церкви. Вместе с сим причт и староста село Кушеватской церкви просят: а. дозволить им снять железные кресты со старой церкви и поставить оные на новой церкви, а сделанные для новой церкви деревянные кресты поставить на старой церкви; б. дать знать им, можно ли будет употреблять на какое-либо дело годный тес и плахи старой церкви,

по упразднении в ней престола и по освящении новой церкви, или же весь материал старой церкви должен быть употреблен на церковное отопление и в. так как старая церковь, кроме теса и плах, ни на что не пригодна, то разрешить сломать ее по освящении новой церкви без особого о том ходатайства. И по справке приказали: предписать /и предписывается/ вам, благочинному священнику Иоанну Сургутскому, если средства на окончательное устройство новой церкви в селе Кушеватском действительно недостаточны и кирпич от печи старой церкви может принести в этом случае большую пользу и вообще на разборку печи в старой церкви и на употребление годного из нее /[Л. 214] кирпича на устройство печей в новой церкви никаких препятствий нет, то дозволить причту и старосте село Кушеватской церкви разобрать печь в старой церкви и, выбрав из нее годный кирпич, употребить оный на устройство печей в новой церкви, а также дозволить снять железные кресты со старой церкви и поставить оные на новой церкви, а сделанные для новой церкви деревянные кресты, поставить на старой церкви. Что же касается до употребления на какое-либо дело теса и плах старой церкви, по упразднении в ней престола и по освящении новой церкви и, наконец, разборке старой церкви, то консистория нашла неудобным дать в настоящее время разрешения на этот предмет, и в виду необходимости постройки молитвенного дома в юртах Шурьшкарских, того же Березовского округа, положила поручить вам, отцу благочинному, войти в соображение, не пригодна ли будет для сего старая церковь села Кушеватского, и если пригодна, то объявить тобольскому мещанину Ивану Уженцеву, занимающемуся, по выданному от Тобольского епархиального комитета православно-го миссионерского общества листу, сбором денег на постройку означенного молитвенного дома с тем, чтобы он, при посредстве вас, отца благочинного, вошел в соглашение с причтом и старостою и прихожанами Кушеватской церкви об уступке старой церкви, и о последующем донести консистории. Мая 1 дня 1885 года.

Консистории член священник [...]

Секретарь Иван Унков.

Столоначальник Вас. Протасов.

ТФ ГАТО Ф.716. Оп.1. Д.26. Л. 173—73 об.

Подлинник.

1885 г., май 30 — Указ Тобольской духовной консистории о передаче денежных средств, пожертвованных на строительство нового каменного храма в селении Обдорском «комитету, учрежденному для постройки каменной церкви»

[Л. 346] Указ его императорского величества, самодержца все-российского, из Тобольской духовной консистории исполняющему должность благочинного березовских и окружных церквей, священнику Иоанну Сургутскому.

По указу его императорского величества, Тобольская духовная консистория слушали: комитет, учрежденный для постройки каменной церкви в селении Обдорском, в июне месяце минувшего 1884 года, доносил, что епархиальным начальством в феврале месяце того же года предписано было настоятелю Обдорской миссии, священнику Владимиру Гижицкому немедленно выдать оному комитету всю сумму, поступившую на постройку нового каменного храма в селении Обдорском, то есть как заключающуюся в билетах, так и в наличных деньгах. На основании сего распоряжения священник Гижицкий, 27 марта, передал комитету: а) книжку государственного банка на 32700 рублей, б) наличными деньгами 1426 рублей, в) облигациями, пожертвованным г. Сибиряковым 10000 рублей и г) билетами, пожертвованными тем же Сибиряковым, 10500 рублей, а всего 54626 рублей. Заключающуюся же в пяти билетах Тобольского общественного банка сумму 8553 рубля, составившуюся исключительно из пожертвований на постройку храма, он, Гижицкий, не передал, а оставил при церкви и намерен, как дошло до // [Л. 346 об.] сведения комитета, причислить означенную сумму к доходам Обдорской миссии, не имеющей ничего общего с приходом, а сверх сего требует от комитета возврата излишка, якобы, переданных им 4626 рублей, на том основании, что контракт с подрядчиком на постройку нового храма в селении Обдорском заключен, только в сумме 50000 рублей. Посему обдорский строительный комитет просил епархиальное начальство понудить священника Гижицкого передать в комитет помянутые выше билеты Тобольского банка на сумму 8553 рубля тем более, что хотя за постройку церкви и ряжено уплатить 50000 рублей, но так как план на пристройку к церкви колокольни найден неудовлетворительным и передан подрядчику купцу Корнилову для пересоставления, то за постройку церкви придется еще доплатить, а кроме того на устройство иконостаса, заведение утвари потребуется до 20000 рублей, и, следовательно, полное устройство нового храма

обойдется уже не в 50000 рублей, а не менее как в 80000 рублей. Вследствие сего ходатайства и согласно резолюции епархиального преосвященного, поручено было вам, отцу благочинному, при первом случае, проверить по приходе-расходным // [Л. 349] книгам Обдорской церкви, действительно ли сумма 8553 рубля составила из пожертвований на постройку церкви и не имеет ли она или часть ее, по записям в тех книгах, какого либо другого назначения и об оказавшемся донести. Во исполнение сего поручения вы донесли консистории, что по проверке приходе-расходных книг за минувшее трехлетие оказалось, что сумма 8553 рубля могла составить исключительно из пожертвований на постройку церкви, а также и из денег, вырученных от продажи прикладываемых инородцами к церкви вещей. Приказали и его преосвященство утвердил: так как из донесения вашего видно, что заключающаяся в пяти билетах Тобольского общественного банка сумма 8553 рубля, которую священник Гижицкий не передал в числе прочих сумм в комитет, учрежденный для постройки новой церкви в селении Обдорском, могла составить исключительно из пожертвований на постройку нового храма, а также и из денег, вырученных от продажи прикладываемых инородцами к церкви вещей, то предписать причту и старосте обдорской Петропавловской // [Л. 349 об.] церкви передать означенную сумму 8553 рубля в помянутый выше комитет всю сполна, если только проданные вещи прикладывались инородцами тоже на постройку нового храма; о чем послать /и посылается/ для исполнения указ вам, благочинному священнику Иоанну Сургутскому. Мая 30 дня 1885 года.

Консистории член священник /.../.

Секретарь Ив. Унков.

Столоначальник Вас. Протасов.

ТФ ГАТО Ф.716. Оп.1. Д.26. Л. 346—349 об.

Подлинник.

№ 9

1885 г., июнь 5 — Рапорт причта обдорской Петропавловской церкви о необходимости ремонта старой церкви, в силу невозможности совершения в ней богослужения в зимнее время.

[Л. 209] Его высокоблагословению благочинному священнику Иоанну Сургутскому причта село Обдорской Петропавловской церкви со старостою рапорт.

Предписанием вашего высокоблагословения, то 7 сентября 1884 года, за № 519, рекомендуется посоветовать жителям селения Обдорского и другим прихожанам, на время постройки новой церкви исправить старую церковь для возможного совершения в ней богослужения в зимнее время. По объявлении сего прихожанам был дважды собираем сельский // [Л. 209 об.]сход для обсуждения данного вопроса. Но прихожане отозвались, что не имеют средств для исправления церкви и предоставили нам исправить церковь на церковные суммы. По сему мы положили просить у епархиального начальства дозволения исправить церковь на церковные суммы и разрешения употребить на поправки из церковных денег семьсот / 700/ рублей, о чем просим ходатайства вашего высокоблагословения пред епархиальным начальством.

Требуется произвести в церкви следующие поправки: 1) проконопатить пазы и углы стен с наружной стороны и сверх сего умазать их мастикой, для сего необходимо прежде отодрать наружную обшивку со стены; 2) по окончании сего снова обшить церковь новым уже тесом, старый тес по ветхости его // [Л. 213] должен остаться без употребления; 3) исправить крышу, чтобы не было течи в церкви; и 4) внутри храма заменить обваливающуюся щекатурку стен новою. На изготовление материалов, нужных для сего, найма рабочих и другие приспособления требуется вышеозначенная сумма.

Впрочем есть надежда достичь желаемой цели — возможного совершения богослужения в нашей церкви в зимнее время другим способом, а именно поставить в церкви две или даже одну хорошую железную печь и топить ее пред каждым богослужением, а на пол послать кошем. Для приобретения сих предметов потребуется около 100—150 рублей.

Употребить тот или другой способ повергаем на благоусмотрение епархиального начальства, до сведения которого покорнейше просим вас, // [Л. 213 об.] ваше высокоблагословение, довести о наших нуждах.

Священник Иоанн Федюшин.

Исправляющий должность псаломщика Лука Тверитин.

Исправляющий должность псаломщика Александр Артеев.

Исправляющий должность псаломщика Николай Попов.

Церковный староста Федор Карпов.

Записи. Пометы:

3. [Л. 213 об.] июня 5 дня 1885 года № 41

ТФ ГАТО Ф.716. Оп.1. Д.26. Л. 209—213 об.

Подлинник.

№ 10

1885 г., декабрь 2 — Отношение благочинного березовских церквей Иоанна Сургутского в комитет по строительству каменной церкви в с. Обдорском с просьбой о предоставлении сведений о ходе строительства церкви

[Л. 247] Исполняющего должность благочинного березовских церквей, иерея Иоанна Сургутского, декабря 2-го дня, в Обдорский строительный комитет.

Согласно указу духовной консистории от 12 ноября за № 6162 рекомендую комитету доставить мне по возможности в непродолжительное время подробные сведения о том, во первых, почему по сие время не приступлено к постройке каменной церкви, тогда как контракт на постройку церкви заключен еще в 1883 году; 2. все ли доставлены на место строительные материалы; и 3. сколько выдано подрядчику купцу Карнилову денег, — на каких основаниях и какие имеются от Карнилова залоги.

Исправляющий должность благочинного священник И. Сургутский.

ТФ ГАТО Ф. 716. ОП. 1 Д. 7. Л. 247.

Подлинник.

№ 11

1885 г., декабрь 14 — Донесение председателя комитета по строительству каменной церкви в с. Обдорском о заготовке материала и расчетах с подрядчиком

[Л. 247 об.] Настоящее предписание строительный комитет имеет честь донести вашему высокоблагословиению: 1. Подрядчик Корнилов, согласно условия, должен был тотчас по заключении контракта приступить к заготовке материала и по заготовке — к постройке церкви. Корниловым не приступлено к постройке и посейчас, несмотря на настояния комитета, как отзывается Корнилов, по не[приглашнии] им строителя. 2. Материалов доставлено на место постройки: кирпича 288000 и извести 2710 п. Материалы доставлены далеко не все, так, например, одного кирпича потребно около 1000000 и не поставлено пока много других материалов. 3. Подрядчику г. Корнилову выдано на основании § 14 условия в позаимствование 10000 р., и хотя на основании того же § 14 условия он и

имеет право // [Л. 248] воспользоваться займом, но не иначе как под залог % бумаг рубль за рубль. Доверенный мне от причта по указу Тобольской духовной консистории от 14 февраля 1884 года за № 1171 настоятель Воскресенской церкви протоиерей отец Петр Попов почему-то выдал этот заем без залогов. Хотя комитет неоднократно обращался к нему с просьбой о вытребовании от Корнилова залогов % бумагами на 10000 рублей, но ответа от отца протоиерея Попова нет и по настоящее время. Взамен % бумаг отец Петр выслал в комитет ручательную подписку жителей г. Тобольска за Корнилова на 20000 рублей на самый подряд и расписку самого Корнилова в получении 10000 рублей.

Председатель Комитета Федор Карпов.

Делопроизводитель А. Первов.

№ 29. Декабрь 14 дня. 1885 года.

ТФ ГАТО Ф. 716. ОП. 1 Д. 7. Л. 247 об. — 248.

Подлинник.

№ 12

1891 г., август 1 — Отношение священника И. Сургутского благочинному И. Голошубину о состоянии молитвенного дома Шурышкарских юрт

[Л. 218] Препровождаю для должного исполнения благочинному священнику И. Голошубину с присовокуплением, что в молитвенном доме Шурышкарских юрт в прописанное в сем указе время находился священный иконостас, а также св. антиминс и престол походной церкви Обдорской миссии и что в сем молитвенном доме в объезд миссионеров совершалась литургия, как и в обыкновенное время. 1891 г. Августа 1 дня.

Священник Иоанн Сургутсков

ТФ ГАТО Ф. 716. ОП. 1 Д. 32. Л. 218.

Подлинник.

1892 г., январь 12 — Приговор мужевских прихожан о поручении благочинному березовских церквей И. Голошубину заключить подряд на изготовление нового иконостаса в Мужевскую церковь

[Л. 285]

Приговор.

1892 года января 12 дня. Мы, нижеподписавшиеся крестьяне, г. Березова и Архангельской губернии Мезенского уезда Мокчинской волости, проживающие в селе Мужевском, быв сего числа на общем сходе, имеем суждение о том, что в новопостроенном в нашем в сем храме нужно заподрядить иконостас. Хотели выбрать из своей среды благонадежного человека, но которому нужно дать средства как на проезд, так и кормовые и другие расходы. Но по бедности своей не можем дать таковых; посему порешили уполномочить отца благочинного градо-Березовских церквей священника Иоанна Голошубина и покорнейше просить принять на себя труд в подряде нового иконостаса в наш храм. К сему приговору подписались: березовский мещанин Павлин Данилов, крестьянин Архангельской губернии Егор Терентьев. Вместо неграмотных крестьян Егора Константинова Чупрова, Артемия Иванова Чупрова, Ивана Ксенофонтова Ануфриева, Александра Ерофеева Артеева, Василия Кирилова Попова и за себя Григорий Степанов Семяшкин расписался. Березовский крестьянин Михайло Егоров Конев, Кирило Попов [Естафей Истомина] / / [Л. 285 об.] за неграмотных крестьян Павла Егорова Сметанина и Трофима Трофимова Хозяинова по неграмотности их расписался березовский крестьянин Михайло Егоров Конев. За неграмотного крестьянина Василия Никитина Рочева и за себя расписался Федор Никитин Рочев. Мещанин Николай Понаев, Егор Вокуев, березовский крестьянин Василей Вокуев, крестьянин Архангельской губернии Иван Егоров Дьячков, березовские крестьяне Гаврил Иванов Семяшкин, березовский крестьянин Иосиф Никитин Рочев, Степан Семяшкин, вместо неграмотного крестьянина Ивана Иванова Попова по личной его просьбе расписался березовский мещанин Михаил Кокоулин и за себя березовский крестьянин Емельян Никитин Рочев, по безграмотству и личной его просьбе за неграмотного Алексея Максимова Вокуева расписался медицинский фельдшер В. Соломонов, по безграмотству, личной просьбе крестьянина Клементия Васильева Вокуева расписался сын крестьянина Ларион Леонтев Рочев, по безграмотству мещанина Проклы Дани-

лова и за себя подписался мещанин Никон Данилов. Муженский сельский староста Павел Панаев.

ТФ ГАТО Ф. 716. ОП. 1 Д. 32. Л. 285-285 об.

Подлинник.

№ 14

1892 г., ноябрь 27 — Отношение настоятеля Обдорской миссии Е. Миловского березовскому благочинному И. Голошубину по обустройству Шурышкарского молитвенного дома

[Л. 460] Его высокоблагословению благочинному березовских и окружных церквей священнику Иоанну Голошубину.

Во исполнение отношения вашего от 21 апреля 1892 г. за № 453-м, адресованного на имя священника села Обдорской Петро-Павловской церкви Леонида Панова долг имею сообщить вам следующее:

Хотя за смертью священника Истлеевского определенно сказать нельзя, в чем именно он находил устройство молитвенного дома в юртах Шурышкарских неоконченным и для чего именно он просил Тобольский епархиальный миссионерский комитет отношением своим от 21 января текущего года за № 14-м выдать на имя строителя молитвенного дома, тобольского мещанина Ивана Уженцова, сборную книгу для сбора и записи добровольных пожертвований, но и я после личного осмотра мною молитвенного дома мною в означенных // [Л. 460 об.] юртах со своей стороны полагал бы необходимым: во 1-х, обшить устроенный дом тесом, что чрез 5 лет его существования является благовременным, а принимая во внимание климатические условия местного края представляется необходимым; во 2-х, если не оставлять внутреннее устройство его в том жалком виде, в каком находится оно доселе, то потребуются более или менее значительная сумма: на приобретение икон, лампад, приличных напрестольных облачений, облачений на жертвенник, на аналои и т.п. Но так как для сей цели специальной суммы в настоящее время не имеется и в будущем таковой не предвидится, то и я со своей стороны нахожу весьма желательным исходатайствовать у епархиального начальства означенную сборную книгу на имя г. Уженцова; о чем и прошу вас довести до сведения Тобольской духовной консистории.

Вопрос об отоплении молитвенного и караульного домов и о найме сторожа к первому также требует немедленного практического разрешения. Посему покорнейше прошу вас, ваше высокоблагословение, представить вышеозначенное на усмотрение Консистории с присовокуплением: не найдет ли она возможным — во 1-х, исходатайствовать у местного гражданского начальства право на бесплатную порубку дров для отопления как молитвенного дома, так равно и караульного, — и во 2-х, изыскать средства для найма сторожа к означенному молитвенному дому.

При сем честь имею присовокупить также и то, что документы по постройке молитвенного дома в юртах Шурышкарских 26 ноября сего года при отношении за № 139-м мною препровождены вам. Из них можно видеть во 1-х то, что пригласительный лист был предоставлен в Комитет православного миссионерского общества для проверки и свидетельства, о чем и было оговорено членами Комитета на самом листе, а во 2-х то, сколько недополучено г. Унженцовым денег, значащихся по пригласительному листу.

1892 г. Ноября 27 дня. № 134-й.

Начальник Низовской миссии священник Евфим Миловский.

ТФ ГАТО Ф. 716. Д.32. Л. 460—461.

Подлинник.

№ 15

1893 г., март 31 — Рапорт помощника настоятеля Низовской миссии Е. Никитина о неисправном состоянии Шурышкарского молитвенного дома

[Л. 589] Его преосвященству преосвященнейшему Иустину, епископу тобольскому и сибирскому.

Помощника настоятеля Низовской миссии священника Евдокима Никитина

Рапорт.

Ваше преосвященство, милостивый архипастырь, с душевным прискорбием и покаянием имею долг и честь довести до сведения вашего несчастный случай, происшедший во время поездки моей для исповеди и причастия остяков.

В воскресенье 14 марта я служил в молитвенном доме Шурышкарских юрт божественную литургию. Причастившись сам святых таин, я наклонился над престолом и стал раздроблять частицы для

причастников, в это время св. Евангелие, стоявшее на горнем месте престола, упало, задело за потир и божественная кровь сплеснулась на антиминс и сильно его залила, кроме того шесть капель упало на пол. С разлившейся божественною кровию я поступил так, как предписывается поступать в таких случаях в Учительном известии. Прискорбный этот случай, думаю, произошел вот от чего: одна из половиц, находящихся под престолом немного качается, // [Л. 589 об.] качается и самый престол из стороны в сторону, так как сколочен некрепко. В то время, как я раздроблял частицы, псаломщик Лука Тверитин проходил по горнему месту и, вероятно, наступил на ту половицу, которая качается, престол качнулся и вследствие этого св. Евангелие упало. Этим объяснением я несколько не хочу оправдать себя в глазах вашего преосвященства и завинить псаломщика Луку Тверитина, а только говорю то, что было.

Покорнейший служка вашего преосвященства священник Евдоким Никитин

1893 года марта 31 дня.

ТФ ГАТО Ф. 716. Д. 32. Л. 589—589 об.

Подлинник.

№ 16

1893 г., сентябрь 3 — Указ Тобольской духовной консистории об освидетельствовании построенной в с. Обдорском церкви и о выплате денег подрядчику за выполненные работы

[Л. 611] Указ его императорского величества, самодержца все-российского, из Тобольской духовной консистории благочинному, священнику Михаилу Путинцеву.

По указу его императорского величества Тобольская духовная консистория слушали заявление Обдорского церковно-строительного комитета от 1 мая сего года за № 5 о командировании постороннего архитектора для освидетельствования построенной в Обдорске церкви, так как епархиальный архитектор Цинке не может свидетельствовать оную, как производитель работ. И, по справке, приказали: в виду заявления // [Л. 611 об.] членов Строительного комитета, чтобы их совершенно успокоить и прекратить всякие суждения прихожан, просить того архитектора, который будет приглашен господином Карповым и московским купцом Корниловым для постановки глав, вновь еще освидетельствовать храм в присутствии ва-

шем, причта и Строительного комитета и постановить акт за подписом всех присутствующих. Что касается денег, следующих подрядчику, то предписать Строительному // [Л. 612] комитету немедленно с первою отходящею почтою выслать деньги в Консисторию для хранения, а по постановлении окончательного акта и по написании по оному журнала расчета с подрядчиком, в противном случае деньги за дальностью расстояния Обдорска от Тобольска не скоро будут высланы, а подрядчик и так уже довольно ждет денег и получить не может, а вам, отцу благочинному, предписать надблести за точным и неуклон- // [Л. 612 об] ным выполнением вышепрописанного. Сентября 3-го дня 1893 года.

Консистории член, священник Александр Грамматин.

Секретарь Ив. Унков

Столоначальник Вас. Протасов

ТФ ГАТО Ф. 716. Д. 32 Л. 611—612.

Подлинник.

№ 17

1893 г., октябрь 15 — Указ Тобольской духовной консистории о строительстве сторожки при кушеватской Троицкой церкви

[Л. 604] Указ его императорского величества самодержца все-российского из Тобольской духовной консистории благочинному, священнику Михаилу Путинцеву.

По указу его императорского величества Тобольская духовная консистория слушали доклад о продаже церковной сторожки при село-Кушеватской Троицкой церкви Березовского округа священником Василием Вергуновым и церковным старостой Николаем Первовым инородцу Пандзееву. Приказали и епархиальный преосвященный утвердил: обстоятельство о неясной записи на приход выреченных за сторожку денег за увольнением священника Вергунова в заштат // [Л. 604 об.] и старосты Первова от должности оставить без последствий, а так как церковные сторожа за неимением особого помещения спят в церкви, что крайне нежелательно, предписать вам, о. благочинному, немедленно принять меры к постройке сторожки при село-Кушеватской церкви на счет прихода и по исполнении донести Консистории. Октября 15 дня 1893 года

Консистории член, протоиерей И. Скосырев

Секретарь Ив. Унков

ТФ ГАТО Ф. 716. Д.32. Л. 604.

Подлинник.

№ 18

**1893 г., ноябрь 21 — Акт освидетельствования нового
иконостаса мужевской Михаило-Архангельской церкви**

[Л. 732]

Акт.

1893 года ноября 21 дня мы, нижеподписавшиеся прихожане село Мужевской Михаило-Архангельской церкви Березовского округа, быв сего числа в соборе, в присутствии местного причта и церковного старосты принимали от тобольского мещанина Александра Феодорова Кулева-Николаева иконостас, устроенный по плану, утвержденному его преосвященством, преосвященнейшим Иустином, епископом тобольским и сибирским, составленный из нескольких частей, в коем помещено тридцать пять икон (35 ик.), карниза, рамы, колонны, полуколонны, окладки, царские врата и резьба вызолоченная на полимент № 19-золотникового достоинства, глади иконостаса выкрашены малиновым цветом, равно и закрилостные кивоты сделаны во всем подобно иконостасу. Все вышесказанные работы при освидетельствовании вышеписанными лицами сказались: прочны, изящны, и ма- // [Л. 732 об.] териалы употреблены хорошие и вполне согласно с заключенным контрактом, о чем и постановлен настоящий акт.

К сему село Мужевской Михаило-Архангельской церкви священник Всеволод Миловский, псаломщик Зосима Козлов, церковный староста Сергей Рочев, мещанин Михаил Данилов, крестьянин Егор Чупров, крестьянин Василий Петров Филиппов, Василий Давыдов Шахов, крестьянин Гаврил Иванов Семяшкин, крестьянин Иван Григорьев Попов, крестьянин Емельян Рочев, Егор Терентьев, крестьянин Николай Рочев, Егор Андреев Артеев, мещанин Иван Иванов [Пошков], крестьянин Алексей Степанов Онуфриев, мещанин Никон Данилов, мещанин Николай Панаев, мещанин Павел Попов, крестьянин Иван Алексеевич Чупров, березовский крестьянин Осип Никитин Рочев, с крестьянин Егор Иванов Семяшкин, березовский мещанин Михаил Кокоулин, крестьянин Григорий Никандрович Конев, крестьянин Иван Егоров Дьячков, крестьянин Архип Артемов Чупров. Вместо неграмотных крестьян Ефима Попова, Алексея Вокуева,

Трофима Хозяинова, Федора Попова, Семена Ануфриева, Якова Конева и за себя расписался крестьянин Григорий Семяшкин, крестьянин Илья Семя-//[Л. 733] шкин, крестьянин Степан Хозяинов. Вместо Ивана Попова, Александра Батманова, Феодора Канева, Петра Рочева и за себя Иван Степанов Ануфриев [...] Истомин, крестьянин Василей Вокуев, крестьянин Матвей Семяшкин.

Инородцы: Иоанн Дмитриев Сандрин /тамга/, Елисей Лазарев Конкин /тамга/, Василий Лазарев Конкин /тамга/, Петр Никитин Сандрин /тамга/, Михаил Исидоров Сандрин /тамга/, Алексей Дмитриев Сандрин /тамга/, Павел Иванов Костин /тамга/, Иван Максимов /тамга/, Василий Исидоров Сандрин /тамга/, Петр Александров Кантаров /тамга/, Дмитрий Гаврилов Кантаров /тамга/.

ТФ ГАТО Ф. 716. ОП. 1 Д. 34. Л. 732—733.

Подлинник.

№ 19

**1893 г., декабрь 7 — Указ Tobольской духовной консистории
о проведении экспертизы кровли и куполов кушеватской
Троицкой церкви на предмет их ремонта**

[Л. 651] Указ его императорского величества самодержца все-российского из Tobольской духовной консистории благочинному, священнику Михаилу Путинцеву.

По указу его императорского величества Tobольская духовная консистория слушали рапорт священника село Кушеватской Троицкой церкви Березовского округа Александра Попова от 30 октября сего года за № 52, коим он донес его преосвященству, что во время летних и осенних дождей не представляется возможным отправлять в церкви богослужения, так как вода в большом количестве проникает вовнутрь храма через крышу и купола, которые поэтому нужно покрыть вновь железом, для чего собрано им сто рублей. Посему священник Попов просит его преосвященство разрешить означенный ремонт церкви и в случае надобности израсходовать на это сто рублей из сумм местной церкви. На рапорт этот резолюцией его преосвященства от 16 минувшего ноября за № 9462 предписано: «Что-то не понимаю: церковь построена в 1885 году, во всем крепка (клировая ведомость), а между тем «не представляется возможности отправлять в церкви богослужения, так как вода в большом количестве // [Л. 651 об.] проникает через крышу и купола», но во всяком

случае приходится разрешить ремонт. На рассмотрение Консistorии». И, по справке, приказали и его преосвященство утвердил. Так как село Кушеватский Троицкий храм построен всего только 8 лет и по клировым ведомостям значится крепким, то Консistorия полагает прежде чем разрешать ремонт крыши сего храма, о чем просит местный священник Александр Попов, предписать вам, отцу благочинному, освидетельствовать этот храм, постановив акт в присутствии местного причта, старосты и почетных прихожан и донести, в каком именно ремонте нуждается этот храм, какая не нем крыша — деревянная или железная, в каком состоянии находятся купола храма и от чего в столь короткое время они пришли в такую ветхость, что в храме от проникающего в него в большом количестве дождя невозможно служить? Есть ли необходимость де- // [Л. 652] лать новую крышу или можно исправить настоящую и что будет стоить этот ремонт? Декабря 7-го дня 1893 года.

Консistorии член, священник Александр Грамматин.

Секретарь Ив. Унков

Столоначальник Вас. Протасов

ТФ ГАТО Ф. 716. Д. 32. Л. 651- 652.

Подлинник.

№ 20

1896 г. — «Ведомость о церкви св. архистратига Михаила и прочих бесплотных сил, что в селе Мужах Березвского округа за 1896 год»

[Л. 254]

1. Две церкви деревянные, построенные первая в 1840 году, однопрестольная во имя Святого Архистратига Михаила, а вторая, освященная в 1884, трехпрестольная, первый во имя Святого Архистратига Михаила и прочих бесплотных сил, предел в ней по правую сторону Благовещения Пресвятой Богородицы, а по левую Святого Николая Чудотворца.

28-го апреля 1884 года сгорели и все, что было в них, кроме того, что были вынесены из старого храма иконостасные иконы и престол со святым антиминсом.

В 1891 году построена была тщанием прихожан по фасаду и плану, выданному и утвержденному Строительным комитетом в 1887 году июля 21 дня за № 139-м.

2. Зданием церковь деревянная, сделанная с таковой же колокольнею и крепка устройством, ограды вокруг церкви не имеется за неимением средств, меры к этому еще не приняты. Караульных и караульной не имеется по безопасности места.

3. Престолов в церкви один во имя Святого Архистратига Михаила и прочих бесплотных сил. Приделы, хотя и предположены: 1-й по правую руку Благовещения Пресвятой Богородицы, а второй по левую во имя Святого чудотворца Николая, но отлагаются до времени за неимением средств.

4. Церковь утварью достаточна.

5. Причта по штату высочайше утвержденному.

ТФ ГАТО Ф. 716. ОП. 1 Д. 7. Л. 254.

Подлинник.

№ 21

1900 г., март 8 — «Ведомость о стоимости село Мужевской Михайло-Архангельской церкви, Березовского уезда, Тобольской епархии, и причтовых помещений со службами, в 1900 году марта 8 дня»

Название зданий.	Стоимость каждого здания.	
	Рубли	Копейки
Церковь деревянная, крытая железом, с такового же колокольней .	3868.	
Дом священника деревянный с такового же крышей.	450.	
При нем службы деревянные .	50.	
Дом псаломщика деревянный с такового же крышей .	175.	
При нем службы деревянные .	25.	
Итого:	4568.	

Священник Всеволод Миловский.

Псаломщик Зосима Ковлев.

Церковный староста Николай Рочев.

Березовский мещанин Василий Шахов.

Города Березова крестьянин Михаил Конев.

Города Березова крестьянин Егор Ефимов.

№ 22

**1900 г., июнь 12 — Указ Тобольской духовной консистории
о починке креста на куполах обдорского
Петропавловского храма**

[Л. 358] Указ его императорского величества самодержца все-
российского из Тобольской духовной консистории, благочинному
протоиерею Михаилу Вишневскому.

По указу его императорского величества, Тобольская духовная
консистория по выслушании рапорта от 10 мая сего года за № 289,
приказали и его преосвященство утвердил: из донесения причта и
вашего не видно, как велико повреждение креста на середине купо-
лов село Обдорского Петропавловского храма и что будет стоить
это исправление; что и поставить вам и причту на вид и предписать
вам впредь подобного не допускать; исправление креста дозволить
произвести из особенных сумм церкви и об исполнении донести
консистории, // [Л. 358 об.] с представлением подробных актов о
том в чем именно состояли исправления и как исправлены таковые.
Июня 12 дня 1900 года.

Член консистории протоиерей [...]

Исполняющий обязанности секретаря Попов.

Временно исполняющий должность столоначальника Д. Пермя-
ков.

ТФ ГАТО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 35. Л. 358—358 об.

Подлинник.

№ 23

**1900 г., июнь 29 — Указ Тобольской духовной консистории о
сборе церковных принадлежностей для вновь открываемого
молитвенного дома в местности Хэ**

[Л. 217]

Указ его императорского величества самодержца все-
российского из Тобольской духовной консистории, благочинному протои-
ерею Михаилу Вишневскому.

По указу его императорского величества, Тобольская духовная консистория слушали: отношение Тобольского епархиального комитета православного миссионерского общества, от 16 сего июня за № 11-м, в котором изложено, Комитет миссионерского общества, на основании журнала своего 12 июня сего года, просит Духовную консисторию сделать циркулярное распоряжение по епархии о высылке чрез Консисторию в Комитет миссионерского общества излишних при церквах, для вновь устрояемого в местности Хэ молитвенного дома, богослужебных книг, церковных облачений, священных сосудов, Евангелий, крестов, святых икон и тому подобной церковной утвари с тем, чтобы отцам благочинным предоставлено было означенные предметы исключить из церковных описей, с донесением о сем Консистории. Приказали и Его Преосвященство утвердил: предписать вам, если окажутся при церквах излишние богослужебные книги, церковные облачения, священо богослужебные сосуды, Евангелия, святые кресты, святые иконы и тому подобное, то представить в Консисторию для передачи таковых в Тобольский комитет Миссионерского общества на предмет отсылки таковых для вновь устрояемого миссионерского молитвенного дома в местности Хэ, причем предоставить причтам под наблюдением вашим пожертвованную утварь исключить из описей церковного имущества, с донесением о сем Консистории. Июня 21 дня 1900 года.

Член Консистории протоиерей [...]

Исполняющий обязанности секретаря Попов

Временно исполняющий должность столоначальника Д. Пермяков

ТФ ГАТО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 35. Л.217.

Подлинник.

№ 24

**1900 г., июль 3 - Указ Тобольской духовной консистории
о приведении в должный порядок памятников на тех
местах, где находились престолы упраздненных обдорских
церквей**

[Л. 229] Указ его императорского величества самодержца все-российского из Тобольской духовной консистории, благочинному протоиерею Михаилу Вишневскому.

По указу его императорского величества, Тобольская духовная консистория слушали: рапорт исполняющего должность настоятеля Обдорской миссии иеромонаха Иринарха от 31 мая 1900 года за № 75, коим он ходатайствует о неотложном исправлении погнивших срубов, которыми ограждаются три святых престола от упраздненных до 1824 года миссионерско-приходских церквей. Приказали и его преосвященство утвердил: предписать вам, отцу благочинному, сделать // [Л. 229 об.] соответствующие распоряжения о приведении в должный порядок памятников на тех местах, где были святые престолы упраздненных церквей, на счет сумм Обдорской приходской церкви, каковых к 1900 г. состояло почти 42 тысячи рублей и о последующем донести консистории. Июля 3 дня 1900 года.

Член консистории протоиерей[...]

Исполняющий обязанности секретаря [...]

Временно исполняющий должность столоначальника М. Ефремов.

ТФ ГАТО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 35. Л. 229–229 об.

Подлинник.

№ 25

1901 г., ноябрь 22 — Донесение причта кушеватской Троицкой церкви о ремонте храма

[Л.612] Причта село Кушеватской Свято- Троицкой церкви Березовского округа Тобольской епархии 1901 года ноября 22 дня № 110 его преподобию господину благочинному отцу Михаилу Вишневному.

Вследствии словесного требования вашим преподобием относительно ремонта обшивки Кушеватской церкви имеем честь донести, что работу производит сам подрядчик с работником черно-рабочим за неотысканием мастеровых людей по малолюдству нашей местности. Сработано около половины работы, оставшаяся работа остается к будущему лету, в течении настоящей зимы подрядчик обещает работать-заготовлять лес. В задаток ему выдано 100 рублей, // [Л.612 об.] сумма эта пожертвована на этот предмет благотворителями и материал некоторый. А что в церковной сумме пока нужды не имеем.

Священник Тимофей Карпов.

Исполняющий должность псаломщика Федор Шахов.

Церковный староста С. Карпов

ТФ ГАТО Ф.716. Оп.1. Д.35. Л.612—612 об.

Подлинник.

№ 26

**1902 г., декабрь 11 — Рапорт причта кушеватской
Троицкой церкви о ходе ремонта в храме**

[Л. 691] Его преподобию, господину благочинному березовских церквей причта село Кушеватской Троицкой церкви рапорт.

На основании предписания вашего от 1-го декабря сего года за № 856 имеем честь донести о том, сдешний храм обшит тесом, начат красить, остается необшита одна колокольная, дело спутало ненастное лето, с июля месяца дожди постоянные, до октября месяца, работа отложена до будущего лета. // [Л. 691 об.] Церковной суммы на эти работы пока не задевали потому что за материал деньги еще не уплачены за неполучением счетов, подрядчику выдано еще немного из частных сумм. Ремонт ведется с подряда, подрядчику плата за всю работу 350 рублей, материал весь церковный.

№ 74-й. Декабря 11 дня 1902 года.

Священник Тимофей Карпов.

Псаломщик Ф. Шахов.

Церковный староста С. Карпов.

ТФ ГАТО Ф.716. Оп.1. Д.35. Л. 691—691 об.

Подлинник.

№ 27

**1904 г. — «Ведомость о церкви во имя Святого Архистратига
Михаила и Прочих Бесплотных Сил, что в селе
Мужах Березовского уезда за 1904-й год»**

[Л. 1] 1. Две церкви деревянные построенные первая в 1840 году, однопрестольная во имя Святого Архистратига Михаила, а вторая, освященная в 1884 году, трехпрестольная во имя Святого Архистратига Михаила и Прочих Бесплотных Сил, приделы в оной по правую сторону Благовещения Пресвятыя Богородицы, а по левую Святого Николая Чудотворца, 28-го апреля 1884 года сгорели и все что было в них кроме того, что из старого храма вынесены

иконостасные иконы и престол со святым антиминсом. В 1891 году построена была тщанием прихожан по фасаду и плану выданному и утвержденному Строительным комитетом в 1887 году июня 21 дня № 139-м.

2. Зданием церковь деревянная обшитая тесом, соединенная с таковой же колокольнею, крепка устройством, ограда в ней, округ церкви имеется, кароульных и караулок не имеется. Трапезник один при церкви, но недостаточного одного. Церковь отапливается печью не кирпичною, а чугунную, которая опасная в отношении пожара (даже раскаленная). Здание церкви внутри все закоптелое, иконостас даже портится от неодинаковой температуры.

3. Престолов в церкви один во имя Святого Архистратига Михаила и Прочих Бесплотных сил. Приделы хотя и предположены 1-й по правую руку во имя Благовещения Пресвятыя Богородицы, а 2-й по левую — во имя Святого Чудотворца Николая, но отлагаются до времени за неимением средств.

4. Церковь утварью достаточна.

5. Причта по штату высочайшему утвержденному 30 апреля 1877 года положено быть священнику и псаломщику и вновь открыта диаконская вакансия, по высочайше утвержденному 16 февраля 1885 года.

6. Усадебной и пахатной земли не имеется по не способности северного климата, а сенокосные земли для причта отведоны прихожанами инородцами из своих мест. На землю плану и межевой книги не имеется, сенокосною землею причт пользуется сам.

7. Для священноцерковнослужителей есть два дома деревянные общественные и построены на общественной земле, удобны к жительству. В одном живет священник, а в другом псаломщик. // [Л. 1 об.] Дома не застрахованы документов на них не имеется. Дома причтовые совсем не устроены плохие печи и опасны холодные, так что в доме священника в большие морозы приходится сидеть в шубах. В таком доме жить совсем невозможно, а общество исправлять его отказывается.

8. На содержание причта отпускается от казны жалование 480 рублей священнику 360 рублей, а псаломщику 120 рублей и добровольных пожертвований от прихожан в том году было.

9. Из церкви положено в Государственный банк для обращения в проценты четыре билета в сто рублей каждый с коих в год получается 4 % с рубля №№ билетов 1-й 17077, 2-й 17078, 3-й 17079, 4-й 17080-й.

10. Зданий принадлежащих к церкви не имеется.
11. Расстоянием сия церковь от Духовной консистории в 1262 верстах и от местного благочинного в 260 верстах одинаковое расстояние от города.
12. Ближайшая церковь Кушевацкая Троицкая в 70 верстах.
13. Приписной церкви в том приходе нет.
14. Домовой церкви в том приходе нет.
15. Часовен нет.
16. Летопись церковная составлена в 1901 году.
17. Опись церковному имуществу есть 1-я составлена в 1886 году и утверждена Духовной консисторией 2-я вновь составлена в 1901 году не отослана для утверждения в Духовную консисторию.
18. Книги в библиотеку понемногу приобретаются. Круг богослужебных книг имеется весь.
19. Особо чтимых святых икон а также особенно замечательных в церковно-археологическом отношении церковной утвари, облачений, книг, рукописей, и предметов не употребляющихся в церковном богослужении при той церкви и а в приходе не имеется.
20. Церковно-приходо-расходные книги оставшиеся от пожара с 1871 года, имеются и по настоящий год в целости.
21. Копии с метрических книг с 1844 года и по настоящий год в целости.
22. Исповедные росписи с 1883 года и по настоящий год в целости. // [Л. 2.]
23. В обыскной книге выданной за шнуром и печатью Духовной консистории в 1901 году 26 апреля за № 5274 самих листов 60, а не писанных 33 листа таковая послана для ревизии, а вновь выданная в 1902 году 18 декабря за №№ 15027 листов 60, а не писанных 55 листов.
24. В 1888 году под школу грамоты пожертвован деревянный дом купцом Стефаном Окуновым им же такова перестроена с 1898 году в более обширную. Учащихся мальчиков 60 и девочек 20. Учительницей состоит дочь чиновника казначея Березовского уездного казначейства Елизавета Дмитриевна Соколова, 18 лет, обучалась в Туринской прогимназии и имеющая свидетельство на звание учительницы церковно-приходской школы. Законоучителем состоит местной церкви священник Евфимий Оболтин. Министерской школы нет.
25. Церковно-приходского попечительства нет.
// [Л. 2 об. О причте означенной церкви.]

Кто именно, где родился, из какого звания происходит, где и чем обучался, когда и кем в какой чин произведен, и к какому месту: какая проходил и проходит особенным должности, когда чем был награжден, и кого имеет в семействе.	Годы.	Месяцы и числа.
Священник Ефимий Петров Оболтин, родился в Тобольской епархии 15 октября 1878 года, сын чиновника, окончил курс в Березовском уездном училище; и выдержал испытание на звание учителя начальных училищ. Состоял учителем в Мало-Атлымском сельском училище. С 1-го августа 1898 года. рукоположен в сан священника к село Мужевской Михаило-Архангельской церкви Березовского уезда. Грамоту имеет. В семействе у него: жена Мария Митрофанова, 22 лет.	1904	Сентября 8
//[Л. 3 об.]		
Псаломщик Василий Константинов Малышев 54 лет сын дьячка родился в селе Малышево Спаского уезда, Рязанской губернии. Окончил курс в Касимовском духовном училище Рязанской губернии. По просьбе своей резолюцией его преосвященства преосвященнейшего Агафангела, епископа тобольского и сибирского за № 4084, определен исправляющим должность псаломщика в село Першинской Сретенской церкви Курганского уезда.	1896	Октября 16
По просьбе своей резолюцией его преосвященства преосвященнейшего Агафангела епископа тобольского и сибирского перемещен к село [Носковской] Николаевской церкви, того же уезда.	1897	Марта 13
Его преосвященством, преосвященнейшим Антонием, епископом тобольским и сибирским утвержден в должность псаломщика и посвящен в стихарь.	1897	Августа 29
Указом Тобольской духовной консистории от 2-го октября 1900 года, за № 1142, за необдуманный и недобросовестный донос на местного священника оштрафован 10 рублями в пользу сирот духовного звания.	1902	Мая 17
Резолюцией его преосвященства преосвященнейшего епископа Антония от 17 мая 1902 года, за № 1788-м последовавшей по прошении села Носковского священника Иоанна Словцова, за немиролюбивый и неуживчивый характер перемещен без прошения к село Мужевской Михаило-Архангельской церкви с отдачей под строгий надзор местного настоятеля.	1904	Января 1
Грамоты и указы имеет. В семействе у него: жена Ана Иоаннова 54 лет. Место просфорни занимает жена крестьянина города Березова, Параскова Семенова, за что получает платы 48 рублей.		

//[Л. 4 об.]

О прихожанах означенной церкви.

В каких местах, и какого звания прихожане	Число дворов	Число душ		В каком разстоянии от церкви, и нет ли препятствий в сообщении
		Му жеска	Жен ска	
В селе Мужевском				
Духовных		2	2	

В каких местах, и какого звания прихожане	Число дворов	Число душ		В каком расстоянии от церкви, и нет ли препятствий в сообщении
		Му жеска	Жен ска	
Мещан	4 ?	17	24	
Крестьян	89 ?	358	334	
Самоедов	2 ?	11	15	
В юртах:				
Ямских	11	44	54	в 60 верстах
Харкутумских	2	8	11	в 75 верстах
Нясыюганских	2 ?	10	7	в 95 верстах
Вожгорских	7 ?	24	33	в 115 верстах
Уваломских	24	96	84	в 130 верстах
Горбунских	6 ?	25	30	в 150 верстах
Тильтимских	9 ?	37	32	в 165 верстах
Киеватских	14	56	44	в 20 верстах
Мужевских	9 ?	39	45	в 3 верстах
Аспугольских	21 ?	87	66	в 7 верстах
Нянинских	5 ?	22	17	в 20 верстах
Еврейских: самоедов	1	4	4	в 165 верстах
	211	845	817	

Священник Евфимий Оболтин.
Псаломщик Василий Малышев.

ТФ ГАТО Ф. 700 Оп. 1. Д. 31. Л. 1—4 об.
Подлинник.

НОВОЕ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБДОРСКОЙ МИССИИ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 30-Х ГГ. XIX ВЕКА

Миссионерская кампания первой половины 30-х гг. XIX в. вошла в историю христианизации аборигенов крайнего северо-запада Сибири как одна из самых неудачных. Для первых исследователей деятельности миссии Н.А. Абрамова и А.И. Сулоцкого единственным источником и мнением являлось описание событий, оставленное главой миссии иеромонахом Макарием. Немногим далее пошли и современные исследователи вопроса [Мавлютова Г.Ш. 2001; 91-93]. Между тем, вновь выявленные и вновь опубликованные источники позволяют не только уточнить многие детали событий, но и усомниться в непререкаемости суждений иеромонаха Макария по поводу причин постигшей его и его сподвижников неудачи. Во всяком случае, как выясняется, среди причин этих были не только «зверский обычай» аборигенов севера или неразвитость их языков «для объяснения истин христианской религии».

Итак, в 1826—27 гг. тобольский архиепископ Евгений (А. Казанцев, 1826—1831 гг.) ходатайствует перед св. Синодом об учреждении на севере Тобольской епархии миссии. Он даже готов ради этого оставить свой пост, поселиться среди язычников и проповедывать им слово Господне [Сулоцкий А.И. 2000 I: т. 2; 260—261], то есть повторить подвиг духовного служения схимонаха Федора (митрополита Филофея Лещинского), в первой четверти XVIII в. крестившего таким образом до 40000 аборигенов Сибири [Сулоцкий А.И. 2000 II: т. 2; 53, 56]. Пока тобольский владыка строил планы и собирался с духом, сдвинулись какие-то шестеренки в громоздком бюрократическом аппарате св. Синода. В 1828 г., 24 декабря, издается синодальный указ «Об учреждении в Тобольской и Казанской епархиях миссионеров для обращения в православие инородцев». Вряд ли столь масштабное решение имело своей основой только инициативу тобольского архипастыря. В николаевской России, где православие являлось частью госидеологии, любое инакомыслие, пусть даже в такой экзотической форме, как язычество, было нетерпимо.

А пока архиепископу Евгению было поручено озаботиться воплощением в жизнь синодального решения. Воодушевленный данным

поручением владыка немедленно отправился на север епархии с тем, чтобы обозреть будущие места «духовной ловитвы». Позднее об этой своей поездке архипастырь писал: «Плавал по Иртышу и Оби полтора месяца день и ночь, не приставая к берегу, кроме где отслужить или осмотреть церковь» [Сулоцкий А.И. 2000 I: т. 2; 259—262]. Евгений добрался таким образом до Обдорска (г. Салехард), и повсюду ему открывалась одна и та же печальная картина: «...Крещенные сибирские инородцы плохие хрестьяне... они, спустя 100 лет и более после своего крещения, не знали даже имени Господа Иисуса Христа, не знали своих христианских имен и называли святителя Николая Богом русским». Впрочем, аборигены также не были в восторге от визита архипастыря. Бывшие вблизи Обдорска их «ватажки» поспешно откочевали в тундру, движимые новостью: «большой поп приехал, крестить будет» [Сулоцкий А.И. 2000 I: т. 2; 262]. Дело в том, что в Обдорской тундре были осведомлены о действиях архимандрита Вениамина, который развернул в 1826 г. массовое принудительное крещение ненцев, кочевавших в тундрах к западу от Уральских гор. Кампания проводилась вполне в духе еще старца Федора (Лещинского) — языческие капища разрушались, идолов предавали огню. Так была сожжена священная роща ненцев на р. Мезени, а в 1828 г. было уничтожено знаменитое жертвенное место на острове Вайгач. К 1830 г. большинство ненцев Большеземельской тундры было крещено. Около 500-600 человек бежало от насильственного крещения за Урал, то есть перекочевало в Обдорскую тундру. В свою очередь не избежали насильственного крещения и сибирские ненцы, кочевавшие в Большеземельской тундре-всего 3 семьи (24 человека) [«И здесь появляется заря христианства...»; 49—51]. В итоге уже в 1826 г. обдорские ханты и ненцы намеревались всех русских «до смерти побить» за то, «что хотят их крестить». В 1828 г. ненецкий старшина Пайгол говорил тобольскому губернатору Д.Н. Бантыш-Каменскому, специально для успокоения аборигенов прибывшему в Обдорск, что: «все самоеды находятся в страхе от слухов, будто хотят их насильственно крестить». Тогда открытое выступление аборигенов администрации удалось предотвратить [Миненко Н.А. 1975; 294-295. Шемановский И.С. 2005; 182, 184, 187].

Между тем по возвращении с севера преосвященный Евгений приходит к выводу о необходимости открытия в епархии двух миссий: одной — на Алтае и в киргизских степях, а второй — в Березовском крае. О чем и доносит в Синод. Начинается поиск

претендентов, способных к «трудам апостольского звания». Желавших из числа тобольского духовенства оказалось трое (один благочинный и два диакона). Однако владыка забраковал эти кандидатуры по разным соображениям. Вследствие чего он обращается за соискателями миссионерского звания к архипастырям Курской, Калужской, Архангельской епархий, а также в Соловецкий монастырь. В сентябре 1829 г. в Тобольск из Курской епархии приезжает архимандрит Макарий (М.Я. Глухарев). Однако он отвечает отказом на предложение Евгения возглавить Обдорскую миссию по причине «хилого телосложения и плохого здоровья». В августе 1830 г. архимандрит Макарий выехал из Тобольска на Алтай, где положил начало миссии, расположившейся в Бийском округе Томской губернии. В марте 1831 г. в Тобольск прибывает другой Макарий (Боголепов), иеромонах Боровского Пафнутьева монастыря Калужской епархии.

Этот претендент на миссионерское служение был родом из Волинской епархии, где и учительствовал в одном из духовных училищ. Присмотревшись к нему, владыка назначает иеромонаха начальником Обдорской миссии. Вскоре архиепископ Евгений навсегда покидает Сибирь и отправляется в Рязань. Преосвященный только успевает передать Макарию снятые своей рукой копии с записок двух докторов Альберта и В.Н. Шаврова, посещавших в свое время Березовский край. Эти очерки должны были помочь начинающему миссионеру освоиться на новом месте и больше узнать о религиозных верованиях аборигенов севера [Сулоцкий А.И. 2000 I: т. 2; 259—264]. Кроме того, владыка вручает Макарию инструкцию, которой тот должен был руководствоваться при обращении язычников в христианство. В инструкции, в частности, говорилось о недопустимости насильственных действий. Как оказалось впоследствии, именно это предостережение оказалось для судеб миссии пророческим [Абрамов Н.А. 1998; 359]. Себе в помощники Макарий избирает выпускника Тобольской духовной семинарии Луку Вологодского. Последний был «с низу», как выражались тогда в Тобольске, то есть с низовьев Оби, из селения, находившегося в землях остяков, и потому знал их язык и нравы. Вторым помощником иеромонаха стал прибывший с ним из Калужской епархии послушник Никита Соловьев [Сулоцкий А.И. 2000 I: т.2 ; 264]. Из Тобольска миссионеры отбыли 17 мая 1832 г. уже при преемнике Евгения преосвященном Афанасии (А. Протопопов, 1832—1842). Добравшись до Березова, миссионеры получили здесь необходимые вещи и книги. Березовский исправник прикомандировал к ним «толмача». В Об-

дорск они прибывают 20 июня 1832 г., а уже 28 июня совершают первое крещение [Абрамов Н.А. 1998: 359—361]. В православие был обращен: «Уральского хребта самоедин Пика. При крещении наречено имя Иван. 30 лет», — сообщает «Ведомость о родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1832 год» обдорской Петропавловской церкви [ГУТО ГА в г.Тобольске Ф. 704. Д. 23. Л. 4об]. Всего за период с июня 1832 г. по март 1833 г. миссия крестила 17 человек. Последнее крещение состоялось 19 января 1833 г., когда был крещен: «Уральского хребта самоедин Хатю Мадарин. При крещении наречено имя Павел. 29-ти лет» [ГУТО ГА в г.Тобольске Ф. 704. Д. 27. Л. 4].

Всего самоедов в возрасте от 17 до 42 лет «Уральского хребта», «Сынской волости», «Архангельской губернии Мезенской округи» было крещено 12 человек — 9 мужчин и 3 женщины. Причем семь человек из этого числа составляли две семьи. В первом случае крестились муж, жена и брат мужа, во вторую семью входили муж, жена, сын и племянник мужа. Большинство из окрещенных самоедов и пяти окрещенных взрослых остяков и остячек работали и жили у русских в Обдорске или в близлежащих юртах. Все они приняли христианство добровольно [ГУТО ГА в г.Тобольске Ф. 704. Д. 23. Л. 4об.—5об; Д. 27. Л. 4].

В миссионерских целях Макарий и его сподвижники предприняли несколько поездок (плаваний на лодках): в летние юрты князя Тайшина, за тридцать верст от Обдорска, Ендырские и Вайкарские юрты Обдорской волости; Мужевские и Ларгородские юрты Куноватской волости, но «ничтоже успеха».

Такие, более чем скромные, результаты работы миссии объяснялись тем, что Макарий и его сподвижники столкнулись с противодействием со стороны «инородческих старшин». Во время осеннего 1832 г. миссионерского похода Макарию и его спутникам особенно ожесточенно противодействовали ендырские старшины: «Довольное количество остяцких юрт презжали мы и имели случай некоторым предлагать о христианской религии и о святом крещении, но они, по-видимому, и желали бы склониться на принятие христианской веры, однако же боятся ендырских старшин, яко главных их начальников» [Абрамов Н.А. 1998: 366]. Между прочим в событиях 1826 г. главными возмутителями спокойствия также выступили остяки Ендырских юрт. Не мало хлопот доставил миссионерам и обдорский хантыйский князь Матвей Тайшин, по свидетельству миссионеров, он «...никому не подает совета креститься, чрез сие немалая

трудность предлежит приводить их в христианскую веру. Князь хотя крещен и дети его крещены, но он имен, данных им при крещении, не знает» [Абрамов Н.А. 1998; 361, 363, 366, 368]. Именно по наущению М.Тайшина обдорские аборигены-язычники «...почти из рук миссионера иеромонаха Макария и его сотрудников отнимали, чуть не из купели вырывали и тех из своих сородичей, которые сами добровольно приходили к нему для крещения...» [Сулоцкий А.И. 2000 III: т. 2; 432]. Так было, например, во время крещения уже упоминавшегося Х.Мадарина. Последнего пришлось провожать в церковь под охраной полиции, ибо хотя сам Х. Мадарин желал креститься, но не желали того его родственники, попытавшиеся воспрепятствовать свершению обряда [«И здесь появляется заря христианства...»; 57]. Ситуация достаточно странная, если учесть, что сам князь Тайшин и члены его многочисленного клана, а также многие другие ханты близлежащих к Обдорску юрт охотно крестили своих детей, о чем свидетельствуют метрические записи обдорских Петропавловской и Васильевской церквей, по крайней мере с 80-х годов XVIII века [ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. 704. Ф. 699].

Еще более странно то, что «восприемники» крестившихся были не крещеные аборигены, как это обыкновенно было до того, а хозяева-работодатели (русские), а также обдорские администраторы. Так, в числе восприемников в метрических книгах упоминаются 23 человека. Среди них: березовские мещане Н.Я. Нечаевский, Н.Ф. Нечаевская, А. Карпов*, И.Е. Краюхина, Л.[Г] Раслекова [Руслякова], Ф.И. Сверчков, В.Н. Сверчкова [Свирчкова], Н.А. Сергеев; тобольские мещане А.П. Чичеров, Д.В. Булыгин, Е. М.[А] Мамеева, М.Н. Мамеева. Остальные восприемники представляли обдорскую администрацию и духовенство: «обдорский отдельный заседатель» И.И. Решиков, «обдорского отдельного заседателя жена» М.С. Решикова, «обдорского отдельного заседателя дочь» Е.И. Решикова, «переводчик инородческого языка казак» И.П. Палтырев, «переводчик инородческого разговора, казак» И.И. Раев [Роев], «отставной коллежский регистратор» Я.В. Лапотников, «находящийся при миссии» Н.П. Соловьев, «помощник миссионера Макария» Л. Вологодский, «обдорской церкви дьячок» Е. Карпов, «обдорской Петропавловской церкви причетник» А.П. Карпов, «вдова священническая» В.С. Карпова, «обдорского священника дочь» Н.Н. Карпова, «обдорского священника Николая Карпова дочь-девица» Анастасия, «обдорского дьячка Алексея Карпова дочь-девица» Аграфена. Наконец, лишь в случае крещения «Пашерцовых юрт остоятки, девки

Евы, при крещении наречено имя Анисья», восприеницей была ее соплеменница, «обдорская остоятка, девка Орина Чачилева». Еще среди восприемников упоминается некий М.И. Давидов. Вообще обдоряне-русские, местное духовенство и администрация оказывали миссионерам действенную помощь. Местные жители склоняли аборигенов к обращению в христианство, предоставляли лодки для миссионерских экспедиций. Макарий особенно тепло отзывался в своем отчете в консисторию о церковном старосте Д.В. Булыгине, «человеке добром и благонадежном». Однако, как уже отмечалось, результаты этой бурной деятельности были более чем скромны [ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. 704. Д. 23. Л. 4об.—5об; Д. 27. Л. 4; Абрамов Н.А. 1998: 359—371]. Чем же объясняется достаточно жесткая антихристианская позиция аборигенного населения Обдории? Похоже что в большой мере данная ситуация была спровоцирована самими миссионерами и местной администрацией. В 1831 г. Архангельская казенная палата вспомнила о крещенных в 1826 г. сибирских ненцах и принялась их разыскивать, для чего снеслась с обдорским отдельным заседателем. Заседатель И.И. Решиков предпринял поиски в результате каковых в 1831 г. было найдено в тундре одно из семейств новокрещенов. Поиск остальных продолжался, благо Архангельская казенная палата предоставила соответствующий список. В поиски втянулись и представители миссии с целью принуждения новокрещенов к исполнению христианских обрядов, что явно не прибавило миссионерам приязни у аборигенов, но породило слухи о грядущей насильственной христианизации на манер архангельской компании 1826 года [«И здесь появляется заря христианства...»; 48—52, 57—59]. В этой связи уместно вспомнить, что эпопеи Ваули Пиеттомина началась в начале 1830-х годов. По-видимому, не случайны также антихристианские лозунги выступления. В обдорской приходской летописи имеется следующая запись: «1841—го года в генваре месяце было в инородцах возмущение от самоедина Ваули Пиеттомина, **который покушался на церковь** и на жизнь князя (Тайшина-С.Т.) и жителей...» [ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. 704. Д. 17. Л. 5 об.]. После подавления мятежа на допросах Ваули и его сподвижники «открылись», что они «намерены были ночью напасть на Обдорск, **зажечь церковь** и идти по домам колоть русских...» [Головнев А.В. 1995; 163].

У миссионеров затеплилась была надежда на перелом ситуации в лучшую сторону зимой 1832—33 гг. в связи с началом ежегодной Обдорской ярмарки, проходившей с 25 декабря по 20 января. Сюда

съезжались аборигены для торга и сдачи ясака. Однако этим надеждам не суждено было реализоваться, вернее, они реализовались, но с точностью до наоборот. Именно Обдорская ярмарка стала в конечном счете причиной упразднения миссии. Накануне ярмарки уже бродившие в среде аборигенов слухи о предстоящем насильственном крещении только усилились. «Инородцы» отказывались являться для сдачи ясака. Обстановка накалялась и грозила нанесением ощутимых убытков казне. Это отчетливо видел тобольский губернатор А.Н. Муравьев, который как раз в это время обозревал север вверенной его попечению губернии и находился с этой целью в Обдорском селении. О своих впечатлениях он донес в Синод и предложил приостановить деятельность миссии. И здесь происходит то, что и должно было произойти. Превращенная к первой половине XIX в. в одну из деталей имперского бюрократического механизма Русская православная церковь уступает погибающие души аборигенов фискальным интересам казны. Деятельность миссии была приостановлена, а миссионеры отозваны в Тобольск, куда они прибыли в марте 1833 года [Абрамов Н.А. 1998: 369—370; Василий (Бирюков). 1906: 252—253]. Юридически Обдорская миссия прекратила свое существование в 1836 году [ПСЗ. Собр. 2-е. т. XI. № 9269]. Однако в том же году северная миссия была возобновлена. Центром ее стал Козьмодемьянский Троицкий монастырь [ПСЗ. Собр. 2-е. т. XI. № 9269]. По-разному сложились судьбы первых обдорских миссионеров. По возвращении в Тобольск Макарий отказался от продолжения миссионерского служения в других местностях епархии, сославшись на слабое здоровье. А Лука Вологодский после короткого отдыха в Тобольске был вновь отправлен в Обдорск на должность приходского священника [Сулоцкий А.И. 2000 I: т. 2; 264—265].

Дело в том, что в Синоде было решено не оставлять поле боя за души язычников окончательно. Своеобразным духовным арьергардом в Обдорске и должен был стать священник, который «...назидательною жизнью и обращением старался бы привлечь к себе инородцев, и хотя немногих из них, кои окажут свободное и искреннее расположение, сподоблять св. крещения, приготовляя тем путь к будущему просвещению сего племени» [ПСЗ. Собр. 2-е. т. XI. № 9269]. Кандидатура Луки Вологодского, «...живого, деятельного человека, хорошо знавшего остяцкий язык», как нельзя лучше подходила для этого служения. Однако дела по «привлечению к себе инородцев» у нового приходского священника Обдорской Петро-

павловской церкви шли не блестяще. За все время службы в этом приходе (1835—1837 гг.) [ГУТО ГА.в г.Тобольске Ф. 704. Д. 17. Л. 23об.] ему удалось крестить только трех взрослых инородцев, и те были не аборигены севера, а «тобольские захребетные татары Байкаловской волости Акманайских юрт», бог весть какими судьбами попавшие в заполярный Обдорск. Священник Л. Вологодский и пономарь Н. Карпов «молитвили и крестили» этих татар «из магометанского исповедания» 14 декабря 1835 года. Восприемниками у новокрещенных были: березовские мещане Н.Я. Нечаевский, И. Краюхина, Г.Н. Нечаевская, тобольский мещанин Д. Булыгин, жена священника Л. Вологодского Алефтина Николаевна и, наконец, обдорский отдельный заседатель Зубков [ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. 704. Д. 33. Л. 4об.]. Это коллективное крещение татар, наверное, можно считать последним эпизодом в истории Обдорской миссии первой половины 30-х годов XIX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

* В «Записках, находившихся в Березовском округе...» числится среди «восприемников» некий Гаврил Николаев Карпов «березовский мещанин». Возможно, что А. Карпов из обдорских метрических записей и Г.Н. Карпов — одно лицо. Вообще в текстах «Записок...» и метрических записях достаточно много разночтений. Примером может служить эпизод из «Записок...» с самоедом Архангельской губернии Мезенского округа Учевского рода Аркой Белковым, 42-х лет от роду, окрещенным 26 августа 1832 г. Восприемниками при этом были березовский мещанин Федор Иванов Свирчков и тобольская мещанская вдова Мавра Мамеева. В соответствующей метрической записи читаем: «Архангельской губернии Мезенской округи самоедин Аркабелков, при крещении наречено имя Аркадий, 42-х лет. 24 августа. Восприемники: березовский мещанин Федор Иванов Свирчков, тобольская мещанская жена вдова Мавра Николаева Мамеева [ГУТО Га в г. Тобольске Ф. 704. Д. 23. Л. 5].

1. Абрамов Н.А. 1998. Записки, находившихся в Березовском округе Тобольской епархии для обращения иноверцев к христианству иеромонаха Макария и помощников его, 1832 года. // Н.А. Абрамов. Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии. Тюмень.

2. Головнев А.В. 1995. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург.

3. Василий (Бирюков) 1906. По поводу «Истории Обдорской миссии» (1854—1904) // Православный благовестник. № 6.
4. «И здесь появляется заря христианства...». 2003. Тюмень.
5. Мавлютова Г.Ш. 2001. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX — начало XX века). Тюмень.
6. Миненко Н.А. 1975. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск.
7. Сулоцкий А.И. 2000. Архиепископ Евгений (Казанцев) как архипастырь тобольский // А.И. Сулоцкий. Сочинения в трех томах. Т. 2. О сибирском духовенстве. Тюмень.
8. Он же. 2000. Жизнь святителя Филофея, митрополита сибирского и тобольского, просветителя сибирских инородцев // Там же.
9. Он же. 2000. Нечто о миссиях в Тобольской епархии // Там же.
10. Шемановский И.С. 2005. Избранные труды. Москва.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И.В.Побережников.</i> Ямал в XII — начале XX вв.: периодизация русского освоения	3
<i>И.Л.Манькова.</i> Таможенная служба на Обдорской и Собской заставах в первой половине XVII века	58
<i>Е.В.Вершинин.</i> Надымский городок в письменных источниках XVII—XVIII вв.	134
<i>Е.М.Главацкая.</i> Христианское освоение Обдорского края	150
<i>С.В.Туров.</i> Православные храмы Обдорского края (XVII — начало XX вв.)	187
<i>С.В.Туров.</i> Новое о деятельности обдорской миссии тобольской епархии первой половины 30-х гг. XIX века	229

Научное издание

**РУССКОЕ ОСВОЕНИЕ ЯМАЛА
ДО НАЧАЛА XX ВЕКА
(ДОКУМЕНТЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Компьютерная верстка *Я.С.Недвиги*

Лицензия ИД № 04401 от 26 марта 2001 г.
Подписано в печать 8.11.2005. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага *ВХИ*. Гарнитура *TextBookCTT*.
Усл. печ. л. 13,95. Уч.-изд. л. 13,2. Тираж 500 экз.

Банк культурной информации.
620026, Екатеринбург, ул. Р.Люксембург, 56.
Тел./факс: +7 (343) 251-65-26.

